

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ**

**Материалы
XIV Международной научно-практической конференции**

20 октября 2022 года

Часть II

ISBN 978-5-6047619-8-4

9 785604 761984

**ИСЭИ УФИЦ РАН
Уфа - 2022**

УДК 338.24: 332.1 (063)

ББК 65.050: 65.9(2)

И 66

И 66 Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы XIV Международной научно-практической конференции.
Часть II. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. – 256 с.

Конференция посвящена обсуждению инновационных технологий управления социально-экономическим развитием разноуровневых территориальных образований. Особое внимание уделено проблемам и возможностям экономического развития регионов России в условиях санкционной политики стран Запада, методам и технологиям моделирования и управления инновационным развитием территориальных социально-экономических систем в условиях новой экономической реальности, финансовой устойчивости развития территорий, управлению территориальным развитием в условиях глобальных трансформаций, социальному развитию территорий и формированию качественной социальной инфраструктуры в условиях внешних и внутренних вызовов и экономической нестабильности.

Участникам конференции была предоставлена возможность высказать свою позицию и обсудить результаты исследований по обозначенным темам. Публикация материалов осуществлена в авторской редакции и отражает точки зрения ученых и практиков по инновационным технологиям управления социально-экономическим развитием регионов России.

Сборник представляет интерес для научных работников, работников вузов и студентов, а также специалистов в области экономики и управления региональным развитием.

Редакционная коллегия:

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф.; Гагауллин Р.Ф., д.э.н., проф.; Иванов П.А., к.э.н.; Кириллова С.А., к.э.н., доц.; Печаткин В.В., к.э.н., доц.; Низамутдинов М.М., к.т.н., доц.; Садыков Р.М., к.соц.н., доц.

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН.

Публикация материалов осуществлена в авторской редакции.

ISBN 978-5-6047619-6-0 (РЕГ.)

ISBN 978-5-6047619-8-4

© Авторы, 2022

© ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ III   **ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ VS САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ**

1.   АЛТУФЬЕВА Т.Ю.
Влияние малого и среднего бизнеса на резилиентность территорий при санкционном давлении 6
2.   ИВАНОВ П.А.
Долговая политика российских регионов в условиях санкционного давления 12
3.   ЛАВРИК А.Д.
Развитие скоринга как явления современности 18
4.   САХАПОВА Г.Р.
Межбюджетные трансферты как инструмент стабилизации бюджета в кризисный период 22
5.   ТЮТЮННИКОВА Т.И.
Сбережение населения в системе приоритетов социального государства 26
6.   ФАРХУТДИНОВА А.У.
Институты развития как финансово-инвестиционные инструменты поддержки в условиях внешней нестабильности 32
7.   ШМАКОВА М.В.
Стратегические приоритеты социально-экономического развития Республики Башкортостан в условиях санкций: финансовая составляющая 38

СЕКЦИЯ IV   **УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

8.   АСЛАЕВА С.Ш., ГАЙСИНА А.Ш.
Методика оценки межрегионального взаимодействия 44
9.   АТАЕВА А.Г.
Методологические основы интегративного межтерриториального взаимодействия 50
10.   АХМЕТОВ В.Я.
Этнокультурный туризм как одно из перспективных направлений межмуниципального и межрегионального сотрудничества в развитии сельских территорий (на примере Республики Башкортостан и Челябинской области) 55
11.   БАБАЕВ Э.С., БАБАБЕЙЛИ Н.С., ГАТАУЛЛИН Р.Ф.
Роль исторического развития в формировании архитектуры социально-экономического пространства 61
12.   БЕССОНОВА Т.Н., КОНЕВА Д.В.
Адаптация северных регионов к изменениям климата 65
13.   ВИНОГРАДОВ А.И., ПАТРУШЕВ В.И.
Региональная кадровая политика: опыт и проблемы опережающего управления 71
14.   ГАЛИКЕЕВ Р.Н.
Роль межмуниципального и межрегионального сотрудничества в самообеспечении продукцией сельского хозяйства в условиях западных санкций 77

15.	ГАТАУЛЛИН Р.Ф., ЧУВАШАЕВА Э.Р. Взаимодействие центра и периферийных территорий в регионе	82
16.	ГУРЬЯНОВ Д.В., ТАЙМАСОВ А.Р. Цифровые валюты как ключевая финансовая составляющая теневой экономики региона	87
17.	ЗИННУРОВА Г.Р. Открытость деятельности органов местного самоуправления	93
18.	ЗУЛКАРНЕЕВА Р.Р. Уровень жизни населения в государственном и региональном масштабе: тенденции развития и его прогноз в условиях неопределенности	98
19.	ИВАНОВ В.А. Состояние и приоритетные направления развития сельских территорий северного региона	104
20.	ЛАТЫПОВ А.М. Метод «shift-share analysis», как современный метод оценки экономической эффективности регионального управления	108
21.	МАМЕДОВ А.К., ГЕЗАЛОВ А.А. Ближний восток: время новых акторов пришло (политико-социологический подход)	111
22.	КОМНАТНАЯ А.В. Эффективные способы взаимодействия с сотрудниками поколения Z	117
23.	МАТВЕЕВ Н.И., САЙФУЛЛИНА Л.Д. Ситуационные центры принятия решений в управлении регионом	123
24.	САЙФУЛЛИНА Л.Д. Тенденции рынка труда в новых социально-экономических условиях	127
25.	СВИРИДЕНКО М.В. Тенденции нормативно-правовой трансформации социально-экономического пространства муниципальных образований в современных условиях	132
26.	УЛЯЕВА А.Г. Муниципальная реформа в России: актуальность, содержание и перспективы реализации	138
27.	УЛЯЕВА А.Г., АТАЕВА А.Г. Анализ методологических подходов к межтерриториальному взаимодействию	143

СЕКЦИЯ V

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

28.	ВАВИЛОВА Е.С., БИГЛОВА А.А., БУЛАНКИНА Е.П. Особенности функционирования административных комиссий муниципальных образований	151
29.	ВАЛИТОВА Н.Э., КИЛЬСЕНБАЕВА Д.Г. Развитие профессиональной идентичности как инструмент повышения конкурентоспособности выпускников вузов	156

30.	ВЕРЕВОЧНИКОВА А.К., ПРОЦЕНКО Ф.В. Анализ состояния сельского хозяйства Республики Башкортостан: проблемы и пути их решения	160
31.	ГАТАУЛЛИН Р.Ф., КЛЕКОВКИНА К.А. Уход российского образовательного пространства от болонского процесса	164
32.	ГОНЧАРОВА К.С. Демографические проблемы пространственного развития муниципальных образований Свердловской области (на примере показателя возрастной структуры населения)	169
33.	ДЯДИК В.В. Экономические причины депопуляции арктических регионов РФ. Адаптация и применение модели тибу для межрегиональных сопоставлений	175
34.	КАРИМОВ А.Г. Некоторые аспекты исследования «социального капитала» в условиях социокультурных изменений	187
35.	МАК Н.И. Модель компетенций участника проектной деятельности	193
36.	МИГУНОВА Ю.В. Ресурсы здоровья как фактор влияния на социальный капитал	197
37.	ПЯТШЕВА Е.Н. Профессиональная ориентация и ее влияние на производительность труда в России	203
38.	САДЬКОВ Р.М. Социальный капитал приемной семьи для пожилых людей и инвалидов	209
39.	СВИНУХОВА Ю.Н. Стратегии эффективного поведения на региональном рынке труда: формальные и неформальные каналы трудоустройства	214
40.	СЕЛИВАНОВА С.С. Динамика уровня социального самочувствия населения России	221
41.	ТАГИРОВА Э.И. Сравнительный анализ комфортности среды обитания ТОСЭР Республики Башкортостан и Республики Татарстан	226
42.	ФАЙЗУЛЛИН Ф.С., ФАЙЗУЛЛИН И.Ф. О некоторых особенностях современного рынка труда и его регулирования	232
43.	ФАЙЗУЛЛИН Ф.С., ФАЙЗУЛЛИН Т.Ф. Проблемы определения сущности и содержания социального капитала в отечественной науке	236
44.	ФАТКУЛЛИНА Г.Р. Молодежь и рынок труда в Республике Башкортостан: ключевые детерминанты	242
45.	ШАЙХУТДИНОВА Д. Р., ФАЙЗУЛЛИН Ф.С. Краудсорсинг как метод познания социальных явлений	249

СЕКЦИЯ 3. ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ VS САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ

УДК 330.342:336.15

Т.Ю. АЛТУФЬЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,
Россия, e-mail: altufevat@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА РЕЗИЛИЕНТНОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ ПРИ САНКЦИОННОМ ДАВЛЕНИИ

THE IMPACT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESSES ON THE RESILIENCY OF TERRITORIES UNDER SANCTION PRESSURE

*Данное исследование выполнено в рамках государственного задания
№ 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.*

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния малого и среднего бизнеса на резилиентность территорий в контексте рассмотрения особенностей этого процесса в условиях антироссийского санкционного давления и других шоковых воздействий. Построена схема шоковых воздействий на территориальные социально-экономические системы (далее ТСЭС) и гипотетического ответа на них. Выявлены некоторые аспекты санкционного давления на субъекты малого и среднего предпринимательства (далее МСП). Исследована помесечная динамика развития субъектов МСП Республики Башкортостан за 2021 и 2022 годы в сопоставлении с влиянием на показатели социально-экономического развития республики. Представлен комплекс рекомендаций для совершенствования государственной поддержки субъектов МСП при санкционном давлении.

Abstract. The article is devoted to the study of the impact of small and medium-sized businesses on the resilience of territories in the context of considering the features of this process in the context of anti-Russian sanctions pressure and other shock effects. A scheme of shock effects on territorial socio-economic systems (hereinafter referred to as TSES) and a hypothetical response to them has been constructed. Some aspects of sanctions pressure on small and medium-sized businesses (hereinafter referred to as SMEs) have been identified. The monthly dynamics of the development of SMEs in the Republic of Bashkortostan for 2021 and 2022 has been studied. in comparison with the impact on the indicators of the socio-economic development of the republic. A set of recommendations for improving state support for SMEs under sanctions pressure is presented.

Ключевые слова: резилиентность, субъекты МСП, шоковые воздействия, санкционное давление, государственная поддержка субъектов МСП.

Keywords: resilience, SMEs, shock effects, sanctions pressure, state support for SMEs.

В последние годы шоковые воздействия становятся неотъемлемой частью экономической динамики развития территорий во всем мире. Природа, сила и временная протяженность этих воздействий, приводящих к экономическим потрясениям, многообразны. В частности, среди них можно выделить природные и техногенные катастрофы, глобальные экономические и финансовые, а также стремительные технологические изменения, значимые политические решения, в том числе по установлению санкций, эпидемические процессы, охватывающие значительную часть населения территорий. В их число входят как резкие одномоментные (например, введение санкции на территорию), так и медленно текущие шоки (например, внедрение технологических инноваций и вызываемые ими изменения).

Выявлено, что одни территориальные объекты после шока быстрее восстанавливают свое полноценное функционирование, а другим требуется длительный адаптационный период. Как показывают проведенные исследования, территориям, испытавшим значимые потрясения, для быстрого восстановления необходим высокий уровень резилиентности (рис. 1).

Рис. 1. Схема шоковых воздействий на ТСЭС и прогнозируемый ответ на них в зависимости от уровня резилиентности

Понятие «резилиентность» (от англ. resilient) многими исследователями приравнивается к таким понятиям как «устойчивость», «сопротивляемость», «стойкость» или «прочность» [1, С. 59].

На наш взгляд, для более точного понимания смыслового содержания термина резилиентность нужно сделать упор на его дословный перевод: «упругость», «эластичность», «гибкость». В этом случае резилиентность территориальной системы может быть соотнесена со скоростью полного поглощения ею шокового экзогенного импульса и возвращения к своему исходному состоянию.

Нужно отметить, что с 2010-х годов понятие резилиентности начало применяться в стратегических документах международных организаций как новая трактовка национальной безопасности в ситуации шоков. Так, понятие резилиентность присутствует в Проектной инициативе Организации экономического сотрудничества и развития «Новые подходы к экономическим вызовам» (ОЭСР, 2015 год), Новой глобальной стратегии Европейского союза (2016 год), Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ООН) до 2030 года, в Парижском соглашении ООН по климату (2015 год), документах Североатлантического Альянса по противодействию терроризму и др. В рамках ОЭСР резилиентность – это способность системы к мобильной перегруппировке своих элементов и ключевых ресурсов для достижения динамической устойчивости на новом уровне развития в ответ на внезапные внутренние или внешние возмущения [2]. В настоящее время резилиентность исследуется ведущими мировыми экспертами как новый подход к обеспечению устойчивости национальных экономик в условиях вступления мира в эпоху сложности, нелинейности и радикальной неопределенности [3].

На наш взгляд, под резилиентностью нужно понимать способность территориальных систем, во-первых, поглощать (абсорбировать) шоки; во-вторых, восстанавливаться (возвращаться в состояние динамического равновесия) и, в-третьих, адаптироваться к существующим и новым потрясениям (трансформироваться для роста), используя свой потенциал и ключевые ресурсы.

Современное санкционное давление на экономику России на первом этапе наиболее сильно затронуло финансовую сферу, затем распространилось на крупный бизнес. В силу этого обострилась проблема повышения эффективности участия российского малого и среднего предпринимательства, который превратился в одну из опор экономики, в решении насущных социально-экономических проблем [4-6]. Начавшаяся в 2020 году пандемия добавила к неблагоприятной обстановке ограничения в виде локдаунов и вынужденного перехода предпринимателей и населения на удаленную работу, что естественно отрицательно повлияло на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства Российской Федерации (РФ). К тому же санитарные ограничения

и самоизоляция значительно снизили потребительский спрос и многократно повысили финансовые риски. Тем не менее малый и средний бизнес РФ при существенной государственной поддержке сумел адаптироваться к сложившейся непростой ситуации и найти пути для восстановления и развития в 2021 году.

Новая реальность 2022 года, характеризующаяся высокой турбулентностью в связи с шоковыми воздействиями украинских событий, ужесточения антироссийских санкций, ухода западного бизнеса с российского рынка, разрыва логистических цепочек, дефицита комплектующих потребовала от малого и среднего бизнеса более высокого уровня резилиентности, чтобы противостоять многочисленным шокам.

По результатам лонгитюдных исследований малого бизнеса ФОМ и ВШЭ¹, если в 2021 году предприниматели относились к вводимым западными странами нейтрально, то в I кв. 2022 года 73% представителей российского малого бизнеса уже начали ощущать негативное влияние санкций, при этом почти две трети из них – 65% – считают, что предпринимателям удастся преодолеть их последствия. В качестве основных негативных проявлений санкций в I кв. 2022 года российские предприниматели назвали уменьшение числа заказов, рост издержек, нарушение логистических цепочек, невозврат долгов, проблемы с уплатой налогов и выплатой арендной платы (рис.2).

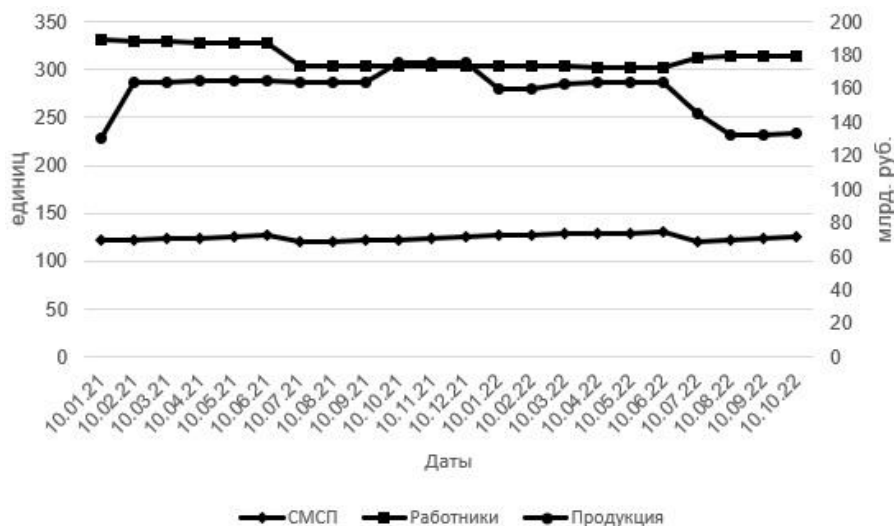

Рис. 2 Негативные проявления санкций для бизнеса в I кв. 2022 года

*Построено по данным Лонгитюда Малого Бизнеса ФОМ

¹ Лонгитюд Малого Бизнеса ФОМ – первый в России проект по изучению жизненных циклов и траекторий предприятий малого бизнеса, инициированный Фондом Общественное мнение совместно с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). – URL: <https://smbiz.fom.ru/post/longityud-malogo-biznesa-fom>.

В Республике Башкортостан (РБ) по данным Федеральной налоговой службы за 8 месяцев 2022 года количество субъектов МСП сократилось более чем на 2 тыс. ед. или на 1,8%, в то время как в РФ в целом на 0,7% (рис. 3).

Рис. 3. Динамика основных показателей развития субъектов МСП РБ по месяцам 2021-2022 годов*

*Построено по данным ФНС России – URL: <https://rmsp.nalog.ru/>

При этом доля субъектов МСП в ВРП РБ – 28,7% в 2020 году была выше, чем в среднем по РФ – 22,5. Индекс промышленного производства в республике в 2021 году – 107,5% также превышал соответствующий показатель по РФ – 105,3%, что косвенно свидетельствует о заметном влиянии малого и среднего предпринимательства на социально-экономическое развитие РБ. В этой связи актуальной проблемой является разработка рекомендаций по совершенствованию государственной поддержки субъектов МСП Республики Башкортостан как наиболее уязвимого и достаточно значимого сектора экономики в условиях негативного воздействия внешней среды. В числе первоочередных мер, на наш взгляд, должны быть следующие:

1. Внедрение Регионального инвестиционного стандарта, который качественно изменит бизнес-климат во всех субъектах РФ и будет способствовать разогреву частных инвестиций. В частности, Республике Башкортостан необходимо усилить информирование предпринимательского сообщества об инструментах стандарта, ведь их внедрение позволит республике претендовать на получение дотаций по инвестиционным

вычетам, а, следовательно, активнее использовать этот преференциальный механизм.

2. Реализация проекта «Сквозной инвестиционный поток» в целях устранения дублирования бумажного и электронного документооборота, необходимости излишних согласований, неэффективного межведомственного взаимодействия информационных баз данных, что позволит снизить существенное число отказов, возвратов, приостановки обработки заявлений на получение инвестиционных кредитов.

3. Разработка прототипа информационной системы для бесшовной интеграции мер поддержки инновационных компаний в республике с возможностью подключения к ней крупных корпораций, инновационных компаний, как государственных, так и частных, чтобы облегчить инвестиции в стартапы на зрелых стадиях их развития.

4. Развертывание системы поддержки малых технологических компаний для доразвивания под запросы крупных предприятий республики и других субъектов РФ на основе льготных кредитов и предоставления специальных грантов. Для этого предлагается внести изменения в Программу стимулирования кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства Корпорации МСП для получения ими при текущем уровне ключевой ставки займов на перестройку и развитие своего бизнеса под 4% (малые и микропредприятия) и 2,5% (средние предприятия).

5. Активизация привлечения руководителей и работников малых и средних предприятий к подготовке специалистов в российских колледжах и техникумах, в том числе, в РБ.

Предложенные меры государственной поддержки будут способствовать повышению устойчивости развития территорий в условиях санкций посредством повышения эффективности функционирования субъектов МСП за счет замещения выпавших из экономического оборота цепочек поставщиков из недружественных стран. Причем превентивные действия по повышению гибкости и адаптивности экономики за счет государственной поддержки малого и среднего предпринимательства позволят избежать определенных потенциальных материальных и финансовых потерь вследствие усиления такого свойства социально-экономических систем как резилентность.

Список использованной литературы:

1. Смородинская Н.В., Малыгин В.Е. Резильентность как стратегический императив в эпоху неопределенности // Экономические стратегии. – 2021. – № 6 (180). – С. 58-62.

2. Кальдера Санчес А. и др. «Укрепление экономической устойчивости: выводы из истории серьезных рецессий и финансовых

кризисов после 1970 г.», Документы по экономической политике ОЭСР. – Париж: Издательство ОЭСР, 2017. – № 20.

3. Никулкина И.В., Гордячкова О.В., Калаврий Т.Ю., Вандерлинден Ж.-П. Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 1. – С. 659-668.

4. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансирование развития территориальных образований на разных стадиях жизненного цикла: государственные и частные ресурсы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 53-60.

5. Иванов П.А. Подходы к оценке финансового потенциала территорий // Управление экономикой: методы, модели, технологии: Материалы XIV международной научной конференции. – Уфа: УГАТУ. – 2014. – С. 35-38.

6. Сахапова Г.Р. Закономерности и особенности развития территорий на различных стадиях жизненного цикла // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. – № 5. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN519.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

УДК 332.1:336.1

П.А. ИВАНОВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: ivanov-ran@mail.ru

ДОЛГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

DEBT POLICY OF RUSSIAN REGIONS UNDER SANCTION PRESSURE

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния уровня долговой нагрузки регионов Приволжского федерального округа и их муниципальных образований в современных условиях санкционного давления на экономику страны. На примере Республики Башкортостан выявлены наиболее привлекательные инструменты финансирования дефицита регионального бюджета в текущих условиях как одного из направлений повышения резильентности экономики территории в целом.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the state of the level of the debt burden of the regions of the Volga Federal District and their municipalities in the current conditions of sanctions pressure on the country's economy. On the

example of the Republic of Bashkortostan, the most attractive instruments for financing the regional budget deficit in the current conditions are identified as one of the ways to increase the resilience of the economy of the territory as a whole.

Ключевые слова: государственный долг, консолидированный долг, долговая нагрузка, бюджет, регион, резилиентность, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан.

Keywords: public debt, consolidated debt, debt load, budget, region, resilience, Volga Federal District, Republic of Bashkortostan.

Одним из важнейших направлений обеспечения резилиентности экономики территории является проведение эффективной долговой политики, позволяющей обеспечить финансирование дефицита бюджета на экономически безопасном уровне. В условиях санкционного давления со стороны западных стран на экономику России и ее регионов, роста расходной части территориальных бюджетов (увеличение расходов на социальные статьи бюджета, расширение программ субсидирования затрат отечественных предприятий, в т.ч. в рамках проведения политики по импортозамещению) все более актуальным становится вопрос поиска дополнительных ресурсов по финансовому обеспечению данных мероприятий. К примеру, проектом закона Республики Башкортостан (РБ) о внесении изменений в республиканский бюджет [1], предложенным Министерством финансов РБ в сентябре 2022 года по сравнению с первоначальным утвержденным планом, предполагается увеличение расходов бюджета РБ на 10,6% или на 28,3 млрд рублей. Из них 12,6 млрд рублей планируется покрыть за счет роста объема безвозмездных поступлений, 13,0 млрд рублей – за счет роста налоговых и неналоговых доходов, остальные 2,7 млрд рублей финансируются за счет увеличения государственного долга республики преимущественно путем взятия коммерческих кредитов. Всего за 7 месяцев 2022 года госдолг РБ (с учетом инфраструктурных кредитов из федерального бюджета) вырос с 26,6 млрд рублей до 33,3 млрд рублей, а верхний предел государственного долга на 2022 год, согласно проекту [1], должен вырасти с 36,2 млрд рублей до 50,0 млрд рублей.

На наш взгляд, при анализе долговой нагрузки в рамках государственных финансов территории необходимо учитывать все совокупные долговые обязательства, складывающиеся как на региональном, так и на муниципальном уровнях и образующие консолидированный долг региона. Схожий подход традиционно применяется при анализе бюджета: бюджет субъекта РФ, местные бюджеты, консолидированный бюджет региона. В качестве объекта исследования выбраны субъекты РФ, расположенные в Приволжском федеральном округе (ПФО). На рисунке 1 представлена группировка регионов ПФО по объему удельного консолидированного долга по состоянию на 1 августа 2022 года.

Рис. 1. Рейтинг регионов ПФО по объему консолидированного долга на душу населения на 01.08.2022 года, тыс. рублей

Наибольшее значение консолидированного долга на душу населения наблюдается в Удмуртской Республике и Республике Мордовия (54,2 тыс. рублей и 52,3 тыс. рублей соответственно), при наименьшем значении – в Пермском крае (7,9 тыс. рублей). РБ по удельному объему долга занимает 11 место (10,7 тыс. рублей), что свидетельствует о возможностях его наращивания примерно в 1,5 раза. В этом случае ключевой показатель – уровень долговой нагрузки – будет находиться на уровне Самарской области (имеющей схожую с РБ структуру долга) и Республики Татарстан (табл.).

Таблица

Структура консолидированного долга регионов ПФО и их долговая нагрузка по состоянию на 01.08.2022 года, %

Регион	Ценные бумаги	Кредиты		Гарантии	Долговая нагрузка по конс. долгу	Долговая нагрузка по госдолгу
		Банки	Бюджет			
1	2	3	4	5	6	7
Республика Башкортостан (I)	34,1	8,6	56,8	0,5	19,4	18,6
Республика Марий Эл (I)	12,5	1,4	86,0	0,1	39,3	46,6
Республика Мордовия (III)	0,0	11,4	88,6	0,0	103,6	102,1
Республика Татарстан (I)	0,0	0,2	95,9	3,9	29,8	27,5

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Удмуртская Республика (III)	6,3	0,5	93,1	0,0	93,4	103,8
Чувашская Республика (I)	0,0	0,1	99,7	0,2	24,9	24,9
Пермский край (I)	0,0	0,0	100,0	0,0	9,2	10,4
Кировская область* (I)	0,0	6,2	93,7	0,0	42,4	48,6
Нижегородская область (II)	37,0	0,8	62,1	0,1	52,2	56,1
Оренбургская область (I)	19,8	0,0	80,2	0,0	14,2	16,4
Пензенская область (I)	0,0	31,2	68,8	0,0	46,6	44,9
Самарская область (I)	33,0	4,9	61,8	0,2	28,3	26,7
Саратовская область* (II)	7,1	5,9	87,0	0,0	59,2	59,9
Ульяновская область* (II)	33,4	8,5	58,1	0,0	73,8	79,7

* по состоянию на 01.07.2022 года.

В соответствии со ст. 107.1 Бюджетного кодекса РФ все регионы по уровню долговой устойчивости подразделяются на 3 группы:

1) с высоким уровнем долговой устойчивости (в таблице отмечены цифрой I), имеющие долговую нагрузку не более 50%,

2) со средним уровнем (II), долговая нагрузка которых находится в диапазоне от 50% до 85%,

3) к низкому уровню (III) относятся регионы с долговой нагрузкой более 85%.

Необходимо отметить, что, согласно Бюджетному кодексу РФ, при расчете показателя долговой нагрузки, определяемого как отношение объема государственного (муниципального) долга к объему налоговых и неналоговых доходов регионального (местного) бюджета, не включается объем средств, выделенных из вышестоящего бюджета на инфраструктурные кредиты.

В силу сложности сбора данной информации по отдельным регионам показатель долговой нагрузки рассчитывался с учетом инфраструктурных бюджетных кредитов, что несколько завышает его значение для регионов, имеющих данный тип кредитов в составе долговых обязательств. Например, долговая нагрузка по госдолгу РБ в 2022 году составила 18,6%, а без учета инфраструктурных кредитов – 14,5%.

Принятие поправок в бюджет РБ [1] и повышение верхнего порога предельно допустимого уровня государственного долга региона потребует

внесения изменений в недавно принятую государственную программу «Управление государственными финансами Республики Башкортостан» [2] в части корректировки целевого значения долговой нагрузки. На наш взгляд, значения по данному показателю, заложенные в программу, были изначально заниженными поэтому в качестве скорректированной величины предлагается установить долговую нагрузку по госдолгу в размере не более 30% (на данный момент не более 16%). Это позволит оставить, с одной стороны, показатель на экономически безопасном уровне, а с другой – не выше или на уровне долговой нагрузки, имеющейся в других развитых экономиках ПФО. Еще одним предложением по совершенствованию госпрограммы является корректировка задачи в области долговой политики. По нашему мнению, задачу снижения долговой нагрузки РБ лучше сформулировать как поддержание долговой нагрузки региона на экономически безопасном уровне поскольку одновременное выполнение условий по снижению долговой нагрузки и осуществлению заимствований на уровне, обеспечивающем финансовую устойчивость и экономический рост республики, представляется труднореализуемым.

В настоящее время наиболее популярным видом долговых инструментов финансирования дефицита бюджета регионов является бюджетный кредит, доля которого в структуре консолидированного долга регионов ПФО составляет от 56,8% в Республике Башкортостан до 100,0% в Пермском крае. Популярность данного вида долговых обязательств объясняется выгодными для регионов условиями кредитования (как правило 0,1% годовых). Однако размер поддержки регионов в целом в рамках данного инструмента ограничен финансовыми возможностями федерального центра.

В настоящее время в качестве наиболее перспективных направлений развития долгового рынка могут выступить выпуск государственных ценных бумаг, а также облигаций для населения, особенно учитывая современные тенденции снижения ключевой ставки Банка России и процентных ставок по банковским вкладам. После роста ключевой ставки 28 февраля 2022 года с 9,5% до 20,0% в течение года наблюдается постепенное ее снижение до 7,5% (по состоянию на 20 сентября 2022 года). Ставки по вкладам для населения также планомерно снижаются (на июль 2022 года в ПФО средняя ставка – 7,4%), что делает облигационные инструменты более привлекательным способом вложения средств с 2023 года (после окончания срока освобождения от уплаты процентных доходов по вкладам в банках). Например, в 2021 году РБ разместила гособлигации по ставке 7,65% при текущей доходности купона 7,93% [3].

Важное значение при исследовании консолидированного долга территории имеет также учет задолженности в других институциональных секторах экономики (бизнес и домохозяйства). Исследования по этим секторам планируется провести в дальнейшем. Помимо этого, на

резилентность экономики территории оказывают влияние другие аспекты: финансовые – в области стратегического управления [4], социальные – в сфере сбережения населения [5], методические – по согласованию интересов при выборе стратегических приоритетов развития региона [6], учете стадий жизненного цикла территорий [7] (в т.ч. в области финансирования их развития [8]), инновационные аспекты [9] и др.

Список использованной литературы:

1. Проект Закона РБ «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан «О бюджете Республики Башкортостан на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/documents/projects/439376/> (дата обращения 10.08.2022).

2. Постановление Правительства РБ от 30 декабря 2021 года № 736 «Об утверждении государственной программы «Управление государственными финансами Республики Башкортостан» и о внесении изменений в Программу деятельности Правительства Республики Башкортостан на срок своих полномочий до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://pra.bashkortostan.ru/34862/> (дата обращения 10.08.2022).

3. Котировки облигаций субъектов РФ и муниципальных образований на Московской бирже [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-lab.ru/q/subfed/> (дата обращения 10.08.2022).

4. Шмакова М.В. Совершенствование методов регионального стратегирования: финансовый аспект // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2016. – С. 156-158.

5. Тютюнникова Т.И. Сбережения населения в разрезе жизненного цикла территориальных образований // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 372-374.

6. Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Методические аспекты проблемы согласования интересов в рамках задач выбора стратегических приоритетов регионального развития // Экономика промышленности. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 185-194.

7. Сахапова Г.Р. Закономерности и особенности развития территорий на различных стадиях жизненного цикла // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. – № 5. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN519.pdf> (дата обращения 10.09.2022).

8. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансирование развития территориальных образований на разных стадиях жизненного

цикла: государственные и частные ресурсы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 53-60.

9. Ахметов Т.Р. Качество инновационного роста как основной критерий для обоснования приоритетов территориального развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – Т. 16. – № 1 (382). – С. 145-161.

УДК 316.4

А.Д. ЛАВРИК

Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа, Россия, e-mail: lavrik998@gmail.com

РАЗВИТИЕ СКОРИНГА КАК ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

THE DEVELOPMENT OF SCORING AS A PHENOMENON OF MODERNITY

Аннотация. В данной статье говорится о новых критериях оценки общества, а также способах применения и направлениях сбора информации.

Abstract. This article talks about new criteria for assessing society, as well as methods of application and directions for collecting information.

Ключевые слова: скоринг, инновация и общество, социальная инфраструктура.

Keywords: scoring, innovation and society, social infrastructure.

Кто такие герои? Возникает сразу образ людей в костюмах, обладающих уникальными способностями. Сильные и смелые, они оберегают наш мир от опасностей. Но все это облик и искусство. Настоящие герои находятся среди нас. Они каждый день тратят на нас свое время, обучают, дают что-то новое, и нередко жертвуют собой ради нас. Это сами Люди.

Общество всегда было разнородным. Это заключалось в реакции на события, отношении к проблемам, действию в ситуациях. Наша история знает много событий, результаты которых, с точки зрения современности, мы трактуем по-новому, стараясь быть объективными. Мы прошли долгий путь, от античности до наших дней, создавая мир вокруг нас. Противоречия всегда терзали цивилизацию, ввиду непонимания и непринятия других точек зрения.

Но сам человек не был бы человеком, если бы он не создал этот самый мир. Решение разногласий всегда было проблемой и остается такой на сегодняшний день. Актуальность данного вопроса заключается в том, что, отсутствует структура оценки членов общества, потому как это носит разнородный и несистемный характер. С целью систематизации таких

отношений предполагается создание структуры, позволяющей собирать, анализировать и обрабатывать получаемую информацию.

Тенденция общества такова, что социально-приемлемые и одобряемые обществом поступки, которые мы совершаем каждый день если и находят в сердцах людей отзыв, то это, как правило, ненадолго. Оценка и прогноз делового, социального и даже бытового поведения поможет выявить перспективы развития в обществе и поведении.

Чтобы закрепить информацию и позволить любому по желанию субъекта ознакомиться с ней, мы решили структурировать ее и создать базу данных.

Основными идеями такой системы являются:

1) представление общей характеризующей информации о члене общества;

2) возможность более точно использовать способности и преимущества человека;

3) работа подобной системы благоприятствует межличностным отношениям. Каждый человек сможет оценить свой вклад в жизнь общества.

Сама система подразумевает информацию, которая поможет заинтересованному в человеке лицу, лучше проанализировать его, познакомиться по-новому, более углубленно изучить кандидата и найти подходящую сферу для реализации его способностей и возможностей. Данные, которые предполагается собирать, будут поступать из нескольких источников, большинство которых будет оставлять общество:

1. Прохождение разнообразных тестов личности, которые будут направлены на изучение характерологических, волевых и эмоциональных свойств.

2. Анкетирование, опрос, тестирование, соответствие профессиональной подготовке, деловые качества человека.

3. Участие в общественной жизни общества. Это может включать в себя работу в благотворительном фонде, участие в общественно-полезных трудовых мероприятиях, участие в проведении различных творческих или спортивных конкурсах и мероприятий, донорскую и волонтерскую деятельность, соблюдение экологических норм и правил.

4. Общая база данных об образовании, включающая в себя старшую школу, подготовительные курсы, высшее образование курсы повышения квалификации и все сопутствующие полученные знания. К данной системе возможно подключение аккредитованных высших учебных заведений и системы ФРДО.

5. Характеристика и послужной список с места учебы, работ, известных лиц, направленные на его оценку о прошлых поступках, характеристика специалиста и работодателя.

6. Места и период работы, пропадет необходимость в трудовых книжках.

Полученная информация поможет самому человеку лучше и точнее использовать свои ресурсы, а также более трезво оценивать свои возможности по реализации способностей.

Использование данной информации предполагается в следующих ситуациях, среди которых стоит отметить:

1. Найм работников и специалистов, подходящих под определенные критерии: работодатель может выбрать необходимую должность в организации, и система подберет потенциальных кандидатов.

2. Выборы индивида на должность. Это может быть выборы депутата, мэра, президента, глав субъектов РФ, а также госслужба и правоохранительная деятельность: если вся информация имеется перед тобой в одной базе, нет нужды как избирателю самому искать информацию о кандидатах.

3. Социальные исследования, направленные на оценку настроений, тенденций в обществе, уровень образованности населения.

4. Персональная кредитная история и прочее.

Данные направления служат ориентиром того, куда может быть направлена данная информация и не являются конечными.

Следует отметить закон, на который будет опираться вся система. «Закон о персональных данных» N 152-ФЗ – закон, который регламентирует доступ, обработку и хранение информации. Статья 9 гласит: «Субъект персональных данных принимает решение о предоставлении его персональных данных и дает согласие на их обработку свободно, своей волей и в своем интересе». Как мы видим, человек сам волен решать, согласен ли он на сохранение и обработку своих данных. База создается добровольно и позволяет человеку более целесообразно и точно реализовать свои преимущества.

Любая закрытая информация всегда несет в себе риски быть раскрытой и навредить людям. А в нашем случае эти данные могут не только испортить репутацию и всеобщее уважение, но и нанести вред существованию человека в обществе. Поэтому аспект безопасности тут очень важен.

Информация должна существовать автономно и доступ к ней должен осуществляться контролируемо. Все должны понимать, что необходима система безопасности, препятствующая распространению данных о человеке. В данной ситуации нужен механизм, с помощью которого будет генерироваться индивидуальный код для каждого пользователя такой системы. Этот код можно будет предоставить аффилированным лицам, заинтересованным в индивиде. Сам код можно получить в центрах МФЦ или на сайте ГосУслуги. Это позволит централизовать вводимую и получаемую информацию. После однократного использования

индивидуальный код будет деактивироваться и сменяться на новый, дабы не происходило утечки информации. Кроме того, деятельность сайта или программы будет модерироваться государственной структурой, что дополнительно обезопасит систему от случаев взлома и утечки информации, снизит вероятность человеческого фактора. Помимо этого, создание подобной базы позволит сократить административные издержки и позволит повысить эффективность бюрократического аппарата.

Вторым аспектом необходимо обезличить информацию, заключающиеся в сокрытии персональных данных и другой информации, позволяющей раскрыть сведения о человеке. Важно понимать, что полностью анонимизировать индивида не получится, и данная мера способствует минимизации риска утечки. Например, доступ у потенциального работодателя возможен только к инициалам, контактам и местам работы, связанных со сферой организации.

В перспективе подобные базы возможно создавать и для предприятий как государственных, так и частных. Например, для организаций, выбираемых на конкурсной основе для договора подряда. Тогда структурированная информация поможет подойти к выбору подрядчика более объективно. В итоге, создание и развитие подобного направления поспособствует межличностным отношениям, улучшит социальное доверие и поможет создать здоровое общество. Исходя с юридической стороны, подобное образование вполне возможно и будет действовать в рамках законов. Мы считаем, что такое новое направление сможет положительно повлиять на создание действительно здорового общества 21 века, такого, каким его видели наши предки.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 12.09.2022).
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.09.2022).

УДК 336.14:332.1

Г.Р. САХАПОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,
Россия, e-mail: sahapovag@mail.ru

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ БЮДЖЕТА В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

INTER-BUDGET TRANSFERS AS A TOOL TO STABILIZE THE BUDGET DURING THE CRISIS PERIOD

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье проведен анализ текущего состояния и итогов развития бюджетов Республики Башкортостан в кризисные периоды, связанные с влиянием пандемии и введением экономических санкций. Дисбаланс взаимоотношений при распределении финансовых средств между Центром и регионами приводит к трансфертной зависимости бюджетов регионов и муниципальных образований от федерального центра. Требуется модернизация системы межбюджетных отношений на основах концепции конкурентного федерализма. Но в период турбулентности экономики роль государства возрастает и одним из главных инструментов стабилизации бюджетной системы регионов являются межбюджетные трансферты.

Abstract. The article analyzes the current state and results of the development of the budgets of the Republic of Bashkortostan during the crisis periods associated with the impact of the pandemic and the introduction of economic sanctions. The imbalance of relationships in the distribution of financial resources between the Center and the regions leads to transfer dependence of the budgets of regions and municipalities from the federal center. It is required to modernize the system of interbudgetary relations on the basis of the concept of competitive federalism. But during the period of economic turbulence, the role of the state increases and one of the main instruments for stabilizing the budgetary system in the regions is interbudgetary transfers.

Ключевые слова: кризис, бюджетная система, уровни бюджетной системы, межбюджетные трансферты.

Keywords: crisis, budget system, levels of the budget system, intergovernmental transfers.

Под влиянием кризисных явлений в экономике, усиленных антироссийскими санкциями в 2014 году и пандемией в 2020 году, в субъектах Российской Федерации (РФ) сложилась тяжелая ситуация, которая затронула деятельность предприятий всех отраслей и усилила

нагрузку на бюджеты регионов. Чрезвычайное положение потребовало дополнительных финансовых ресурсов для поддержания ряда предприятий временно или частично приостановивших свою деятельность, а также на осуществление социальной поддержки населения. Все это легло тяжелым бременем на бюджеты регионов, у которых поток внутренних финансовых ресурсов резко снизился, что затребовало увеличения финансовой помощи из федерального центра. Данной проблематике посвящены следующие работы [1-9].

Проведем анализ межбюджетных отношений в системе «центр – регионы». Республика Башкортостан (РБ) является донором – около 50% финансовых средств, созданных в республике, перечисляются в федеральный бюджет. И только в посткризисные 2009 и 2010 годы доля поступлений налогов, сборов и иных обязательных платежей, остающихся в бюджете республики, увеличились до 67,2% и 60,9%, соответственно. В последующие годы этот показатель колебался с 47,2% (2018 год) до 58,5 (2016 год), но после пандемии в 2021 году доля налогов опять возросла до 61,3%.

В кризисные годы для устойчивости республиканского бюджета уменьшается доля средств, перечисляемых в федеральный бюджет. Ввод санкций в 2014 году не повлиял на пропорции распределения налоговых доходов.

В тоже время при рассмотрении темпы роста налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета к предыдущему году наблюдается снижение темпов в 2014 году (94,7%) и 2015 году (97,5%), а так же произошло снижение в предпандемическом 2019 году – 91,4% и пандемическом 2020 году – 83,6%, с учетом уровня инфляции. Что потребовало точечного вливания финансовых средств в социальную сферу.

При этом приходится констатировать, что все основные налоги поступают в федеральный бюджет, а выполнение растущих расходов ложатся на плечи региональных и местных бюджетов.

Нестабильность финансовой ситуации также отражается и на уровне муниципалитетов, создавая дополнительные трудности при формировании их бюджетов.

Доля местных бюджетов в консолидированном бюджете республики колеблется от 15,2% до 21,0% за 2013–2021 годы. Требуется разработка механизмов передачи ряда налоговых доходов на уровень бюджета городских округов и муниципальных образований, что позволит уменьшить зависимость местных бюджетов от республиканского бюджета.

**Распределение налогов, собранных на территории Республики
Башкортостан, по уровням бюджетной системы Российской Федерации,
млрд рублей [10-11]**

Показатели	Годы					
	2013	2014	2015	2020	2021	I полугодие 2022
Всего налогов, сборов и иных обязательных платежей, млрд руб.	236,5	246,3	266,2	369,8	393,0	178,5
из них перечислены, %:						
в бюджет РФ	44,6	43,6	44,9	51,5	38,7	29,1
в консолидированный бюджет РБ	55,4	56,4	55,1	48,5	61,3	70,9
из них налоги в местные бюджеты	21,0	20,0	18,7	15,9	15,2	-
Кроме того, безвозмездные поступления из бюджетов других уровней, млрд руб.	26,6	32,0	32,4	96,1	86,5	38,4
в т.ч. субвенции бюджетам субъектов РФ и муниципальных образований, млрд руб.	7,8	8,6	9,7	17,1	12,6	5,3

В силу жесткой централизованной и вертикально организованной бюджетно-налоговой системы РФ значительная часть налогов перечисляется на верхние уровни власти. Несоответствие финансовых отношений между различными уровнями власти приводит к излишнему контролю и влиянию на нижестоящий уровень управления, что вызывает зависимость регионов от объема и критериев выделяемых трансфертов из федерального центра. Так доля трансфертов в 2021 году в субъектах РФ колебалась от 4,1% (г. Москва) до 85,1% (Республика Ингушетия). В РБ за 2009–2019 годы доля трансфертов в доходах консолидированного бюджета колебалась 16,8–22,4%, в период пандемии доля поступлений финансовой помощи увеличилась до 37,0% в 2020 году и уменьшилась, но осталась на высоком уровне в постпандемию до 30,3% в 2021 году. Роль центральных органов в период кризиса возрастает, а межбюджетные трансферты остаются одним из основных инструментов стабилизации бюджета.

Из вышесказанного сделаем следующие выводы. Реализуемая модель бюджетного федерализма, основанная на принципе выравнивания уровня бюджетной обеспеченности территорий, слабо ориентирована на саморазвитие регионов и формирует иждивенческие настроения в части получения дополнительных средств из федерального бюджета. Но в период действия кризисных явлений в экономике региона роль центральных органов возрастает.

Сформировавшиеся тенденции являются основанием для модернизации системы межбюджетных отношений на концепции конкурентного федерализма. Важнейшей задачей со стороны органов государственной власти всех уровней является вывод регионов (муниципальных образований) на реализацию принципов саморазвития, самообеспечения и

рационального расходования бюджетных средств. Но в условиях турбулентности экономики и действия санкций со стороны государства требует гибкого реагирования при решении проблем сбалансированности бюджетной системы и его главным инструментом при этом являются межбюджетные трансферты.

Список использованной литературы:

1. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. – 2020. – № 2 (68). – С. 4-17.
2. Иванов П.А. Подходы к оценке финансового потенциала территорий // Управление экономикой: методы, модели, технологии: Материалы XIV международной научной конференции. – Уфа: УГАТУ. – 2014. – С. 35-38.
3. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансирование развития территориальных образований на разных стадиях жизненного цикла: государственные и частные ресурсы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 53-60.
4. Шмакова М.В. Анализ состояния и выявление уязвимых зон «зеленых» финансов региона (на примере Республики Башкортостан) // Вестник университета. – 2022. – № 7. – С. 155-162.
5. Финансовый потенциал региона: достижение стратегических приоритетов и обеспечение национальной безопасности РФ и ее субъектов / Н.И. Климова, Т.Ю. Алтуфьева, Е.А. Гафарова [и др.]. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2016. – С. 167-170.
6. Фархутдинова А.У. Влияние институтов территориального развития на экономику муниципальных районов // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 3. – С. 120-124.
7. Аслаева С.Ш. Система поддержки принятия решений на основе неравновесного анализа / С.Ш. Аслаева, В.К. Нусратуллин; М-во сельского хоз-ва Российской Федерации "Башкирский гос. аграрный ун-т". – Уфа: Изд-во БГАУ, 2006. – 167 с.
8. Чувашаева Э.Р. Основные направления нивелирования пространственной поляризации социально-экономического // Актуальные вопросы современной экономики. – 2017. – № 6. – С. 102-104.
9. Ахметов Т.Р. Качество инновационного роста как основной критерий для обоснования приоритетов территориального развития // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17. – № 5(464). – С. 818-834.
10. Социально-экономическое положение федеральных округов. – Москва, 2022. [Электронный ресурс] // сайт Федеральной службы

государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260> (дата обращения: 12.09.2022).

11. Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс] // сайт Федерального казначейства. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/1019/> (дата обращения: 12.09.2022).

УДК 336.6

Т.И. ТЮТЮННИКОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа
Россия, e-mail: klimova0976@mail.ru

СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРИОРИТЕТОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

SAVING THE POPULATION IN THE SYSTEM OF PRIORITIES OF THE WELFARE STATE

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к раскрытию сущности и составляющей социального государства. Содержательная трактовка «социального государства» разных авторов и их оценка. Показано, что среди элементов социального государства не просматривается одна из важнейших составляющих его функционирования – это сбережение населения. Обоснована целесообразность включения уровня сбережения населения, его динамики и направленности его изменения в число параметрических характеристик развития социального государства.

Abstract. The article discusses approaches to the disclosure of the essence and component of the welfare state. Meaningful interpretation of the "welfare state" by various authors and their assessment. It is shown that among the elements of the welfare state, one of the most important components of its functioning is the saving of the population. The expediency of including the level of savings of the population, its dynamics and the direction of its change in the number of parametric characteristics of the development of the social state is substantiated.

Ключевые слова: здоровьесбережение, социальное государство, сбережение населения, интегральный индекс.

Keywords: saving the population; demographic, population savings index; methodological tools for calculating the population savings index, territorial entities, life cycle.

Положение о социальном государстве, провозглашенное в Конституции Российской Федерации, действует вне зависимости от изменяющихся внутренних и внешних условий. Данное положение является определяющим для функционирования страны и входящих в его состав территорий и проходит через разного рода документы, которые декларируют необходимость его реализации в практике государственного и территориального управления. В общепринятой постановке «социальное государство» рассматривается как модель государства, политика которого направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципами социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного качества и уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся [1].

На сегодня нет единого мнения, когда появилось понятие «социальное государство» и кто является его автором. Генезис и развитие данного понятия имеет длительные исторические корни. Истоки данного понятия согласно исследованиям, начали свое формирование в 17-19 веках, и нашли свое отражение в теориях Т. Гоббса и Дж. Локка, формирование которых вытекает из анализа, хода и результатов революционных преобразований 1648 году и революции 1688 года (Англия) [2].

Разработки в части социального государства имеют место и в российской экономической литературе. При этом говоря о социальном государстве на первый план выдвигается положение о регулировании государством социальной сферы. Так, согласно позиции М.В. Баглая социальным является государство, которое берет на себя обязанности заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности [4].

В числе публикаций авторов, работающих в области раскрытия сущности, содержания, принципов и форм существования социального государства могут быть приведены работы А.Б. Аникеева, И.А. Джмил, Е.Л. Шилкина, А.М. Диноршоева, А.Л. Пашукова и многих других.

При формальном признании значимости экономической основы для формирования социального государства в практике как государственного, так и регионального управления мониторинг [5] степени развития экономической основы социального государства ограничивается рамками определенного набора индикаторов. В их число включаются средняя продолжительность жизни, индекс развития человеческого капитала, индекс Джини, уровень бедности населения и другие характеристики.

Данные индикаторы представлены перечнем устоявшихся показателей, зачастую рассчитываемых по ранее предложенным методикам без учета отражаемых ими современных аспектов развития представляемых ими явлений или процессов [6]. Кроме того, немаловажен тот факт, что используемые индикаторы в большинстве случаев представлены в виде усредненных величин. Данные индикаторы в ряде случаев камуфлируют

реальное состояние экономических явлений или процессов, протекающего в той или иной период времени, поскольку являются агрегированными и зачастую не подвергаются дальнейшей конкретизации в виде системы дополняющих их частных (производных) измерителей.

Тем самым является актуальной постановка и решение задачи о расширении перечня традиционных индикаторов социального государства. Данное расширение должно в первую очередь быть привязано к человеку, его сбережению, которое реализуется посредством развития видов экономической деятельности, социально значимых для процессов расширенного воспроизводства человеческого капитала и его поддержания на уровне, соответствующем современным требованиям.

В этой связи в настоящей работе поставлена задача конкретизации уровня и динамики процессов сбережения населения как неотъемлемой составляющей и атрибута социального государства. При этом следует иметь в виду, что государство – это не однородный субъект, социально-экономические процессы в котором формируются под воздействием входящих в его состав территорий. Уровень развития данных территорий весьма дифференцирован, что обуславливает целесообразность проведения исследования не только в страновом, но и в территориальном (региональном) разрезе. Исходя из этого положения, в качестве объекта исследования принят Приволжский федеральный округ (ПФО), дезагрегированный посубъектно по входящим в него республикам и областям как территориальным образованиям с присущими им закономерностями и особенностями как социального, так и экономического развития.

Расчет индекса сбережения населения базировался на следующих логических и методических положениях:

– в основу расчетов указанного индикатора были положены отобранные 4 группы показателей, отражающих уровень и динамику развития данных процессов в отраслях экономики, наиболее значимых для развития человека и осуществления процессов его жизнедеятельности. В их составе здравоохранение, образование, культура и экология;

– отбор показателей, представляющих каждую из обозначенных отраслей экономики был осуществлен экспертным путем и аналитически подтвержден их влиянием на базовый критерий развития человеческого капитала – продолжительность жизни. Исходя из этих принципов были отобраны 12 показателей, в том числе по здравоохранению – 3, образованию – 3, культуре – 3 и экологии – 3, характеризующие уровень и динамику состояния материально-технической базы, финансовое и кадровое обеспечение и другие параметры их развития;

– с учетом разноразмерности отобранных показателей с использованием метода Паттерна был осуществлен их перевод в безразмерный вид, позволяющий осуществлять дальнейшие процедуры их трансформации для

последующего анализа. В совокупности данные показатели привязаны к человеку, характеризуют условия для жизнедеятельности населения и тем самым отражают уровень результативности государственных структур и их территориальных образований, рассматриваемый с позиции его соответствия критериям (уровню и направленности) развития социального государства;

– указанные процедуры трансформации состояли, во-первых, в расчете сводных индексов сбережения населения по каждой из отобранных для исследования отраслей экономики с последующим сведением данных сводных параметрических характеристик в интегральный индекс сбережения населения обособленных территориальных образований.

Следует отметить, что изложенные приемы расчета интегрального индекса сбережения населения были апробированы в ходе выполнения ранее осуществленных исследовательских работ [7]. Но настоящая разработка не является механическим приложением ранее выполненных разработок, поскольку обновленный период исследования (2016-2020 годы) не являлся однородным в социально-экономическом отношении. Данный период, в отличие от ранее выполненных исследований, включал в себя как годы устойчивого экономического развития, так и кризисные периоды, а также временные интервалы, выхода страны и ее регионов из экономического кризиса, а также периоды со сложной эпидемиологической обстановкой и возрастающим негативным влиянием внешней среды [8]. Тем самым у исследователя, анализирующего процессы сбережения населения как части процессов, развивающихся в государстве и его регионах с социально декларированными приоритетами развития, появляется возможность оценки соответствия направленности реально развивающихся процессов их заявленным трендам.

В качестве основных выводов могут быть сформулированы следующие положения.

В теоретико-методической части представляется усеченной трактовка социального государства как модели, основанной на принципах социальной справедливости без подкрепления и формализации данного положения системой индикаторов, характеризующих процессы сбережения населения. Правоммерно указывая на необходимость формирования в социальном государстве «достойного уровня и качества жизни», указанная важнейшая составляющая данного уровня, а именно, уровень и динамика процессов сбережения населения, остаются вне поля зрения аналитиков и специалистов различных уровней управления.

В практическом плане при организации и осуществлении управления процессами формирования требуемого уровня и качества жизни населения параметры сбережения населения также представляют несомненный интерес, в силу присущего им содержания и возможностей их использования как в аналитических разработках по отдельным территориям,

так и при сравнительном анализе их уровня и динамики при сравнительном анализе объединенных территориальных образований и их совокупности.

В настоящей работе такого рода сравнительный анализ был осуществлен на примере регионов ПФО за период 2016 – 2020 годы.

Результаты проведенных расчетов (табл.) и их аналитическая проработка позволяют сделать ряд выводов относительно уровня и динамики процессов сбережения населения по включенным в разработку субъектам федерации как неотъемлемой составляющей исследования процессов становления и развития территориального среза формирования социальной модели территорий.

Таблица

**Интегральный индекс сбережения населения по регионам
Приволжского федерального округа в 2016-2020 годах**

Интегральный индекс здоровьесбережения по стадиям жизненного цикла муниципальных образований				
Стадии жизненного цикла муниципалитетов	Без учета численности (абсолютные значения показателей)		С учетом численности (на душу населения)	
	2015 г.	2019 г.	2015 г.	2019 г.
Социально-экономическое развитие (II фаза)	0,089	0,087	0,081	0,067
Социально-экономическая зрелость (I фаза)	0,031	0,029	0,064	0,045
Социально-экономическая зрелость (II фаза)	0,023	0,022	0,061	0,063
Социально-экономический упадок (I фаза)	0,022	0,021	0,072	0,051
Социально-экономический упадок (II фаза)	0,017	0,016	0,073	0,052

В числе основных выводов следует отметить:

- для субъектов ПФО дифференциацию значения интегрального индекса сбережения населения как отражение имеющих место различий в развитии в материально-технической базе включенных в анализ отраслей, дифференциацию финансового и кадрового обеспечения, в конечном итоге характеризующих результативность усилий по формированию условий становления и развития модели социального государства;

- отмеченная дифференциация устойчиво сохраняется на практически не меняющемся уровне вне зависимости от периодов, включенных в рассмотрение и отражающих неоднородность в доминантных условиях социально-экономического развития. Данный период, в отличие от ранее выполненных исследований, включал в себя как годы устойчивого экономического развития, так и кризисные периоды, а также временные интервалы, выхода страны и ее регионов из экономического кризиса, а также периоды со сложной эпидемиологической обстановкой и возрастающим негативным влиянием внешней среды;

– по уровню реализации императивов социального государства в части достигнутых значений рассматриваемых индикаторов в числе «передовых» лидируют территориальные образования ПФО с развитой социально-экономической базой, наличием квалифицированного персонала и принятыми и реализуемыми в практике территориального управления социальными приоритетами в развитии. В составе данной группы территориальных образований республики Татарстан и Башкортостан, а также Нижегородская область, значения интегральных индексов сбережения по которым значительно превышают уровни соответствующих показателей по другим регионам ПФО. В конце рейтинговой линейки – республики Марий Эл, Мордовия, Чувашия, а также Кировская и Пензенская области;

– в динамике и направленности сложившихся тенденций развития процессов сбережения населения отмечается определенная устойчивость, свидетельствующая о сохранении (или закреплении) установленных социальных приоритетов развития, создания и развития элементов социального государства. Реализация данных приоритетов при их декларировании в разного рода текущих и перспективных разработках в значительной степени зависит от достигнутого уровня социально-экономического развития территорий, имеющегося потенциала его наращивания и результативности его использования.

Подводя итоги вышеизложенного и соглашаясь с основными положениями трактовки понятия «социальное государство», отмечена несколько ослабленная формализация критериев его оценки. Для укрепления данной составляющей предложено положение о введении характеристик процессов «сбережения населения» в перечень параметров его развития. Проведенные расчёты данных параметров, осуществленные на примере ряда территориальных сообществ ПФО РФ, показали обоснованность и логическую правомерность их учета. Обосновано, что данную составляющую социального государства и предложенные идентификаторы целесообразно рассматривать в комплексе показателей результативности функционирования социального государства, поскольку все население каждой территории и ее отдельный человек представляет собой ту ценность, ради которой существуют и развиваются как территориальные, так и страновые сообщества.

Список использованной литературы:

1. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_государство (дата обращения: 26.08. 2022).
2. [Электронный ресурс]. URL: <https://immigrant-austria.com/ru/blog/social-guarantees-in-austria/> (дата обращения: 12.09. 2022).
3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_bycountry.jsp?title=2021/ (дата обращения: 02.09. 2022).

4. Джмилев И.А. Современные подходы к определению сущности и основных принципов социального государства // Вестник Магилёвского государственного университета имени А.А. Куляшова. – 2005. – № 1(20). – С. 43-46.

5. Сахапова Г.Р. Закономерности и особенности развития территорий на различных стадиях жизненного цикла // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11. – № 5. URL: <https://esj.today/PDF/12ECVN519.pdf> (дата обращения 10.09.2022).

6. Иванов П.А. Подходы к оценке финансового потенциала территорий // Управление экономикой: методы, модели, технологии: Материалы XIV международной научной конференции. – Уфа: УГАТУ. – 2014. – С. 35-38.

7. Тютюнникова Т.И. Сбережение населения и его реализация в практике российских регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 8(353). – С. 1445-1456.

8. Шмакова М.В. Анализ состояния и выявление уязвимых зон «зеленых» финансов региона (на примере Республики Башкортостан) // Вестник университета. – 2022. – № 7. – С. 155-162.

УДК 332.1

А.У. ФАРХУТДИНОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,
Россия, e-mail: aliya_2186@bk.ru

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ КАК ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

INSTITUTIONS OF DEVELOPMENT AS FINANCIAL AND INVESTMENT INSTRUMENTS TO SUPPORT UNDER CONDITIONS EXTERNAL INSTABILITY

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В условиях различных эндогенных и экзогенных шоков актуальным становится вопрос рационального перераспределения институтами развития инвестиционных ресурсов. Обосновано, что при наличии ограниченного объема средств и рисках бюджетной нестабильности, финансово-инвестиционная поддержка институтами развития сферы здравоохранения, образования, а также секторов и рынков, попавшим под санкции, посредством первоочередного распределения средств в общественно-значимые проекты указанных сфер, секторов и рынков обеспечит – реализацию инновационных проектов, направленных на

повышение уровня и качества жизни населения, доступности социальных услуг, появление новых рабочих мест и развитие новых компетенций в соответствии с потребностями рынка, что в конечном счете повысит конкурентоспособность территорий. Предложены мероприятия, реализация которых институтами развития при содействии руководства регионов и представителей бизнес-сообществ, будет способствовать повышению резильентности сферы здравоохранения, образования к негативным проявлениям среды.

Abstract. Under the conditions of various endogenous and exogenous shocks, the issue of rational redistribution of investment resources by institutions of development becomes relevant. It is substantiated that in the presence of a limited amount of funds and risks of budgetary instability, financial and investment support by institutions of development for healthcare, education, as well as sectors and markets that fell under sanctions, through the priority distribution of funds to socially significant projects of these areas, sectors and markets, will ensure – the implementation innovative projects aimed at improving the level and quality of life of the population, the availability of social services, creating new jobs and developing new competencies in accordance with market needs, which will ultimately increase the competitiveness of territories. Measures are proposed, the implementation of which by institutions of development with the assistance of the leadership of the regions and representatives of business communities will help increase the resilience of the healthcare, education to negative manifestations of the environment.

Ключевые слова: институты развития, инвестиционные ресурсы, финансово-инвестиционная поддержка, резильентность.

Keywords: institutions of development, investment resources, financial and investment support, resilience.

В условиях различных эндогенных и экзогенных шоков актуальным становится вопрос рационального перераспределения инвестиционных ресурсов и их направления на повышение уровня и качества жизни населения, развитие социальной инфраструктуры в соответствии с современными требованиями и т.д. В целях нивелирования социально-экономических диспропорций территориального развития, обеспечения аккумуляции и распределения ограниченного объема средств между всеми хозяйствующими субъектами используются различные инструменты. Одним из инструментов, функционально ориентированным на социально-экономическое развитие территорий и обеспечение различных видов их поддержки посредством рационального перераспределения средств – выступают институты развития [1, 2].

В различных публикациях институты развития рассматриваются – как катализатор инновационного развития [3] и экономического роста [3–5], упорядочивающий взаимодействие индивидов в обществе, инструмент,

содействующий распределению ресурсов [1, 2] и т.д. В условиях внешней нестабильности указанные структуры, как организационно-экономический инструмент, способны обеспечить финансово-инвестиционную поддержку различных сфер и повышение их устойчивости или резильентности путем рационального распределения ограниченного объема средств.

Изучение теоретико-методологических подходов к категории «резильентность» позволило осуществить их группировку и выделить направления – психолого-педагогической [6–9], юридической [10] и социально-экономической направленности [11, 12], отличающиеся объектом исследования.

Резильентность социально-экономической направленности акцентирует внимание на способности системы справляться с шоками и возвращаться к исходному состоянию [11, 12], реорганизовываться и выходить на более высокий уровень [13] за счет реализации стратегий обновления или переориентации, и рассматривается на примере арктических поселений [11, 12], отдельных территорий [14] и регионов [15].

Возможность системы государственного управления преодолевать барьеры (ошибки, сбои) – исследуется в рамках юридической резильентности [10].

Резильентность психолого-педагогической направленности изучает способности личности [7, с. 12], возможности общеобразовательных организаций – школ [16] и университетов [17] адаптироваться к стрессам и невзгодам [7, с. 12], устранять влияние неблагоприятных факторов [16] и достигать наиболее высоких результатов, несмотря на достаточно низкие социальные и образовательные ресурсы [8].

Представленные подходы позволяют сделать вывод о необходимости в изменяющихся обстоятельствах при наличии отрицательных внутренних и внешних шоков [18, 19] изучать условия сохранения стабильности [20, 21] и адаптации различных сфер социально-экономических систем к негативным проявлениям среды с привлечением различных финансово-инвестиционных инструментов [22], в частности, институтов развития.

В условиях усиления влияния различных шоков возрастают риски бюджетной нестабильности, что обуславливает проведение оптимизации бюджетных расходов, прежде всего социальной направленности, а привлечение институтов развития к финансово-инвестиционной поддержке сферы образования, здравоохранения, а также секторов и рынков, попавшим под санкции, посредством первоочередного распределения средств в общественно-значимые проекты указанных сфер, секторов и рынков обеспечит – реализацию инновационных проектов, направленных на повышение уровня и качества жизни населения, доступности социальных услуг, появление новых рабочих мест и развитие новых компетенций в соответствии с потребностями рынка, что в конечном счете будет

способствовать достижению стратегических целей и росту конкурентоспособности территорий.

В связи с выше изложенным, возникает целесообразность разработки и реализации институтами развития совместно с руководством регионов и представителями бизнес-сообществ мероприятий, направленных на повышение резильентности сферы образования, здравоохранения к негативным проявлениям среды посредством рационального аккумулирования, распределения и перераспределения ограниченного объема средств. Предлагаются следующие мероприятия, ориентированные на кадровое, образовательное, материально-техническое и финансовое обеспечение образовательных организаций перечисленных сфер.

Во-первых, необходимо привлечение институтов развития к разработке и внедрению целевой переподготовки специалистов социальной сферы образования, здравоохранения под запросы конкретного региона с применением формата, обеспечивающего краткосрочные программы обучения без отрыва от основной деятельности. В свою очередь, участие институтов развития в подготовке и переподготовке кадров в сфере здравоохранения и образования, стажировке их сотрудников, обмене лучшими практиками, создании коллабораций в онлайн и офлайн форматах с представителями бизнес-сообществ будет содействовать – формированию новых компетенций в соответствии с потребностями рынка, освоению современных технологий обучения и т.д.

Во-вторых, в условиях оптимизации бюджетных расходов социальной направленности, поддержка институтами развития сферы образования, здравоохранения посредством предоставления на безвозмездной основе специальных технических средств обучения (smart-доски, телевизионные комплексы, персональные компьютеры) для коллективного и индивидуального пользования, подготовка совместных курсов и программ будет содействовать росту уровня образования выпускников.

Кроме того, адресная поддержка институтами развития проектов социальной направленности посредством предоставления льгот, преференций, учреждение стипендий и грантов наиболее успешным студентам сферы образования, здравоохранения также будет способствовать росту заинтересованности среди абитуриентов к данным образовательным организациям.

В-третьих, в целях повышения конкурентоспособности региона, институты развития как инструмент финансово-инвестиционной поддержки сферы образования, здравоохранения могут способствовать созданию при образовательных организациях инновационных научно-технологических центров по прорывным направлениям науки (биомедицина, инжиниринг и передовые производственные технологии и др.) с последующим предоставлением выпускникам рабочих мест внутри региона. Последнее также будет содействовать снижению безработицы в регионе.

Перечисленные мероприятия институтов развития как финансово-инвестиционных инструментов поддержки при содействии руководства регионов и представителей бизнес-сообществ в условиях внешней нестабильности обеспечат повышение резильентности сферы образования, здравоохранения и т.д. Таким образом, в условиях оптимизации бюджетных расходов, последствий действия отрицательных внутренних и внешних шоков и ограниченного объема средств, рекомендовано осуществлять привлечение институтов развития к кадровому, образовательному, материально-техническому и финансовому обеспечению образовательных организаций как одного из важнейших направлений обеспечения социально-экономического развития территорий и полномасштабной реализации их стратегических планов.

Список использованной литературы:

1. Фархутдинова А.У. Влияние институтов территориального развития на экономику муниципальных районов // *Фундаментальные исследования*. – 2020. – № 3. – С. 120-124.
2. Фархутдинова А.У. Институты развития в условиях кризисной экономики // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2020. – Т. 9. – № 3 (32). – С. 381-384.
3. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Региональные институты развития в системе стратегического планирования // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. – 2018. – № 1. – С. 61-77.
4. Мельников Р.М. Зарубежные подходы к оценке эффективности инвестиций в инновационную инфраструктуру и возможности их использования в российских условиях // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2015. – № 41. – С. 23-34.
5. Бетелин В.Б., Кутукова Е.С. Институты развития – это финансовые компании, а не катализаторы технологического развития страны // *Государственный Аудит. Право. Экономика*. – 2017. – № 2. – С. 5-7.
6. Бароненко Е.А., Быстрай Е.Б., Райсвих Ю.А., Штыкова Т.В., Белова Л.А. Формирование педагогической резильентности будущих учителей в современных условиях // *Перспективы науки и образования*. – 2021. – № 3 (51). – С. 140-154.
7. Забелина Е.В., Кузнецова Д.К. Понятие психологической резильентности: основные теории // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Психология и педагогика*. – 2015. – № 1. – С. 10-13.
8. Agasisti T., Avvisati F., Borgonovi F., Longobardi S. *Academic Resilience* // *OECD Education Working Papers*. – 2018. – № 167.

9. Райхельгауз Л.Б. Факторы формирования академической резильентности // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 29-36.

10. Понкин И.В. Понятие резильентности системы к негативным факторам // Государственная служба. – 2015. – №5 (97).

11. Никулкина И.В., Гордячкова О.В., Калаврий Т.Ю., Вандерлинден Ж.-П. Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – № 1.

12. Корезин А.С., Мурашов С.Б. Резильентность социальных систем: сущность концепта и его применимость на разных уровнях социума // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 1. – С. 17-22.

13. Benedikter R. Global systemic shift: A multidimensional approach to understand the present phase of globalization. *New Global Studies*. – 2013. – Vol. 7. – № 1. – PP. 1-15.

14. Акбердина В.В. Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000 – 2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. – № 8. – С. 1412-1432.

15. Высоцкий С.Ю. Статистическая оценка экономической резильентности регионов Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2021. – № 14. – С. 30-35.

16. Пинская М.А., Хавенсон Т.Е., Косарецкий С.Г., Звягинцев Р.С., Михайлова А.М., Чиркина Т.А. Поверх барьеров: исследуем резильентные школы // Вопросы образования / *Educational Studies Moscow*. – 2018. – № 2. – С. 198-227.

17. Валиева Ф.И. Социокультурные аспекты резильентности студентов (на примере высших учебных заведений Санкт-Петербурга) // Письма в Эмиссия. Оффлайн (*The Emissia. Offline Letters*): электронный научный журнал. – 2019. – № 8 (август). – ART 2752. URL: <http://emissia.org/offline/2019/2752.htm>. (дата обращения 15.08.2022).

18. Романовский М.В. Глобальный кризис и проблемы обеспечения устойчивости национальной финансовой системы // Сибирская финансовая школа. – 2012. – № 4. – С. 14-21.

19. Канкулова М.И. Понятие и основные факторы устойчивости бюджетной системы // Финансы и кредит. – 2016. – № 37. – С. 30 – 39

20. Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 3. <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf> (доступ свободный).

21. Усатов И.А. Стрессоустойчивость личности как фактор преодоления стресса // Научно-методический журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 21-25.

22. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансирование развития территориальных образований на разных стадиях жизненного цикла: государственные и частные ресурсы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 53-60.

УДК 332.145

М.В. ШМАКОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: maryshaleva@mail.ru

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ**

**STRATEGIC PRIORITIES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN UNDER THE CONDITIONS
OF SANCTIONS: FINANCIAL COMPONENT**

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению перспективных стратегических направлений специализации Республики Башкортостан в условиях санкционных ограничений. Произведен анализ финансовых показателей организаций, основной вид деятельности которых выделен в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года как критически важный для экономики республики, с акцентом на выявление финансовых и санкционных рисков.

Abstract. The article is devoted to the consideration of promising strategic areas of specialization of the Republic of Bashkortostan in the context of sanctions restrictions. An analysis was made of the financial performance of organizations whose main activity is identified in the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2025 as critical for the economy of the republic, with an emphasis on identifying financial and sanctions risks.

Ключевые слова: территория, регион, стратегия, санкционные риски, Республика Башкортостан, финансовые показатели организаций, инвестиционные проекты.

Keywords: territory, region, strategy, Republic of Bashkortostan, financial performance of organizations, investment projects.

В условиях санкционных ограничений и макроэкономической нестабильности необходимо удерживать равновесие и следовать генеральной стратегии развития территорий, потому как реализация

стратегических приоритетов должна быть осуществлена имманентно. Вопросам обеспечения выполнения стратегических установок территориальных образований посвящено немалое количество научных работ [1-4]. Однако в контексте настоящего исследования поставлен вопрос о реализации основных стратегических установок посредством интенсификации инвестиционной активности разноуровневых территориальных образований в условиях санкционных ограничений.

Согласно п. 22 Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 года N 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года [5] (далее – СПР РФ) отнесена к «документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу на федеральном уровне» [6]. Данный документ включает в себя восемь пунктов, состоящих из целей, задач, механизмов и этапов реализации стратегии, а также принципов и сценариев пространственного развития. Ключевой особенностью утвержденной стратегии является выделение в документе 12 макрорегионов, предполагающего изменения территориального деления Российской Федерации (РФ), в отличие от существующего. Однако для целей настоящего исследования, примечательно, что документ содержит перечень перспективных направлений специализации для каждого субъекта РФ. Кроме стратегии социально-экономического развития республики на официальном сайте Министерства экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан представлен перечень приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан (РБ) (по состоянию на сентябрь 2022 года) [7]. Данный перечень содержит информацию о наименованиях и инициаторах (инвесторах) проектов, сроках их реализации и объемах инвестирования, и является обновляемым.

Говоря о финансовой составляющей в контексте достижения стратегических приоритетов социально-экономического развития, нельзя обойти вниманием финансирование приоритетных инвестиционных проектов в разрезе как перспективных, так и критически важных для экономики региона видов деятельности. На основе рассмотрения вышеупомянутой стратегии пространственного развития целесообразно выделить перспективные направления специализации для каждого региона. Таким образом, если направление на федеральном уровне выделено как перспективное, предполагается, во-первых, что оно обладает инвестиционной привлекательностью, а во-вторых, в перспективе планируется выделить бюджетные средства на их развитие. Для РБ в качестве таких выделены 23 специализации, активно развивающиеся в республике, а также поддерживаемые в рамках государственных инициатив (рис.).

Однако, на наш взгляд, наибольший интерес представляют неперспективные виды экономической специализации, критически важные для экономики выделенных регионов. Для РБ в качестве таких выделены обработка древесины и производство изделий из дерева (кроме мебели), а также производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования [7].

Рис. Картограмма представленности инвестиционных проектов Республики Башкортостан по специализациям, выделенным согласно СПР РФ

Следует отметить, что в отличие от перспективных специализаций, проекты которых представлены в немалом количестве (в частности, в отраслях «растениеводство и животноводство», «производство пищевых продуктов», а также «добыча полезных ископаемых» и др.) в перечне приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан, критически важные специализации представлены незначительным числом проектов:

- по производству готовых металлических изделий:

а) проект «Сильфонная линия для производства автомобильных компенсаторов» (ООО СП «Витценманн-Россия»);

б) проект «Внедрение наилучших доступных технологий, направленных на повышение эффективности сталепроволочно-канатного производства Белорецкого металлургического комбината» (модернизация СПКП на БМК) (АО «Белорецкий металлургический комбинат»);

в) проект «Организация производства рессор» (ООО Научно-производственная фирма «Рессора»);

г) проект «Производство гофрированных и штампованных катушек на территории города Белорецка» (ООО «Партнер +»);

– по обработке древесины и производству изделий из дерева:

а) проект «Производство ДСП и ламинированных ДСП» (ООО «Кроношпан Башкортостан»);

б) проект «Создание комплекса по высокой технологической переработке мягколиственной древесины и иных изделий» (ООО «Белпромресурс»);

в) проект «Модернизация производства по выпуску погонажных изделий из древесины» (ООО «Гранд», Зилаирский район РБ);

г) проект «Модернизация деревообрабатывающего производства на территории Мечетлинского района» (ООО «Рассвет»);

д) проект «Строительство завода ОСП плит мощностью 573 тыс. м³ в Республике Башкортостан» (ООО «СибайПлитПром»).

Становится очевидным, что представленных проектов недостаточно для развития указанных для РБ в Стратегии пространственного развития специализаций. В этой связи целесообразно провести анализ финансовых показателей организаций республики, занимающихся выбранными видами деятельности. Кроме того, в контексте настоящего исследования необходимо провести анализ влияния санкционных ограничений на деятельность предприятий региона.

Для анализа были отобраны из числа 432-х, 25 организаций (в т.ч. 4 из перечня приоритетных инвестиционных проектов РБ), основной вид деятельности которых – производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, а также более 150 организаций, занимающихся обработкой древесины и производством изделий из дерева и пробки, кроме мебели, из которых выделены 23 организации (включая 5 из перечня приоритетных инвестиционных проектов РБ). В выборку включались организации, зарегистрированные в РБ с прибылью от 1 млн рублей и имеющие «высокий» статус надежности организации [8].

В результате анализа финансового состояния предприятий, отобранных для настоящего исследования установлено, что помимо организационных инициаторов выделенных в приоритетных инвестиционных проектах РБ, перечень можно расширить включением в него дополнительного состава конкурентоспособных и надежных предприятий, которые в дальнейшем

рекомендуется учитывать при разработке стратегических направлений регионального развития, в числе которых по производству готовых металлических изделий: ЗАО «БЗРП» (г. Уфа), ООО «Компенсатор» (г. Уфа), ЗАО «НМД» (г. Уфа), ООО «Интехсервис» (г. Нефтекамск), ООО «Профнастил-Бирск» (Бирский р-н), ООО «Техмаш» (г. Стерлитамак), ООО «Технодрил» (г. Уфа), ООО «Спецтехнология» (г. Стерлитамак), ООО «Коралл-М» (г. Уфа), ООО «Краст» (г. Белорецк); по обработке древесины и производству изделий из дерева: ООО «Тимбер» (г. Уфа), ООО «Комфорт» (Бакалинский р-н), ООО «Кигинский Лес» (Кигинский район), ООО «Свежий ветер» (г. Стерлитамак), ООО «Древпродукт-Стерлитамак» (г. Стерлитамак) и ООО «Актив» (г. Нефтекамск). Следует отметить, что отобранные организации не имеют санкционных рисков по оценке Rusprofile на данный момент, то есть соответствуют набору следующих характеристик: данный вид деятельности не находится под воздействием санкций; отсутствует участие иностранных, а также санкционных физических и юридических лиц; отсутствуют связанные организации под санкциями; организации не входят в санкционные списки, а также не имеют филиалов и представительств за рубежом. Кроме того, сделаны выводы:

– во-первых, о необходимости больше внимания уделять предприятиям, основной вид деятельности которых выделен СПР РФ как перспективный для республики, но к настоящему времени не представленном в перечне приоритетных инвестиционных проектов РБ, а именно: деятельность в области информации и связи, производство кожи и изделий из кожи, производство металлургическое, производство одежды, производство прочих готовых изделий;

– во-вторых, в условиях санкционных ограничений целесообразно усилить активность отрасли «знаний» и технологий, как, несомненно, стратегически важной для экономики региона;

– в-третьих, об усилении блока инвестиционных проектов привлечением к ним надежных организаций (с отсутствием признаков финансовых и санкционных рисков), занимающихся деятельностью, выделенной в рамках СПР РФ для РБ в качестве критически важной.

Список использованной литературы:

1. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансирование развития территориальных образований на разных стадиях жизненного цикла: государственные и частные ресурсы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 53-60.

2. Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Нивелирование и поляризация в развитии экономического пространства // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 9-1. – С. 164-168.

3. Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш., Галикеев Р.Н. Концентрация промышленного производства в регионах // Инновации и инвестиции. – 2018. – №12. – С. 276-282.

4. Финансовый потенциал региона: достижение стратегических приоритетов и обеспечение национальной безопасности РФ и ее субъектов / Н.И. Климова, Т.Ю. Алтуфьева, Е.А. Гафарова [и др.]. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – 222 с.

5. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года».

6. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

7. Перечень приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан: [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/documents/other/331962/> (дата обращения: 12.09.2022).

8. Сервис проверки и анализа российских юридических лиц и предпринимателей: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusprofile.ru/> (дата обращения: 18.09.2022).

СЕКЦИЯ 4. УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

УДК 334.7

С.Ш. АСЛАЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН г. Уфа,
Россия, e-mail: salima2006A@mail.ru

А.Ш. ГАЙСИНА

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа,
Россия, e-mail: aminagay@mail.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

METHODOLOGY FOR ASSESSING INTERREGIONAL INTERACTION

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В работе представлен алгоритм оценки межрегионального взаимодействия, выполнена его апробация на примере Приволжского федерального округа. Методика предполагает определение географической и экономической связанности и анализ нормативно-правовой обеспеченности.

Abstract. The paper presents an algorithm for assessing inter-regional interaction, its testing is carried out on the example of the Volga Federal District. The methodology involves the definition of geographic and economic connectedness and the analysis of regulatory and legal security.

Ключевые слова: межрегиональное взаимодействие, оценка, экономическая связанность, географическая связанность, нормативно-правовое обеспечение.

Keywords: inter-regional interaction, assessment, economic connectivity, geographic connectivity, regulatory support.

Основным фактором социально-экономического развития регионов в современных условиях является усиление межрегионального взаимодействия, что в свою очередь должно привести к увеличению товарооборота, расширению рынков сбыта, совместному потреблению ресурсов, большему привлечению инвестиций [1, 2]. Межрегиональное взаимодействие должно выступить в роли акселератора развития социальной и экономической сферы. В своих работах Е.В. Лукин и Т.В. Ускова отмечают, что развитие межрегиональных отношений влияет на социально-экономический рост регионов [3].

Основоположник теории межрегиональных отношений М. Портер в своих работах определил, что конкурентоспособность внутреннего рынка определяет уровень конкурентоспособности на внешнем рынке [4]. О.В. Бакуменко доказала, что межрегиональное взаимодействие особенно важно для периферийных регионов с небольшой территорией [5]. М. Фритш установил взаимосвязь между межрегиональным взаимодействием и инновационной активностью на примере регионов Словении и Австрии [6]. При этом в работах Грауна и Братса отмечено, что взаимное географическое расположение объектов не является решающим фактором для инновационного развития [7]. В исследованиях, посвященных оценке взаимодействия регионов, рассматриваются два подхода: на уровне межрегионального взаимодействия и на уровне эффективности функционирования кластеров. Для оценки межрегионального сотрудничества проводят оценку отдельных форм и комплексный анализ сотрудничества. Для оценки эффективности деятельности кластеров реализуются подходы на основе оценок: уровня достижения функционирования кластера, показателей функционирования кластера, уровня развития взаимодействий внутри кластера, факторов функционирования, а также экспертных оценок и по критериям функционирования.

Между регионами происходит взаимодействие на разных уровнях: на уровне органов управления, отраслевого взаимодействия, общественного взаимодействия, государственно-частного партнерства, рыночного взаимодействия и маркетинга территории. Для органов управления критерием оценки является количество заключенных соглашений и программ [8].

Эффективное стратегическое управление социально-экономическим развитием (СЭР) региона совместно с эффективным межрегиональным взаимодействием и инновационным развитием образуют зону опережающего развития. Только эффективное развитие инноваций и межрегионального взаимодействия образуют межрегиональный инновационный кластер. В результате эффективного стратегического управления СЭР регионов и межрегионального взаимодействия получаем зоны локализации по видам межрегионального взаимодействия. Взаимодействие инновационного развития со стратегическим управлением СЭР образуют зону стратегического инновационного развития, в которой можно провести оценку эффективности реализации стратегии инновационного развития. Стратегии управления регионами должны учитывать инновационное развитие и взаимодействие между регионами [9,10].

Раскрытие потенциала развития регионов Приволжского федерального округа (ПФО), повышение их уровня СЭР возможно на основе межрегионального взаимодействия, так как именно рассматриваемое взаимодействие актуально для периферийных территорий.

На первом этапе определяем уровень географической связанности. Для этого определяют количество внешних и внутренних границ. Представим по группам географической связанности регионы ПФО. В первую группу регионов ПФО с высоким уровнем географической связанности, имеющих более 4 соседей, входят: Республика Татарстан, Кировская область, Ульяновская область, Чувашская Республика. В группу со средним уровнем географической связанности (регионы имеющие 3-4 соседей) входят: Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Пермский край, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область. Низкий уровень географической связанности (регионы, имеющие менее 3 соседей) не имеет ни один регион ПФО. Также регионы ПФО не имеют внешних границ.

На следующем этапе определяем экономическую связанность, для этого можно воспользоваться экономико-математическими и эвристическими методами [11]. К экономико-математическим методам относится стохастический факторный анализ, методы построения и решения экономико-математических моделей. Стохастический факторный анализ учитывает степень влияния интересующего показателя на результат с помощью вероятностных оценок, при этом необходимо первоначально отобрать переменные, оказывающие влияние системного и комплексного характера на межрегиональное взаимодействия и на социально-экономическое развитие регионов. С помощью моделирования возможно изучить внутреннюю структуру объекта исследования и внешние связи. Например, при изучении экономической связанности регионов ПФО рассмотрим корреляционную зависимость за 2010-2019 годы по валовому региональному продукту регионов ПФО. Для этого рассмотрим корреляционную матрицу на основе коэффициентов корреляции. На основе подходов, предложенных М.А. Николаевым и М.Ю. Махотаевой для оценки экономической связанности, проанализируем матрицу коэффициентов корреляции по валовому региональному продукту и по валовому региональному продукту на душу населения [12,13].

Для множественного уравнения регрессии для p факторов:

$$y = b_0 + b_1x_1 + \dots + b_ix_i + \dots + b_px_p$$

определяем частный коэффициент корреляции:

$$r_{x_i \ x_1x_2 \dots x_{i-1}x_{i+1} \dots x_p} = \sqrt{1 - \frac{1 - R_{yx_1x_2 \dots x_i \dots x_p}^2}{1 - R_{yx_1 \dots x_{i-1}x_{i+1} \dots x_p}^2}}$$

где $R^2_{yx_1x_2\dots x_i\dots x_p}$ коэффициент множественной детерминации с полным набором факторов,

$R^2_{yx_1\dots x_i-1x_{i+1}\dots x_p}$ коэффициент без фактора x_i .

Так, между регионами ПФО, а также между итоговым показателем по РФ и регионами округа, по основному показателю, характеризующему экономику регионов, валовому региональному продукту и валовому региональному продукту на душу населения за 2010-2019 годы прослеживается высокая зависимость.

Далее, возможно рассчитать индекс Морана, с помощью которого определяют связанность в пространственной экономике. Глобальный индекс демонстрирует силу экономической связанности региона, локальный индекс демонстрирует силу связанности муниципальных образований с учетом взаимного расположения:

$$I = \frac{\sum \sum w_{ij} z_i z_j}{\sum z_i^2} * \frac{n}{S_0},$$

где $Z_i = X_i - X_{cp}$

S_0 – сумма пространственных весов,

w_{ij} – пространственный вес между i и j объектами,

n – число объектов.

На следующем этапе необходимо исследовать нормативно-правовое обеспечение межрегионального взаимодействия [14]. Так, было принято межрегиональное соглашение о взаимодействии в ПФО на 2021-2024 годы, которое предполагает сотрудничество в разных областях: науке, экономике, социальной сфере (социальной защите, летнем отдыхе, культуре, здравоохранении и т.п.), экономической сфере, работе общественных палат регионов и т.д. В сфере социально-экономического развития задачами соглашения являются: совместная поддержка отечественных производителей, сохранение и увеличение темпов роста на основе создания межрегиональных связей, повышение инновационной привлекательности, обеспечение единства многонационального народа. Было отмечено то, что необходимо учитывать при разработке проектов межрегионального взаимодействия работу средних, малых и индивидуальных предпринимателей, а также то, что необходимо заключать соглашения и договора для развития социального партнерства. Каждый регион заключает торгово-экономические связи между регионами. Например, Республика Башкортостан заключила соглашений не менее чем с 80 регионами России к 2019 году.

Межрегиональное взаимодействие необходимо для сохранения и повышения роста социально-экономического уровня развития в современных условиях, а также для повышения эффективности использования ресурсов [15,16]. Для дальнейшего интенсивного и эффективного развития социально-экономического уровня жизни населения необходимо разрабатывать рекомендации по межрегиональным взаимодействиям на основе географической, экономической связанности регионов с использованием экономико-математических методов, организационного и методического обеспечения, законодательных документов.

Список использованной литературы:

1. Гатауллин Р.Ф., Гайнанов Д.А., Сафиуллин Р.Г. Нивелирование пространственной поляризации социально-экономического развития разноуровневых территориальных систем / под общ ред. Р.Ф. Гатауллина. – Уфа, 2019. – 205 с.
2. Нусратуллин В.К., Хужахметова Г.Н., Аслаева С.Ш. Некоторые специальные меры экономической правовой и административной поддержки малого и среднего бизнеса в Башкортостане // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 376.
3. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное сотрудничество: оценка и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 5 (146). – С.119-131.
4. Porter M. Clusters and the new economics of competition // Harvard business review. – 1998. – vol. 76. – № 6. – Pp. 77-90.
5. Бакуменко О.А. Межрегиональное взаимодействие, как фактор развития региональных социально-экономических систем (на примере Северо-Западного федерального округа): дис. канд. экон. наук. – Псков, 2017. – С. 179.
6. Fritsch M. Does R.D Cooperation behavior differ between regions? // Industry and Innovation. March 2003. – Volume 10. – № 1. – Pp. 10-25.
7. Grotz R., Braun B. Territorial or Trans-territorial Networking: Spatial Aspects of Technology-oriented Cooperation within the German Mechanical Engineering Industry // Regional Studies. – Vol. 31.6. – Pp. 545-557.
8. Хужахметова Г.Н. Институциональные факторы территориального развития (на примере Республики Башкортостан) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т. 11. – № 12 (297). – С. 2-13.
9. Шмакова М.В. Оценка свойств экономического пространства региона в контексте разработки основных стратегических документов //

Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. – Т. 9. – № 3 (32). – С. 410-412.

10. Шмакова М.В. Формирование стратегических основ финансово-инвестиционного обеспечения потребностей территорий // *Фундаментальные исследования*. – 2020. – № 10. – С. 103-107.

11. Орешников В.В., Атаева А.Г. Применение имитационных моделей в управлении социально-экономическими системами регионального уровня // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. – 2015. – № 11 (83). – С. 29.

12. Сахапова Г.Р. Закономерности и особенности развития территорий на различных стадиях жизненного цикла // *Вестник евразийской науки*. – 2019. – Т. 11. – № 5. – С. 11

13. Климова Н.И., Сахапова Г.Р. Валовой муниципальный продукт как важнейший показатель стадияльной идентификации жизненного цикла субрегиональных образований // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2017. – № 4 (22). – С. 104-113

14. Уляева А.Г. Территориальная трансформация муниципальных образований региона: нормативно-правовые основы и опыт реализации // *Фундаментальные исследования*. – 2018. – № 11-2. – С. 290-295

15. Атаева А.Г., Закиров И.Д. Субрегиональный подход к территориальному развитию: организационные и финансовые аспекты // *Научное обозрение*. – 2012. – № 1. – С. 208-216.

16. Уляева А.Г. Разработка и апробация методики определения пространственной локализации агломерации (на материалах Республики Башкортостан) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. – 2016. – № 10. – С. 48-54.

УДК 332.1

А.Г. АТАЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,
Россия, e-mail: ice_lu@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАТИВНОГО МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

CONCEPTUAL ASPECTS OF INTEGRATIVE INTERTERRITORIAL INTERACTION

*Данное исследование выполнено в рамках государственного задания
№ 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.*

Аннотация. В статье рассмотрены методологические основы исследования понятия межтерриториального взаимодействия на принципах коэволюционного развития и интегративности. Охарактеризованы уровни межтерриториального взаимодействия на пути к интеграции территориальных социально-экономических систем.

Abstract. The author considered the methodological foundations of the study of the concept of inter-territorial interaction on the principles of co-evolutionary development and integrativity. The article presents the levels of inter-territorial interaction on the way to the integration of territorial socio-economic systems.

Ключевые слова: межтерриториальное взаимодействие, межтерриториальное сотрудничество, межтерриториальная интеграция, территориальная социально-экономическая система, интегративность, интеграционный процесс.

Keywords: inter-territorial interaction, inter-territorial cooperation, inter-territorial integration, territorial socio-economic system, integrativity, integration process.

Современная ситуация во внешнеэкономическом и геополитическом пространстве, хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость мира все в большей степени разворачивает страну от процессов глобализации ко взгляду внутрь. Все большую актуальность получают поиск внутренних резервов роста, в том числе за счет активизации связей между территориями.

Тема межтерриториального взаимодействия в отечественной науке более изучена в прикладном аспекте, поскольку так или иначе в принудительно-административной или добровольно-экономической основе эти формы проявляются как между регионами, так и между муниципальными образованиями. Гораздо реже встречаются исследования общей методологии и закономерностей межтерриториального

взаимодействия в региональной экономике или государственном и муниципальном управлении [8].

Межтерриториальное взаимодействие является самым общим и широким понятием в семействе родственных категорий, раскрывающих связи между территориями: «взаимодействие», «сотрудничество», «интеграция». Межтерриториальное взаимодействие является начальным этапом движения территорий друг другу, характеризуя формирование между ними особых связей (экономических, политических, социальных). При этом взаимодействие между территориями предполагает добровольность участия субъектов взаимодействия, получение ими определенных выгод (экономических, политических, социальных и иных), равноправие (относительное или полное), возможность одностороннего выхода любой из сторон. Исходя из этих принципов можно определить, что межтерриториальное взаимодействие основано на принципе коэволюции [7] и согласовании экономических интересов территорий (в том числе их стейкхолдеров).

При этом взаимодействовать могут как одноуровневые территориальные социально-экономические системы (регион – регион, муниципальный район – муниципальный район), так и разноуровневые (регион – муниципальный район, муниципальный район – сельское поселение). В целом можно отметить, что межтерриториальное взаимодействие более эффективно между одноуровневыми территориями со схожими условиями функционирования и уровнем социально-экономического развития.

Если при межтерриториальном взаимодействии определяется конкретная общая цель согласованного развития территорий в отдельных сферах, то можно говорить о формировании между ними форм межтерриториального сотрудничества. Например, в рамках Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» предусмотрены ассоциативные (советы муниципальных образований), договорные (договора о сотрудничестве) и хозяйственные формы межмуниципального сотрудничества (межмуниципальные хозяйственные общества или некоммерческие организации). В первом случае целью является координация деятельности их органов власти в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов, а также защита их перед органами государственной власти. Во втором – намерение о сотрудничестве в отдельных сферах, обмене информацией, побратимских связях и др. В третьем – совместное решение вопросов местного значения через создание общих организаций. Во всех трех формах разный формат межтерриториальных связей.

Помимо официальных форм межтерриториального сотрудничества сюда же можно отнести и отдельные институты развития, создаваемые на федеральном и региональном уровнях. Например, Корпорация развития

Республики Башкортостан, которая обеспечивает реализацию инвестиционных проектов на территории нескольких муниципальных образований. Или программные инструменты совместного развития, например, субрегионы «Зауралье» и «Северо-Восток» Республики Башкортостан, объединяющие группы соседних муниципальных образований с общими проблемами. Для таких субрегионов разработаны и реализуются программы единого вектора социально-экономического развития. В данном случае выгоду получают как сами муниципальные образования, так и регион в целом, решая задачи обеспечения сбалансированности внутрирегионального экономического пространства [6] или поддержки развития отдельных видов экономической деятельности [2].

Если рассматривать межрегиональный уровень, то формат сотрудничества здесь несколько иной, поскольку формы межрегионального сотрудничества законодательно не определены. В целом к ним можно отнести, во-первых, общие институты развития. Например, Ассоциация инновационных регионов России [3], целью которых является «экономическое взаимодействие регионов-членов и представление их интересов на вышестоящих уровнях». Или институт пространственного развития Красноярского края, Республики Хакасия, Республики Тыва - АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири», целью которой является «привлечение и реализация ключевых инвестиционных, спортивных, социальных и деловых проектов» [1]. Или Научно-образовательный центр «СЕВЕР: территория устойчивого развития», созданный «путем интеграции научных, исследовательских и образовательных ресурсов Академии наук Республики Саха (Якутия), ФИЦ Якутского научного центра СО РАН, научных институтов СО РАН, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова с организациями, действующими в реальном секторе экономики» [9].

Во-вторых, межрегиональные органы управления (проектные офисы, комиссии, советы), которые реализуют единую федеральную и региональную политику в группе регионов. Например, проектный офис вышеобозначенного НОЦ «СЕВЕР: территория устойчивого развития» или межрегиональный Проектный офис по оценке регулирующего воздействия в Дальневосточном федеральном округе и др.

В-третьих, кластеры как результат формирования тесных связей между экономическими агентами, территориально расположенным на территории нескольких регионов / муниципальных образований. Здесь достаточно много примеров, поскольку экономическое сотрудничество не имеет административных границ (но имеет административные барьеры). Например, Межрегиональный промышленный кластер «Композиты без границ», Национальный аэрозольный кластер и др.

В целом межтерриториальное сотрудничество реализуется в самых различных сферах: реализация инфраструктурных, инвестиционных,

социальных и иных проектов, совместное использование или освоение ресурсов (например, природных), совместное формирование и развитие информационных платформ, согласование политики по активизации экономического потенциала территории, развитию предпринимательства [4] и др.

Более тесные связи административного и экономического характера между территориями реализуются через межтерриториальную интеграцию. Межтерриториальная интеграция – это процесс создания новой институционально оформленной надсистемы между территориями. Либо в облегченном варианте, когда происходит объединение некоторых общих функций, решаются совместные задачи, разрабатывается общая стратегия развития, что приводит к частичному организационному слиянию в единую интегрированную надсистему (например, агломерации), либо полностью слияние в единый надрегион. Например «в Российской Федерации активно осуществляется административная реорганизация внутрирегиональной территориально-экономической структуры, заключающейся в территориальном преобразовании муниципальных образований» [10]. На практике это выражается в интеграции муниципальных образований, например, объединении сельских поселений, муниципальных районов, муниципального района и городского округа и др.

Однако само понятие «интеграция территорий» может трактоваться как некая угроза самостоятельности. Органы власти не всегда готовы к такому формату сотрудничества, вполне обоснованно опасаясь за свою целостность и внутреннюю управляемость. Поэтому здесь следует сделать акцент скорее не на интеграции, а на интегративности или интеграционном процессе. Целью интеграции является процесс объединения отдельных частей в целое, например, в нашем случае либо административное объединение территориальных социально-экономических систем, либо институциональное оформление экономических форм сотрудничества. Тогда как в основе интегративности лежит «обеспечение скоординированности действий участников процесса, не раскрытие реальной или мнимой целостности объекта, а поиск объединяющих начал для субъектов деятельности» [5].

Интегративность лежит в основе движения к межтерриториальному взаимодействию или сотрудничеству и в конечном счете формированию различного рода сетевых структур территориальных социально-экономических систем. Каждая из сетевых структур представляет собой совокупность структурированных самостоятельных территориальных систем, объединенных формальными или неформальными связями, общей целью, сформулированной с учетом согласования интересов каждой из территорий. Сетевые структуры внутри отдельного региона могут быть представлены агломерациями, кластерами, особыми экономическими зонами, территориями опережающего социально-экономического развития,

субрегионами, ассоциациями, межтерриториальными инфраструктурными проектами и другими формами взаимодействия в зависимости от характера и цели сотрудничества. Они могут иметь общие органы управления (проектные офисы) либо функционировать на основе договоренностей без формирования единых организационных структур. Наибольшая степень интегративности приводит к полной интеграции территорий, но она скорее результат, чем изначальная цель.

Таким образом, межтерриториальное взаимодействие не совсем очевидное и однозначное понятие, его следует отличать от межтерриториального сотрудничества и интеграции. В его основе лежит принцип интегративности и коэволюционного развития территорий, который характеризует готовность к взаимному согласованию интересов территорий в рамках единой цели. При этом обеспечивается как стимулирование саморазвития территорий, так и синергетический эффект от совместной реализации потенциала подсистем региона. Исходя из этого межтерриториальное взаимодействие и сотрудничество должно быть объектом повышенного внимания со стороны региональных органов государственной власти.

Список использованной литературы:

1. АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: <https://ensib.ru> (дата обращения 10.10.2022).
2. Аслаева С.Ш. Специализация сельского хозяйства Республики Башкортостан // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 10. – С. 79-85.
3. Ассоциация инновационных регионов России [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: <https://i-regions.org> (дата обращения 10.10.2022).
4. Ахметов В.Я. Кооперация как основа кластеризации сферы этнического предпринимательства в республике Башкортостан // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 5. – С. 93-98.
5. Бочко С.В. Интегративная экономика – экономика скоординированного и социально-ориентированного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №5. – С. 48-58.
6. Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Нивелирование и поляризация в развитии экономического пространства // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 9-1. – С. 164-168.
7. Интегративное межтерриториальное взаимодействие в условиях экономических и политических вызовов: монография / под общ. ред. Д.А. Гайнанова. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – С.78.

8. Межевич Н.М., Сеник Н.М. Межтерриториальные взаимодействия в понятийно-терминологической системе региональной экономики // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе. Сборник статей. – Сыктывкар, 2020. – С. 165-169.

9. Научно-образовательный центр «СЕВЕР: территория устойчивого развития» [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Режим доступа: <https://nocsever.com> (дата обращения 10.10.2022).

10. Уляева А.Г. Территориальная трансформация муниципальных образований региона: нормативно-правовые основы и опыт реализации // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 11-2. – С. 290-295.

УДК 338.48

В.Я. АХМЕТОВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: willi76@mail.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО И
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**ETHNO-CULTURAL TOURISM AS ONE OF THE PROMISING AREAS
OF INTER-MUNICIPAL AND INTERREGIONAL COOPERATION IN
THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS (ON THE EXAMPLE OF THE
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE CHELYABINSK
REGION)**

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В условиях пандемии коронавируса и введения определенных ограничений на перемещения между некоторыми странами наблюдается увеличение спроса на внутренний туризм в регионах Российской Федерации, в том числе в Республике Башкортостан. Одним из перспективных, но еще недостаточно развитых видов внутреннего туризма в Башкортостане и соседней Челябинской области является этнокультурный туризм, потенциал которого огромен с позиций открытия новых рабочих мест, организации новых малых и средних предприятий. Он может рассматриваться как перспективное направление диверсификации сельской экономики и турбизнеса, способное кардинально увеличить доходы селян и, в целом, качество жизни в сельской местности. Кроме того,

он способствует сохранению материальных и нематериальных объектов исторической памяти, в частности, народных промыслов и ремесел, обычаев и традиций, навыков производства уникальных продуктов национальной кухни.

Annotation. In the context of the coronavirus pandemic and the introduction of certain restrictions on movement between some countries, there is an increase in demand for domestic tourism in the regions of the Russian Federation, including in the Republic of Bashkortostan. One of the promising, but still insufficiently developed types of domestic tourism in Bashkortostan and the neighboring Chelyabinsk region is ethno-cultural tourism, the potential of which is huge from the standpoint of opening new jobs, organizing new small and medium-sized enterprises. It can be considered as a promising direction of diversification of the rural economy and tourism business, which can dramatically increase the incomes of villagers and, in general, the quality of life in rural areas. In addition, it contributes to the preservation of tangible and intangible objects of historical memory, in particular, folk crafts and crafts, customs and traditions, skills in the production of unique products of national cuisine.

Ключевые слова: межмуниципальное и межрегиональное сотрудничество, межмуниципальная и межрегиональная кооперация, депрессивные сельские территории, экономика села, диверсификация, этническое предпринимательство, сельский этнокультурный туризм, этнодеревня, этнокооперативы, этнотуристский кластер.

Key words: intermunicipal and interregional cooperation, intermunicipal and interregional cooperation, depressed rural territories, rural economy, diversification, ethnic entrepreneurship, rural ethno-cultural tourism, ethno-village, ethnocooperatives, ethnotourist cluster.

В современной России с каждым годом все большее внимание уделяется развитию внутреннего и въездного туризма. В 2011 году Постановлением Правительства РФ № 644 была утверждена Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 года)», которая в настоящее время уже успешно реализуется [1].

В рамках этой Программы с 2012 года в различных регионах страны проводятся международные и всероссийские туристские форумы (Астрахань, Белокуриха, Вологда, Кострома, Сочи, Уфа, Якутск), проходят крупные выставки, конференции, семинары и прочие мероприятия [5].

Одним из перспективных видов туризма в настоящее время становится этнографический или этнический туризм. Под этнографическим туризмом понимается вид познавательного туризма, основной целью которого является посещение этнографического объекта для познания культуры, архитектуры, быта и традиций народа, этноса, проживающего сейчас и проживавшего когда-либо на данной территории. Этнографический туризм

называют также этническим, поскольку этнография («народоведение») – это наука, изучающая культурные и бытовые особенности разных народов мира (народов-этносов) [3].

В современном мире этнический туризм приобретает особую популярность, так как именно он позволяет узнать о традициях и культуре различных этносов не из книг или телепередач, а непосредственно путем погружения в природную и национальную среду [7]. Кроме того, этнический туризм, как и другие виды туризма, рассматривается как одна из перспективных «точек роста» экономики регионов. Этнический туризм позволяет увидеть традиционные жилищные и хозяйственные постройки этносов, местных жителей в национальной одежде, принять участие в традиционных праздниках, попробовать блюда национальной кухни и приобрести в качестве сувениров предметы традиционного быта [8]. Отличительной чертой данного вида туризма является то, что он может быть очень интересен практически для любой категории туристов, как для иностранцев, так и для граждан РФ, как для молодых людей, интересующихся историей, традициями и бытом своих предков, так и для более возрастной категории туристов [2].

Объектом этнографического туризма является культурно-исторический объект (явление), содержащий информацию об этнических проявлениях традиционно-бытовой культуры. Этнографический объект необходимо рассматривать как систему признаков, характеризующих культуру этноса в сочетании его оригинальных и специфических конкретных форм. Наиболее доступный и интересный способ познания этнографического объекта – это создание этнографической (этнической) деревни – использование исторических построек в качестве живых декораций для проведения мероприятий, построенных на элементах народной культуры и быта [4].

В результате проведенного нами исследования на примере депрессивных юго-, северо-восточных районов Республики Башкортостан (РБ) и Аргаяшского, Кунашакского районов Челябинской области – местах компактного проживания коренного башкирского населения – выявлена целесообразность активизации направлений межмуниципального и межрегионального сотрудничества в области развития сельского этнокультурного туризма, в том числе за счет внесения дополнений и изменений в федеральные, региональные и муниципальные программы по социально-экономическому развитию села, малого и среднего бизнеса, сельскохозяйственной кооперации, туризма и включения в них предложений по развитию этнического туризма и формированию этнотуристских кластеров.

Этнокультурный туризм позволяет увидеть традиционные жилищные и хозяйственные постройки башкир, местных жителей в национальной одежде, принять участие в традиционных праздниках (сабантуй, каз омахе и др.), этнических соревнованиях (конные скачки, стрельба из традиционного

лука и т.п.), попробовать блюда башкирской национальной кухни и приобрести в качестве сувениров предметы традиционного быта башкир и других народов Южного Урала [3].

В настоящее время спрос на внутренние туры, в том числе этнотуры в сельскую глубину, имеет устойчивую тенденцию к росту, но соответствующее качественное и стабильное предложение туруслуг оставляет пока желать лучшего. Поэтому организация национальных (этно) деревень в Аргаяшском, Кунашакском районах Челябинской области и в юго-, северо-восточных районах Башкортостана, межмуниципальных и межрегиональных турмаршрутов, этнотуристских кластеров может способствовать более эффективному использованию этнокультурного потенциала проживающего в них коренного башкирского населения, сохранению его культуры, традиций и обычаев, активизации этнотурбизнеса и повышению качества жизни селян.

Многим современным туристам интересно не только насладиться природой, но и узнать что-то новое, приобщиться к местной истории, культуре, традиционному быту коренного башкирского населения и т.д. В связи с этим на передний план выступает роль культурно-познавательной составляющей регионального этнотурпродукта. С этих позиций весьма перспективно обустройство и совершенствование облика уже существующих типично башкирских деревень в этностиле для создания атмосферы аутентичной среды для привлечения этнотуристов. Это, например, в Баймакском районе РБ – деревни Буранбаево и Мустаево, в Абзелиловском – село Бурангулово, в Бурзянском – деревня Кулганино, а в Аргаяшском районе Челябинской области – деревня Тугузбаева и Кунашакском районе – село Сарино. Кроме этого, с учетом передового зарубежного и отечественного опыта в этой области (Калужская, Оренбургская области, Республика Татарстан и др.) в перспективе также возможно и строительство новых этно (национальных) деревень [6], музейных комплексов на основе тщательного территориального и бизнес-планирования с учетом лучших зарубежных и отечественных практик, также всевозможных не только экономических, но и социальных, экологических рисков.

В настоящее же время этнокультурный туризм в РБ и Челябинской области только начинает развиваться. К немногочисленным хозяйствующим субъектам, предоставляющим в настоящее время услуги в области этнотуризма, относятся: ООО «Капова тур» (Бурзянский район); КФХ Каримов («Этнотур «Ирандык», Баймакский район, д. Мустаево); Группа компаний туроператора «Урал-Тенгри», включающая в себя ООО «Урал-Тенгри», ООО «Тенгри», НП «Экологическое объединение «Тенгри». Весьма интересен опыт Артура Идельбаева (Туркомпания ООО «Велком») по организации этнотуров по РБ «Настоящая Башкирия», «Конно-географическая экспедиция «По следам Пржевальского», «Тропою

евразийских индейцев» и Гузель Хайбуллиной по организации этнотура выходного дня «Башкорт килене» («Башкирская невеста»).

В Аргаяшском районе Челябинской области интересны начинания молодого фермера Руслана Нафикова из деревни Тугузбаева, который в своем хозяйстве поставил башкирскую юрту, организовал приготовление и реализацию блюд традиционной башкирской кухни (бишбармак, казылык, курут, башкирский мед, кумыс, буза и др.), предоставляет этнотуристам разнообразные услуги в рамках культурно-досуговой и спортивной программы, в том числе по катанию на лошадях, стрельбе из традиционного лука.

Пока же одной из главных причин недостаточного развития этнотуризма в исследуемых регионах является отсутствие системного и комплексного подхода в управлении им, отсутствие должной инфраструктуры, нехватка специалистов, финансовых ресурсов на разработку и реализацию бизнес-проектов и слабое развитие кооперации между субъектами этнотурбизнеса – этнокооперации.

Республика Башкортостан и Челябинская область обладают огромным историко-культурным и туристско-рекреационным потенциалом в развитии этнокультурного туризма. Однако только богатые природные ресурсы и уникальное единое культурно-историческое наследие не обеспечат регионам постоянный приток туристов в сельскую местность. Как показывает зарубежная и отечественная практика, для привлечения стабильного турпотока необходимо развитие соответствующей туристской инфраструктуры (качественные дороги, связь, гостиничное хозяйство, этноотели, система общепита и т.д.) и квалифицированных кадров, хорошо знающих родной башкирский язык и иностранные языки, географию, краеведение, культуру, историю родного края [9]. И здесь заключение межрегиональных и межмуниципальных договоров, а возможно, и организация межрегиональных и межмуниципальных этнотуристских кластеров, совместных предприятий и кооперативов, научно-образовательных центров по совместной подготовке кадров для индустрии весьма перспективного этнотуризма было бы весьма кстати.

Список использованной литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 02.08.2011 № 644 (ред. от 07.02.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118424/5c35948bc6a4cab25917e88b3c476c0110f7194b/ (дата обращения: 20.01.2022).

2. Ахметов В.Я., Матинова Ф.В. Этнокультурный туризм как фактор диверсификации экономики села и повышения качества жизни в сельской

местности // Журнал прикладных исследований. – 2021. – Т. 3. – № 6. – С. 212-218.

3. Барлукова А.В. Классификационный статус этнического туризма // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 4 (72). – С. 106-108.

4. Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2013. – 248 с.

5. Гайнанов Д.А., Кириллова С.А. Туризм как перспективный ресурс территориального развития // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 87-90.

6. Иванова Т.Н., Мокеева Н.В. «Этническая деревня» как пример этнокультурного ландшафта на территории Республики Марий Эл // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: Сборник материалов XI Международной НПК. – Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. – С. 123-125.

7. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтая. – ЭКО. – 2018. – № 5 (527). – С. 45-64.

8. Сундуев Ч.Б., Хышиктуева Л.В. Этнотуризм как одно из направлений культурно-познавательного туризма // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 53-56.

9. Формирование особых экономических зон туристско-рекреационного типа: опыт реализации / С.А. Кириллова, А.Г. Атаева, В.Я. Ахметов [и др.]. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2021. – 158 с.

УДК 332.142.2

Э.С. БАБАЕВ

Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан

Н.С. БАБАБЕЙЛИ

Нахичеванский государственный университет, г. Нахичевань, Азербайджан

Р.Ф. ГАТАУЛЛИН

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

THE ROLE OF HISTORICAL DEVELOPMENT IN FORMING THE ARCHITECTURE OF SOCIO-ECONOMIC SPACE

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются исторические основы формирования архитектуры социально-экономического пространства. На примере Башкортостана и Нахичевани показаны закономерности формирования основных ее элементов.

Abstract. The article deals with the historical foundations of the formation of the architecture of the socio-economic space. On the example of Bashkortostan and Nakhichevan, the patterns of formation of its main elements are shown.

Ключевые слова: архитектура, социально-экономическое пространство, история.

Key words: architecture, socio-economic space, history.

В настоящее время в социально-экономическом развитии территорий все большее значение приобретает использование пространственных факторов. Спецификой структуры социально-экономического пространства является то, что она формируется как результат развития за предыдущие годы, включая весьма отдаленные периоды. Поэтому изучение исторического фактора в формировании специфики структурных элементов или архитектуры социально-экономического пространства носит актуальный характер.

Исторические аспекты формирования архитектуры социально-экономического пространства в последние годы стали объектом исследования ряда ученых. Так, формирование архитектуры городской среды стали объектом исследования Е.Г. Трубина [1], К.И. Мусиной [2], Д.С. Гаврикова [3] и др. Что касается исторических факторов формирования

экономического пространства регионов, следует признать их отсутствие на современном этапе развития исследований.

При подготовке данной работы нами использованы описательный, исторический и аналитический методы. Цель работы – выявить влияние исторического фактора на формирование экономического пространства.

Развитие экономики может рассматриваться как бесконечный процесс в пространстве и во времени. Бесконечность в пространстве в определенные периоды проявляется как освоение новых территорий, в т.ч. с использованием новых технологий. К ним сегодня относится добыча полезных ископаемых с морского дна. На подходе использование поверхности космических тел. Поскольку время по сути – непрерывная величина, по Хайдеггеру [4] – она и есть бытие, в экономике время проявляется как процесс деятельности.

Экономические процессы различаются между собой по производительности и применяемым технологиям. Качественный рывок в производительности труда произошел при переходе к машинному производству. При этом вскоре изменились и требования к размещению производства. До этого в мире преобладающим видом деятельности было сельское хозяйство с его традиционными технологиями. При этом производство других видов продукции играло вспомогательную роль. Ремесла и торговля были сконцентрированы в небольшом количестве городов. Обмен товарами осуществляли по морским и караванным путям.

В Евразии в течение тысячелетий важнейшей торговой магистралью был Великий шелковый путь с его ответвлениями по южному и северному побережью Каспийского моря. Были также пересекающие их дороги, имеющие вспомогательное значение, в частности – Волжская водная артерия, в которой важное значение имели такие реки как Кама и Белая. В частности, арабы вообще считали, что Белая и есть основная река Волжской системы. По Белой сплавливали лес, шел также экспорт пушнины.

Одна из ветвей Великого шелкового пути шла по северному берегу Каспийского, другая – по южному к Черному морю. На Южном Кавказе были две дороги, которые вышеназванный участок дорог объединяли в одно целое – вдоль реки Кура через Шемаху и Тбилиси (северная ветвь) и вдоль реки Аракс – через Нахичевань. По оценке Эвлии Челеби, посетившего Нахичевань в 1648 году, в городе было 10 тыс. больших домов, 1 тыс. лавок, 20 караван-сараяв и 70 соборных мечетей [5]. Это позволяет оценить численность его населения в 60-70 тыс. человек, что значит – данная численность населения города восстановилась только к 2000 году.

Если в период до перехода к машинному производству доходы от караванной торговли позволяли восстановить город после масштабных разрушений, в новых условиях это стало затруднительно, что отразилось в особенностях вновь возникшей архитектуры экономического пространства. Города начали развиваться на территории бывшего СССР в основном в

послевоенный период, особенно в 60-70 годы. Поэтому в них значительный жилищный фонд соответствующих лет застройки. Все это не может отразиться в формировании их туристического потенциала. В этом плане Нахичевани повезло. В городе до сих пор сохранилось значительное количество исторических зданий.

Рассмотрим исторические закономерности формирования архитектуры экономического пространства. Для этого требуется определение архитектуры экономического пространства. Существует определение архитектуры экономического пространства как внешнего атрибута материально-организованной среды, обеспечивающей ее жизнедеятельность [6]. Исследование архитектуры экономического пространства при этом означает выявление точек роста и экономического каркаса как несущего элемента данного образования и функциональное зонирование территории.

Как было сказано, становление элементов архитектуры проходит определенные этапы. При этом происходят качественные изменения в них.

Исторически центральная ось в Республики Башкортостан (РБ) формировалась вдоль р. Белой, на берегах которой выросли города Бирск, Уфа, Стерлитамак и множество более мелких центров. В начале XX века через Уфу прошла железная дорога и ось экономического развития переместилась на линию широты города, где центром стала будущая столица республики. Данная ось в настоящее время представлена федеральной трассой Москва-Владивосток, федеральной автотрассой М-5 и участками нефте- и газопроводов.

Опорный каркас экономического развития республики включает сеть городских поселений, связанных между собой транспортными коммуникациями, и включает города Уфу, Стерлитамак, Салават, Ишимбай, Мелеуз, Белорецк, Нефтекамск, Белебей, Сибай и Учалы.

Функциональное зонирование территории РБ наиболее четко осуществлено применительно к сельскохозяйственным видам деятельности. В частности, выделены территориальные агрокластеры крупных культур, халяльной продукции, быстро замораживаемых продуктов и экономически чистой продукции [7]. Особенностью формирования элементов архитектуры пространственного развития РБ является то, что это происходило в последнее столетие.

Что касается Нахичевани, формирование данных структур произошло в течение тысячелетий. Так, Шелковому пути 2 тыс. лет. Но это не значит, что данные структуры не менялись по времени. Так, в 1914 году начала функционировать железная дорога Тбилиси-Тебриз через Нахичевань, что отразилось в экономике земель среднего течения рек Аракс (Арас).

Значение этой дороги проявилось в годы Второй мировой войны, когда четверть поставок в СССР по лендлиз проходил через Нахичевань и Джульфу [8].

В новых условиях данная дорога получает новое дыхание в своем развитии. Регулирование отношений с соседней республикой превратит Нахичевань в важнейший перекресток торговых путей между Европой и Азией, что не может не отразиться в динамике экономического роста.

Особенностью Нахичевани является также наличие двух осей. Это Карс-Баку и Тбилиси-Тавриз. Следует отметить, что эти оси сегодня представлены только фрагментами железных дорог, которые предстоит реконструировать в соответствии с существующими техническими новшествами. За редким исключением новые элементы архитектуры социально-экономического пространства формируются на базе существующих структур, но на новой технико-технологической базе. В результате экономико-географический фактор со временем изменяет свою значимость.

Список использованной литературы:

1. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 502 с.
2. Мусина К.И. Формирование историко-архитектурной городской среды как фактор социокультурного развития // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – № 4-2. – 2013. – С. 32-36.
3. Гавриков Д.С. Москва фахверковая: к вопросу изучения деревянно-каменной архитектуры // Архитектон: известия вузов. – Екатеринбург : УралГАХА, 2011. – № 36. URL: http://archvuz.ru/2011_4/6.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / Перевод В. В. Бибихина. – М., 1997. URL: http://www.odinblago.ru/bitie_i_vrema/ (дата обращения: 04.06.2022).
5. Нахичевань. Электронная библиотека «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%85%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D1%8C> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш., Каримов А.Г. Механизм формирования архитектуры регионального экономического пространства // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 7-2. – С. 324-329.
7. Актуальные проблемы развития сельского хозяйства: монография / Р.Ф. Гатауллин, Р.Н. Галикеев, С.Ш. Аслаева. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. – 162 с.
8. Джульфа – ворота в Иран. URL: <https://dzen.ru/media/varandej/djulfa-vorota-v-iran-kak-vygliadit-gorod-bez-kotorogo-sssr-ne-vyigral-by-velikoi-otechestvennoi-5f352d6b951c1e252f700442> (дата обращения: 16.09.2022).

УДК 332.1

Т.Н. БЕССОНОВА, Д.В. КОНЕВА

Югорский государственный университет, г.Ханты-Мансийск, Россия,
e-mail: T_Bessonova@ugrasu.ru, koneva.darya.00@mail.ru

АДАПТАЦИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ К ИЗМЕНЕНИЯМ КЛИМАТА

ADAPTATION OF THE NORTHERN REGIONS TO CLIMATE CHANGE

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского гранта РФФ № 22-28-01403 «Модели прогнозирования процессов адаптации социо-эколого-экономических систем северного региона к последствиям глобального изменения климата».

Аннотация. Проведенное исследование позволило выделить наиболее уязвимые виды экономической деятельности в экономике северных регионов в условиях изменения климата. В первую очередь необходимо разработать адаптационные стратегии для транспорта, строительства, сельского и лесного хозяйства.

Abstract. The study made it possible to identify the most vulnerable types of economic activity in the economy of the northern regions in the conditions of climate change. First of all, it is necessary to develop adaptation strategies for transport, construction, agriculture and forestry.

Ключевые слова: изменение климата, северные регионы, адаптация.

Keywords: climate change, northern regions, adaptation.

В последние годы в условиях динамичных социо-экономических изменений вопросы адаптации населения к новым экономическим, политическим и экологическим условиям заняли одно из центральных мест в научных дискуссиях. При этом масштабы и глубина происходящих трансформаций привели к тому, что наше общество сталкивается приспособляться к широкому кругу социальных, экономических и экологических изменений. В национальной экономике это проявляется в виде негативных последствий, оказывающих влияние на все сферы деятельности населения. Вместе с тем при реализации обоснованной политики адаптация к изменениям климата может принести значительную экономическую отдачу, а также многочисленные социальные и экологические преимущества.

Анализ и обобщение публикаций в этой области позволили авторам выделить различные подходы к определению адаптации и ее учету при разработке стратегии социально-экономического развития регионов. При этом выделение существенных свойств адаптации социально-экономических систем во многом определяет ее наиболее распространенные типологии, признаками которых традиционно являются характер процессов в зависимости от источника воздействия, временной интервал (длительность

или период времени), особенности реакции на происходящие изменения и др. Так, Л.А. Растрин определяет адаптацию как «процесс целенаправленного изменения параметров и структуры системы, который состоит в определении критериев ее функционирования и выполнении этих критериев» [1]. Наличие выбора критерия оптимальности в процессе адаптации позволяет использовать данное определение применительно к социальным и экономическим системам. Р. Акофф и Ф. Эмери выделяет четыре возможных типа адаптации. Первый тип – внешне-внешняя адаптация – предполагает, что система (индивид), реагируя или откликаясь на внешнее изменение, модифицирует окружение. При внешне-внутренней адаптации система (или индивид) под влиянием внешнего воздействия модифицирует свое внутреннее содержание. Такая адаптация предполагает, что система, реагируя на внутреннее изменение, модифицирует окружение. И четвертый тип – внутренне-внутренняя адаптация рассматривает случай, когда система (или индивид) реагирует на внутреннее изменение модификацией самой себя. Автор отмечает, что в литературе наибольшее внимание уделено внешне-внутренней адаптации с преимущественным рассмотрением биологических систем [2]. Кроме того, подробный анализ классификаций адаптации проведен в работах Н.В. Субботиной. В своих исследованиях авторы придерживаются традиционного взгляда на адаптацию, как на приспособления системы к изменившимся условиям среды. Анализируя критерий динамичности, Н.В. Субботина предлагает свое видение статической и динамической адаптации [3]. В исследованиях Н.В. Тимофеева-Ресовского, Н.Н. Воронцова и А.В. Яблокова предложена классификация адаптаций по морфологическому содержанию. По их мнению, можно выделить адаптации, упрощающие строение системы и усложняющие его. Изучая биологические системы, коллектив ученых определил, что одни адаптации приводят к усложнению органов и структур индивида (группы), а другие ведут к их упрощению. Исследователи акцентировали внимание, что понятие «адаптация» складывается из возникновения элементарного адаптационного явления и собственно адаптации [4]. Также выделяют пассивные и активные адаптационные процессы. В первом случае приспособление будет связано с изменением свойств и характеристик отдельных частей системы. Во втором варианте адаптация будет состоять в изменениях внешней среды или поиска среды, где возможен наиболее выгодный режим работы системы. Оба варианта адаптационных процессов могут встречаться одновременно и взаимодействовать друг с другом. В социальных и экономических системах оба вида адаптации, скорее всего, будут проявляться в равной степени. Следует отметить, что большинство типологий процессов адаптации носит функциональный характер, подчиненный конкретным решаемым исследователем задачам. При этом универсальной классификации процессов адаптации не существует.

Целью настоящего исследования является определение приоритетов адаптивных стратегий развития северных регионов в условиях глобального изменения климата.

В рамках глобального изменения климата способность к адаптации рассматривается как процесс приспособления к существующему или ожидаемому климату и его воздействиям. При этом целью адаптации в антропогенных системах является снижение или предотвращение ущерба, а также использование благоприятных возможностей [5].

В соответствии с Климатической доктриной Российской Федерации, утвержденной распоряжением Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп [6], разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по адаптации являются одними из основных задач политики в области климата. В этих условиях принятие мер по адаптации к изменениям климата необходимо для снижения потерь и использования выгод, связанных с наблюдаемыми и будущими изменениями климата. При этом происходящие изменения климата на территории Российской Федерации создают и новые возможности для экономики страны, использование которых также относится к сфере адаптации [7].

Изменение климата по-разному проявляется на различных территориях. Наиболее уязвимыми являются северные регионы, т.к. более интенсивное изменение климатических характеристик сопровождается высокой антропогенной нагрузкой и хрупкостью естественных систем. Для северных территорий основным риском, связанным с изменением климата и деградацией вечной мерзлоты, является снижение несущей способности грунтов в основании инфраструктурных объектов [8]. Наиболее опасные последствия связаны с увеличением интенсивности осадков [9] (табл. 1). В настоящее время климатические изменения необходимо учитывать еще на стадии проектирования объектов, в связи с чем важно зафиксировать новые требования в строительных правилах.

Таблица 1

Адаптивные стратегии видов экономической деятельности в северных регионах

Виды экономической деятельности	Последствия изменения климата	Адаптивные действия и стратегии
1	2	3
Строительство	Увеличение среднегодовой температуры воздуха, способствует снижению мощности многолетней мерзлоты и снижению несущей способности грунтов в основании инфраструктурных объектов.	Учет климатических изменений в стандартах строительства.
Транспорт	Увеличение среднегодовой температуры воздуха уменьшает период эксплуатации автотрасс.	Строительство круглогодичных дорог.

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Сельское хозяйство	Увеличение среднегодовой температуры способствует смещению границ распространения вредителей сельскохозяйственных культур.	Усиление борьбы с вредителями, использование новых видов, устойчивых к вредителям.
Лесное хозяйство	Уменьшение осадков в летний период увеличивают продолжительность пожароопасного периода, число и мощность пожаров.	Переход к устойчивому управлению лесами.
	Увеличение среднегодовой температуры увеличивает количество вредителей леса.	Усиление борьбы с вредителями, изменения в лесопользовании.
Социальные технологии	Процесс достижения определенного соответствия между социальной системой (личностью, социальной группой, общностью, обществом), внутренними и внешними изменениями.	Преобразование ценностных ориентаций общества, моделей поведения и поведенческих паттернов с помощью социальных инструментов.

Также глобальное изменение климата оказывает негативное воздействие на наземную **транспортную инфраструктуру** и увеличивает риски нарушения ее функциональности. В результате полного или частичного разрушения дорожной сети ее пропускная способность фрагментарно уменьшается. В северных регионах одновременно с деформацией инфраструктуры уменьшается доступность удаленных поселков, обслуживаемых зимниками. Период эксплуатации временных транспортных сооружений (автозимников) сокращается. По прогнозам, на 1 млн км² сократится площадь, где экономически целесообразно использовать автозимники [7]. Поэтому необходимо более активно развивать малую авиацию и альтернативные виды транспорта.

Влияние климатических изменений на **сельское хозяйство** также является значительным. В качестве положительного момента можно отметить увеличение продолжительности вегетационного периода, повышение средней температуры воздуха зимнего периода и др. Однако негативный эффект будет больше и проявится в увеличении вредителей и распространителей возбудителей болезней сельскохозяйственных растений в результате расширения ареалов их обитания. Важным моментом адаптационной стратегии должны стать разработанные рекомендации по использованию сельскохозяйственных культур, устойчивых к колебаниям водного режима и вредителям.

Изменение климата также преимущественно негативно повлияет на **лесное хозяйство**. Несмотря на очаговое положительное влияние на продуктивность древостоев, прямое воздействие оказывается негативным и более значительным. Одной из основных проблем является увеличение

пожароопасного периода. Также опасность представляют экстремальные условия погоды, влияние вредных насекомых и распространение болезней [9]. В стратегии адаптации необходимо предусмотреть переход к устойчивому управлению лесами с учетом видового состава и усилением мониторинга лесных насаждений.

Приоритеты адаптивных стратегий северных регионов, которые одновременно направлены как на адаптацию, так и на смягчение последствий, должны быть связаны между собой, образуя механизм адаптации. Эффективность реализации адаптационной стратегии во многом обусловлена правильным подбором механизмов, позволяющих региону реализовать свои преимущества и рационально их использовать.

Адаптация к относительно стабильным экстремальным арктическим условиям проходила в течение столетий, а новый комплекс природно-климатических условий формируется в течение нескольких десятилетий. В этой связи одним из приоритетов адаптационной политики является сдерживание темпов социально-экономических изменений.

Стратегии по адаптации к климатическим изменениям должны быть разработаны на всех уровнях управления в обществе и организациях. Принятие своевременных упреждающих действий позволит северным регионам значительно снизить затраты на устранение последствий или избежать таковых, а также будет способствовать более предсказуемому социально-экономическому развитию. Важным направлением управления адаптационными процессами является механизм регламентации, где управленческие структуры с помощью определенного инструментария создают или смягчают административные барьеры социальной, экономической и экологической деятельности населения.

Учет региональных особенностей будет способствовать разработке эффективных мер и выявлению детерминант по снижению избыточной смертности в зимний период вследствие значительной вариабельности климатических, социально-экономических и прочих параметров российских регионов.

Новые адаптационные механизмы могут войти в критическое противоречие с традициями коренного населения. Определение приоритетов механизмов адаптации к климатическим изменениям целесообразно производить на основе концепции и инструментария управления рисками, которые предусматривают варианты исключения, снижения, удержания или передачи риска. Необходимо выделить социальную дифференциацию населения и потребность в усилении социальной составляющей адаптационных процессов. Главное ее содержание состоит в обосновании, что преодоление социально-экономической дифференциации, сокращение масштабов бедности, существенное увеличение объема и улучшение структуры личного потребления низкодходных групп населения являются инструментами адаптационной политики к изменениям среды.

Список использованной литературы:

1. Растригин Л.А. Адаптация сложных систем. – Рига: Зинатне, 1981. – 375 с.
2. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / Пер с англ. под ред. И.А. Ушакова. – М.: «Сов. радио», 1974. – 272 с.
3. Субботина Н.Д. Динамическая адаптация в природе и обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2013. – № 4-1. – С. 172-183.
4. Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. – М.: Наука, 1977. – 302 с.
5. МГЭИК, 2014 г.: Изменение климата, 2014 г.: Воздействия, адаптация и уязвимость – Резюме для политиков. Всемирная Метеорологическая Организация, Женева, Швейцария. – 34 с.
6. О климатической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 дек. 2009 г. № 861-рп // Гарант: офиц. сайт. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online> (дата обращения: 20.09.2022).
7. Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 дек. 2019 г. № 3183-р // Гарант: офиц. сайт. URL: <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online> (дата обращения: 20.09.2022).
8. Анисимов О.А., Стрелецкий Д.А. Геокриологические риски при таянии многолетнемерзлых грунтов // Арктика. XXI век. Естественные науки. – 2015. – № 2. – С. 60-74.
9. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. Росгидромет, 2014. – 61 с.

УДК 369.032

А.И. ВИНОГРАДОВ

Академия наук социальных технологий и местного самоуправления,
г. Москва, Россия

В.И. ПАТРУШЕВ

Институт социологии РАН, г. Москва, Россия,
e-mail: patrushevs1938@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО УПРАВЛЕНИЯ

REGIONAL PERSONNEL POLICY: EXPERIENCE AND PROBLEMS OF ADVANCED MANAGEMENT

Аннотация. Качество управления регионами для России с ее многообразием управляемых объектов – республик, краев, областей, автономных округов, многонациональных, многоконфессиональных по своему составу, находящихся в различных климатических зонах, часовых поясах, является ключевой проблемой. Россия сильна регионами. В каждом из них имеются свои природные, материальные, человеческие ресурсы. И вопрос целостного гармоничного развития каждого региона всецело зависит от руководителя региона, управленческой команды, опережающего управления. Только кадры, вооруженные современными знаниями, в состоянии эту задачу решить. Только кадры опережающего управления, вооруженные современными социальными технологиями, непобедимы в конкурентной борьбе. Такие кадры – продукт научно обоснованной кадровой политики.

Abstract. The quality of regional management for Russia with its variety of managed objects – republics, territories, regions, autonomous districts, multinational, multi-confessional in composition, located in different climatic zones, time zones, is a key problem. Russia is strong in regions. Each of them has its own natural, material, human resources. And the issue of holistic harmonious development of each region depends entirely on the head of the region, the management team, and advanced management. Only cadres armed with modern knowledge are able to solve this problem. Only advanced management personnel, armed with modern social technologies, are invincible in the competitive struggle. Such personnel are the product of a scientifically based personnel policy.

Ключевые слова: кадры, резерв кадров, регион, опережающее управление, социальные технологии.

Key words: personnel, personnel reserve, region, advanced management, social technologies.

Сегодня каждый регион, вся Россия стоит перед вызовом – обеспечить национальный, технологический, экономический, финансовый,

информационный суверенитет. Не всем регионам эта задача под силу. Слишком велик разрыв в уровне социально-экономического развития. По этому критерию все 85 регионов можно классифицировать на 4 Д – доноры, достаточные, дотационные, депрессивные. Очевидно, дотационным и депрессивным регионам без помощи федерального центра не обойтись.

Сегодня мы с вами являемся свидетелями, как Председатель Правительства М. Мишустин посещает эти регионы, помогает, учит, наставляет. Но общие для всех регионов вопросы остаются. Например, медсестра в Тульском регионе получает 15 тыс. рублей в месяц. Вынуждена ехать в Москву, чтобы получать 30 тыс. рублей. Много раз ставится вопрос о единой тарифной сетке оплаты труда учителей, врачей, работников культуры, государственных и муниципальных служащих, применении при формировании региональных и муниципальных бюджетов единых для всей страны социальных стандартов. Однако дальше периодических дискуссий, дело не продвигается.

Но основная нагрузка и ответственность за устойчивое развитие регионов ложится на глав регионов и местные правительства. Кто и как готовит региональные управленческие команды? Почему не растет число регионов-доноров и достаточных территорий? Почему трудоспособное население, чтобы достойно заработать, бежит в Москву? Почему не удается остановить отток населения из регионов Дальнего Востока? Почему губернатор, вместо мобилизации всех ресурсов на устойчивое развитие региона, увлекается коллекционированием дорогих часов и ростом личного бюджета или охотой на медведя? Ответ один – отсутствие гласной, открытой, научно выверенной региональной кадровой политики. Политики, которая ищет таланты, отбирает, готовит, продвигает по служебной лестнице, учит, воспитывает, доверяет и проверяет каждого управленца, изучает и развивает его моральные, деловые, организационные и профессиональные качества. Политики, которая формирует резерв кадров – ближний, средний и дальний. Политики, которая в каждом регионе создает систему раннего выявления управленческих способностей школьников и их допрофессиональной подготовки. Политики целевой подготовки управленцев в вузах, аспирантуре и докторантуре, причем на средства регионов. Количество потраченных денег на профессиональную подготовку управленцев – это показатель зрелости и государственной ответственности лично губернатора.

В новейшей истории России известны героические образцы достойного служения Отечеству. Лидеры Белгородской области Е. Савченко, Калужской области А. Артамонов, Республики Татарстан М. Шаймиев совершили социально-экономический прорыв в развитии своих регионов. Государственно важным будет создание на базе этих регионов школ передового опыта, в которых их лидеры будут делиться опытом, как они, многие годы, формировали управленческую команду, возвращали лидеров

городов и сельских районов, готовили по уникальным программам резерв кадров под названием «губернаторская сотня». Именно эти управленческие самородки заслужили право создать Совет мудрецов России, за которым должно оставаться решающее слово о кандидатурах на должность губернатора. В нынешнее время недопустимо, когда в регион приходит первое лицо, не имеющее плана перевода региональной системы из состояния «Как есть» в состояние «Как надо», первое лицо, которое не знает людей, экономику, историю, культуру региона. Итог отрицания совета мудрецов в подборе губернаторов печален. Этот итог подводят жители, голосуя «ногами». В одном из областных центров я лично видел надписи на заднем стекле автомобиля «Губернатор уходи».

К счастью, Центр услышал голос народа и своевременно губернатора заменил. Но не сказал народу правду: «Кто виноват в подборе такого кадра? Кто понес ответственность за слабое решение, за отступление от научных принципов подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров, за пренебрежение рекомендациями совета мудрецов?». Резерв кадров на губернаторов важно обучить теории опережающего управления, основы которой разработал профессор Атаманчук Г. [1].

Характеризуя «опережающее состояние» управления, Г. Атаманчук выделяет такие основные черты: учет в управленческих решениях и действиях реального потенциала конкретных объективных условий и субъективного фактора, динамики и перспектив их развития; ориентация целей субъектов управления на применение наиболее прогрессивных, передовых, выверенных мировой практикой способов, форм, механизмов и ресурсов решения актуальных вопросов жизнедеятельности людей; тесное взаимодействие научной и общественной мысли и управленческой практики, развитая и авторитетная общественная экспертиза принципиальных решений, поддержание подготовленности персонала управления на уровне развивающегося мирового знания и опыта; открытость и восприимчивость к новым источникам и ресурсам управления, способность своевременно осваивать лучшие механизмы и способы решения управленческих проблем; гибкость и способность к адаптации своих элементов и их взаимосвязей, наличие потенциала постоянного самосовершенствования, развития и улучшения исходящих от субъектов управляющих воздействий.

Опережающее управление – это управление по результатам. Если результат деятельности губернатора и всей управленческой команды – утроение ВРП к 2030 году, то для достижения этого результата составляется дорожная карта, пошагово рассчитываются все управленческие решения, находятся источники и ресурсы, меняются способы производства, готовятся и расставляются кадры, происходит мобилизация всех ресурсов и резервов, прежде всего человеческих, интеллектуальных, культурных, образовательных, инновационных, мотивационных, информационных,

коммуникационных и многих других нематериальных активов, которые в каждом регионе составляют до 50% всего регионального богатства. Если их грамотно, с помощью инновационных социальных технологий не задействовать, то и природные, материальные, и финансовые ресурсы будут потрачены мало продуктивно [2]. Энтузиазм, инициативу, творчество, изобретательство, ответственность, дисциплину ничем не заменишь. Соревнование, обмен передовым опытом, наставничество не заменишь конкуренцией. Упование на рынок, на конкуренцию, на достижение прибыли любой ценой, вплоть до преступления, главное не мешать, пусть все живет и развивается само собой, – это вредный, попустительский стиль управления. Не нужно управлять. Все за нас сделает невидимая рука рынка. Долой планирование, проектирование. Долой пятилетние планы социально-экономического развития региона.

Мало кто вспоминает, что управление – это процесс усиленного целеполагающего, организующего и регулирующего воздействия субъекта власти на управляемые объекты для обеспечения их функционирования и эффективного развития [3]. Главный метод регулирования – это и есть планирование и проектирование будущего. Нужна мудрость губернаторов, чтобы помнить и знать правило золотого сечения, а именно – 68% региональной собственности – государственная, смешанная, кооперативная, плановорегулируемая, для обеспечения интересов государства и региона, и 32% частная, стихийная, инициативная, рыночная. Это малый и средний бизнес, самозанятое население, ремесленничество, причем в значительной мере – малый инновационный бизнес, который в развитых странах строится вокруг крупных корпораций, требуя заказов, в т.ч. от предприятий ВПК. Головная боль каждого собственника малого инвестиционного бизнеса – заполучить от науки новую идею, новую технологию, новый материал, чтобы в течение трех лет успеть обновить выпускаемую продукцию. Иначе через три года малый инвестиционный бизнес в госстатистике и налоговой службе окажется в другой категории. Солидарен с мнением независимого экспертного сообщества, которое уже несколько лет назад сформировалось на площадке Академии наук социальных технологий и местного самоуправления, Народной академии наук ВЕЧЕ, в том числе ученых Башкортостана – Г.Т. Галиева, Г.Д. Горбуновой, А.Э. Рабинджанова, Р.М. Валиахметова, Н.И. Бикмурзина, в том, что назрела необходимость формирования нового сильного демократического регионального управления из пяти центров силы – единого «кулака». Приведу высказывание Председателя КНР Си Цзиньпина на саммите стран БРИКС: «Пять пальцев – еще не кулак. Нужна идея. Такой идеей является гармонизированный мир на основе Великого единства Веры, Разума и Силы. Их интеграция и есть тот великий путь, который объединяет духовные, интеллектуальные и материальные возможности, создает гармонизированный мир» [4]. Назову пять центров силы применительно к

Республике Башкортостан: 1) исполнительная и законодательная ветвь власти; 2) региональная и муниципальная наука в лице Академии наук республики Башкортостан – экспертно-аналитическая и экзаменационная ветвь власти; 3) бизнес сообщество – предпринимательская ветвь власти; 4) средства массовой информации – четвертая информационная ветвь власти гласности, правды, в честности, прозрачности, формирования здорового общественного мнения; 5) народный совет – союз всех общественных организаций, в том числе профсоюзов, молодежных организаций, общественных движений. Все пять центров силы в форме русского кулака не реже одного раза в год проводят Народное ВЕЧЕ – отчет о проделанной за год работе, определение перечня первоочередных задач на следующий год, подписание всеми сторонами общественного договора. Общественный договор – это новый тип правового регулирования государственно-частного партнерства. Он не исключает существующего ныне трехстороннего соглашения «власть + бизнес + профсоюзы». Наоборот, усиливает общественный договор, ибо входит в его структуру и содержание и концентрирует внимание бизнеса и его ответственность за условия труда нанятого населения, режим и условия оплаты труда, здоровьесбережение трудящихся, социально-культурное развитие трудовых коллективов.

Выводы. Региональная кадровая политика – главный ресурс гармоничного развития региона, человека, природы, регионального сообщества и космоса. Ее главная стратегическая цель – создание благоприятных условий жизнедеятельности (БУЖД) для каждого жителя региона, получение в каждом управленческом акте синергетического эффекта свободы и ответственности. Опережающее управление регионом, направленное всегда и во всем на разрешение сущностного противоречия между объективной необходимостью жить вместе, взаимодействовать и самореализацией личности. «Взаимо-» и «Само-» – это вечное противоречие свободы и ответственности, вечный генератор социальной энергии регионального сообщества, который запускает опережающее управление. Последнее достигает высокого КПД при условии неукоснительного соблюдения правила триединства «управления + соуправления + самоуправления». Соучастие науки, населения при выработке управленческих решений, максимум самоуправления в реализации принятых решений. Профессионально исполненная роль управляющего – губернатора, лица, принимающего решения, дирижера управленческого оркестра. Опережающего управления нет в природе без соуправления и самоуправления. Опережающее управление возможно только как природоподобная технология в форме русского кулака – единства пяти центров силы. Для каждого губернатора это трудно. Но иного не дано. Не может каждый житель региона быть винтиком регионального управления, заложником слабых решений, быть неуверенным в завтрашнем дне.

Каждый из 85 регионов России – это открытая крупномасштабная система, состоящая из большого числа подсистем, имеющая положительную, отрицательную и стабилизирующую обратную связь [5]. Сегодня, пока не все руководители регионов понимают, что главная подсистема, на которую призваны работать все подсистемы социального организма региона, – это демографическая подсистема. На нее работают все – управление, экономика, финансы, бизнес, СМИ, законодатели, общественность. Нет людей – нет деревни, нет сельского района, нет города, нет экономики, нет страны, нет смысла жизни. Эту главную угрозу существования России как суверенного государства, многие управленцы знают, но сделать ничего не могут. Рождаемость во многих регионах снижается, смертность растет, средняя продолжительность жизни сокращается. Решить демографическую проблему, подчинить ей все государственно важные решения, законы, планы, проекты – главная функция региональной кадровой политики и опережающего управления в каждом регионе России. В решении этого вопроса должна в полной мере помочь региональная и муниципальная наука, которая также является целью и средством опережающего управления [6].

Список использованной литературы:

1. Атаманчук Г.В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем). Серия: «Об управлении: избранное». В 6 книгах. Кн.3. – С.287-290.
2. Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий. Монография. – М.: Изд. ИКАР, 2018. – 323 с.
3. Введение в управление. Учебное пособие в 3-х частях. Под научной редакцией В.Н. Иванова. – М.: ИРИАС, 2007. – 358 с.
4. Патрушев В.И., Харченко К.В. Белгород – Ханты-Мансийск – Южно-Сахалинск: из опыта научно-методического обеспечения стратегического и программно-целевого управления городом. – М.: Академия наук социальных технологий и местного самоуправления, 2018. – 108 с.
5. Технология политической власти / Под ред. В.Н. Иванова. – Киев: 1994. – 259 с.
6. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Муниципальная кадровая политика: теория, методология, технологии. – Белгород-Москва. – 2014. – 340 с.

УДК 338.43

Р.Н. ГАЛИКЕЕВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, г. Уфа, e-mail: razitg@inbox.ru

**РОЛЬ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В САМООБЕСПЕЧЕНИИ ПРОДУКЦИЕЙ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ**

**THE ROLE OF INTER-MUNICIPAL AND INTER-REGIONAL
COOPERATION IN SELF-SUPPLY WITH AGRICULTURAL
PRODUCTS UNDER WESTERN SANCTIONS**

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье рассмотрены состояние и проблемы функционирования картофелеовощной отрасли, а также показана роль межмуниципального и межрегионального сотрудничества в самообеспечении продукцией сельского хозяйства в условиях санкций стран Запада и определены основные направления повышения продовольственной безопасности страны и регионов, прежде всего, за счет обеспечения внутреннего и внешнего рынка относительно доступными продуктами питания и полуфабрикатами с широким использованием принципов кооперации.

Abstract. The article discusses the state and problems of the functioning of the potato and vegetable industry, and also shows the role of intermunicipal and interregional cooperation in self-sufficiency in agricultural products under the sanctions of the Western countries and identifies the main directions for improving the food security of the country and regions, primarily by providing internal and external markets with respect to affordable food and semi-finished products with a wide use of the principles of cooperation.

Ключевые слова: санкции, сотрудничество, продукция, производство, рынок, кооперация, регион.

Key words: sanctions, cooperation, products, production, market, cooperation, region.

В условиях пандемии, а также усилением западных санкций особую значимость приобретает насыщение внутреннего и внешнего рынка относительно доступными по цене и качеству продуктами питания, в том числе полуфабрикатами из картофеля и овощей [1, 2, 3, 4].

Республика Башкортостан (РБ) является крупнейшим в России производителем овощепродуктов. Однако сложившиеся экономические отношения по производству, заготовке, переработке, хранению и

реализации продукции не обеспечивают экономической заинтересованности участников отрасли в достижении высоких конечных результатов [5, 6, 7].

Сложно переоценить роль картофеля и овощей в решении продовольственной проблемы страны и ее регионов. Однако, картофель и овощи в не переработанном виде мало транспортабельны, что отводит эти продукты в разряд продукции для самообеспечения.

Башкортостан входит в зону наиболее благоприятных почвенно-климатических условий для возделывания картофеля и овощей в стране. Надо отметить, что в республике эти культуры, как влаголюбивые, при надлежащей агротехнике дают хорошие урожаи и на сравнительно бедных лесных почвах легкого механического состава. И в хозяйствах нечерноземной зоны имеются хорошие возможности для производства этих важных культур повседневного спроса для населения. По их валовому сбору республика относится к числу первых пяти субъектов Российской Федерации. По удельному весу в составе продукции сельского хозяйства картофель занимает четвертое место, а в составе продукции растениеводства – второе место после зерновых культур [8]. Удельный вес площади посевов картофеля и овощей в общей площади пашни республики составляет около 2,4% [8].

Идет тенденция концентрации производства картофеля и овощей в личных подсобных хозяйствах населения [9]. Сокращение площади посевов картофеля и овощей в общественном секторе объясняется недостаточно развитой системой каналов сбыта, высокой трудоемкостью и низкой экономической эффективностью их производства.

Российскому рынку картофеля и овощей присущи особенности, связанные со спецификой условий ведения отрасли. Они сводятся в основном к следующим:

- для России характерна физическая и экономическая доступность картофеля и овощей для всех категорий населения благодаря почти повсеместному его выращиванию преимущественно в личных хозяйствах и продаже по относительно низким ценам;

- сравнительно незначительные различия в уровне их потребления по категориям населения с различным размером среднедушевого денежного дохода;

- небольшое в сопоставлении с большинством экономически развитых зарубежных стран потребление, обезвоженных картофеле- и овощепродуктов;

- формирование рынка овощепродуктов в условиях преобладающего натурального производства, распыления их посевов по мелким хозяйствам, не способным в силу ряда причин в полной мере использовать достижения научно-технического прогресса и инновационных технологий возделывания, что неизбежно обрекает их на низкую эффективность производства;

– сравнительно высокий уровень конкуренции производителей товарного картофеля и овощей на рынке при сохраняющейся монополизации рынка средств производства и услуг постоянно воспроизводит условия для нарушения паритета цен на овощепродукты и используемую в отрасли промышленную продукцию;

– низкая транспортабельность определяет экономическую необходимость размещения перерабатывающих овощи и картофель промышленных предприятий преимущественно в специализированных зонах;

– устойчивый и относительно равномерный в течение года спрос на овощепродукты обуславливает его закладку на хранение в местах производства и потребления.

Все эти особенности рынка овощепродуктов присущи и для РБ. В связи с этим, возникает необходимость формирования оптимальных условий для его оживления и развития:

– поскольку основным производителем картофеля и овощей остается индивидуальный сектор, следует не только заинтересовать его в развитии производства, но и предоставить средства производства (в пределах малой механизации) для ЛПХ;

– усилить создание специализированных районов (территории по возделыванию картофеля и овощей). Так, сделано, например, в США, где основная часть их производства сосредоточено в зонах с легкими почвами и с продолжительным вегетационным периодом;

– поднять уровень сортового семеноводства и улучшить их сортовой фон, производя семена и реализуя в личный сектор экономики;

– по возможности увеличивать уровень их механизированной уборки, как это имеет место в развитых странах, и переходить на промышленное производство, внедряя прогрессивные технологии и уменьшая потери при уборке урожая и его хранении и транспортировке;

– развить промышленную переработку картофеля и овощей.

Наиболее сильное влияние на рост урожайности оказывают повышение удельного веса сортовых посевов картофеля и овощей и увеличение внесения под посевы этих культур органических и минеральных удобрений. Переход к посевам сортовыми семенами требует от хозяйств существенных затрат на приобретение элитного материала, а также на создание определенного агрофона для его размещения. Однако, из-за сложного финансового положения хозяйства значительно сокращают покупку высококачественного элитного материала для сортообновления. Между тем расходы, связанные с приобретением элитного материала, многократно окупаются повышением урожайности и снижением себестоимости. Анализ показывает, что затраты, связанные с сортообновлением, окупаются в первые 2-3 года репродукции [5].

Требуется совершенствовать систему заготовок и закупок излишков в индивидуальном секторе и находить каналы дальнейшей реализации. Все это может привести к стабилизации цен на определенном уровне, что обеспечит производителям как минимум условия для простого воспроизводства [7]. Целенаправленная работа с индивидуальным сектором в конечном счете позволит повысить эффективность картофелеовощной отрасли в целом.

Развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, а также межмуниципального и межрегионального сотрудничества позволяет преодолевать противоречия между возникающими производственными потребностями сельскохозяйственных предприятий и ограниченными возможностями их удовлетворения силами отдельных хозяйств [10, 11, 12]. Невостребованность выращенного картофеля и овощей, а также значительный рынок сбыта продуктов их переработки как внутри, так и за пределами республики, показывает на перспективу развития картофелеовощной индустрии.

Стабильный спрос населения республики, например, на чипсы (жареный хрустящий картофель) объясняется высокими потребительскими качествами этого продукта. В качестве примера переработки картофеля на чипсы можно привести деятельность цеха по производству картофельных чипсов сельскохозяйственного производственного кооператива «Сюнь» Илишевского района РБ [5].

Рентабельность всей картофелеовощной отрасли в РБ в 2019-2021 годах составил, по нашим расчетам, около 7-10%. При этом имеется потенциал достижения не менее 30-40% рентабельности ее функционирования в регионе.

Создание перерабатывающей базы с использованием потенциала межрегионального сотрудничества позволит снизить потери продукции при хранении и транспортировке, даст возможность перевозить продукцию на значительные расстояния. Продукция переработки картофеля и овощей позволяет несколько иначе оценить их значение в формировании стратегических запасов и в обеспечении продовольственной безопасности регионов и страны в целом.

Список использованной литературы:

1. Ахметов В.Я., Садыков Р.М. Модификация трудового капитала и кадрового обеспечения сельских территорий условиях цифровизации экономики // АПК: экономика, управление. – 2022. – № 6. – С. 98-106.
2. Гатауллин Р.Ф., Галикеев Р.Н. Кооперация как фактор инновационного и устойчивого развития села // Аграрная наука на Севере – сельскому хозяйству [Электронный ресурс]: сборник материалов

IV Всероссийской научно-практической конференции / [под ред. А.А. Юдина]. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2022. – С. 18-24.

3. Аслаева С.Ш., Атаева А.Г. Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований // Аудит и финансовый анализ. – 2022. – №1. – С.35-40.

4. Сафиуллин Р.Г. Инновационно-инвестиционная составляющая трансформации региональных систем России в условиях экономических санкций: полимасштабный подход // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2022. – № 3. – С.15-27.

5. Галикеев Р.Н. Эффективность функционирования картофелепродуктового подкомплекса (на материалах Республики Башкортостан): диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.05 / Башкирский государственный аграрный университет. – Уфа, 1998. – 152 с.

6. Гатауллин Р.Ф., Чувашаева Э.Р. Межрегиональная кооперация в развитии промышленности региона в условиях экономических санкций // Вестник университета. – 2022. – №8. – С. 60-67.

7. Галикеев Р.Н. Инвестиционно-инновационная стратегия как фактор повышения конкурентоспособности АПК региона // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – № 1. – С. 25-29.

8. Сельское хозяйство в Республике Башкортостан. Статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – Уфа: Башкортостанстат, 2021. – 182 с.

9. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. / Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – 711 с.

10. Галикеев Р.Н. Развитие межмуниципального и межрегионального сотрудничества в формировании аграрных кластеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 7 (часть 1). – С. 46-51.

11. Приоритетные направления кластеризации агробизнеса в юго- и северо-восточных районах Республики Башкортостан / И.А. Тажитдинов, Д.А. Гайнанов, В.Я. Ахметов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 9 (103). – С. 16.

12. Нивелирование пространственной поляризации социально-экономического развития разноуровневых территориальных: монография / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина – Уфа, ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. – 206 с.

УДК 338.1

Р.Ф. ГАТАУЛЛИН, Э.Р. ЧУВАШАЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,
Россия, e-mail: elvirachuv@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РЕГИОНЕ

INTERACTION OF THE CENTER AND PERIPHERAL TERRITORIES IN THE REGION

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к исследованию взаимодействия центра и периферийных территорий региона. Выделены аспекты, характеризующие периферийные территории региона, раскрыто их содержание. Решение данного вопроса поможет лучше понять, какое влияние оказывает удаленность муниципального образования от центра. Учитывая специфику периферийных территорий и особенностей их управления предложены основные направления развития.

Abstract. The article discusses the main approaches to the study of the interaction of the center and peripheral territories of the region. The aspects characterizing the peripheral territories of the region are highlighted, their content is disclosed. Solving this issue will help to better understand the impact of the remoteness of the municipality from the center. Taking into account the specifics of peripheral territories and the peculiarities of their management, the main directions of development are proposed.

Ключевые слова: регион, периферийные территории, ядро, индустриальные центры, региональная политика

Keywords: region, peripheral territories, core, industrial centers, regional policy.

Анализ отношений «центр-периферия» региона является актуальной. Исследование центральных и периферийных территорий в экономическом пространстве регионов ставит вопрос об уточнении их сущностно-специфической природы, что обуславливается, с одной стороны, необходимостью расширения и уточнения существующих взглядов, позиций и подходов к исследованию элементов экономического пространства, являющихся вторичными по отношению к центру, а с другой – внесения ясности в терминологический и понятийно-модельный аппарат научного базиса исследования экономического пространства, рассматриваемого ведущими научными коллективами как комбинации «территории как физического базиса для размещения производительных сил

и созданной социально-экономической среды, в которой происходит общественно значимое взаимодействие хозяйствующих субъектов» [1]. Слово «периферия» произошло от греческого peripheria, что означает «окружность, окраина округлой плоскости, или вообще все части, или полоса, более удаленные от середины» [2].

В различных течениях экономической мысли определение «периферийные территории» трактовалось по-разному (табл. 1).

Таблица 1

Систематизация дефиниций категории «периферийные территории» [3]

Подходы	Авторы	Определение
Марксизм и неомарксизм	П. Баран, А.Г. Франк, С. Амин и др.	Характерно преобладание «аграрного и торгового капитализма в национальной экономике; создание местной буржуазии в результате доминирования иностранного капитала; тенденция к особой бюрократической форме развития», искаженная экономическая структура [3].
Модернизм	П.Розенштейн-Родан, Х. Лейбенштейн, Х. Зингер, Р. Нурк	Характеризуется как традиционная, экономически неразвитая, демократически неустойчивая, управляемая институтами, которые сопротивляются развитию и т.д. Однако со временем может стать центром.
Структурализм	Г. Мюрдаль, С. Фуртадо, Р. Пребиш, А. Хиршман и др.	Является источником сырьевых ресурсов и основным потребителем продукции центра, также имеет свою специфику. Имеет признаки развивающихся стран. [3].
Институционализм	Т. Веблен, Дж. Р. Коммонс, У. Митчелл	Акцент на институтах и их роли в процессе развития, так как «развитие институтов есть развитие общества» [3].

Периферийные территории также рассматривались учеными и на региональном уровне в теориях регионального развития (табл. 2).

Неравномерность социально-экономического развития регионов – одно из доминирующих направлений в исследованиях региональной политики. Наличие устойчивых контрастов между регионами как раз обуславливает возникновение системы «центр – периферия» [3].

Систематизация дефиниций категории «периферийные территории» на региональном уровне [3]

Авторы	Определение
И.Г. фон Тюнен	«Изолированное государство с единственным центральным городом – потребителем сельскохозяйственной продукции. Его интересует, какие формы примет сельское хозяйство и как оно разместится относительно города-центра». Все, что находится за пределами центрального города, рассматривается как периферия
В. Кристаллер	«Под центральным местом понимается крупный город, центр для всех других населенных пунктов данного района, обеспечивающих их главными товарами и услугами. У любого центра всегда находится зависящее от него одинаковое количество поселений, занимающих более низкую иерархическую ступень»
Д. Норт, Ч. Тайбут	Развитие осуществляется за счет устойчивого внешнего спроса на товары и услуги, произведенные на территории. Внешний спрос стимулирует развитие экономики региона, представленной сочетанием базового, или экспортного, и небазового, или неэкспортного, секторов экономики. «Главной характеристикой периферии является ее неуспешность в экспорте, что означает низкий внешний спрос на экспортируемые ею товары. Периферия имеет недостаточные инфраструктурные мощности, недостаточно развитую транспортную инфраструктуру» [3]
Ф. Перру	Те центры и ареалы экономического пространства, где размещаются предприятия лидирующих отраслей, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечивают наиболее эффективное их использование» [3]
Дж. Фридман, Т. Хаггерстандт	Периферия представляет собой «совокупность отдаленных и слабо развитых территорий с замедленной модернизацией» [3]

Центры региональной системы характеризуются относительно высокими значениями показателей доходов, ВРП, различных видов инвестиций, уровней технологий производства товаров, разнообразия товаров и объема оказываемых услуг и других социально-экономических признаков [4]. Ядра являются точками роста для остальной территории региона.

Под понятием «центр (ядро)» понимается место, где генерируются основные движущие силы социального, экономического и политического развития [3]. Мы согласны с данным мнением.

Периферия отличается низкими значениями показателей, указанных выше, но более высокими показателями – естественного прироста, производством сырья.

Мы считаем, что периферийные территории – это территории, которые удалены от центра на большом расстоянии и не имеют связи с внешним миром (федеральных, республиканских трасс, железнодорожных путей). Возникшие диспропорции являются результатом комплексного воздействия группы факторов внешнего и внутреннего порядка. Периферийные территории являются источником сырья.

Мы выделили периферийные территории, индустриальные центры и «ядра» в Республике Башкортостан (рис.).

Рис. Индустриальные центры, ядра и периферийные территории Республики Башкортостан

Главными элементами региональных систем и подсистем населенных пунктов выступают их центры (ядра), которые соподчинены между собой. В республике это – города Уфа, Стерлитамак и Салават. Они были выделены в наших предыдущих исследованиях [5].

Индустриальные центры республики – это города: Туймазы, Октябрьский, Нефтекамск.

Проблемы, возникающие в периферийных районах: низкий уровень доходов населения; уезжает молодое, работоспособное население;

недостаточное развитие инфраструктуры; нехватка средств и инвестиций на развитие.

Для выведения данной территории из периферийной, необходимо улучшить конкурентную среду, а для этого необходимо провести выравнивание темпов роста.

Как мы считаем, взаимосвязь структуры системы «центр-периферия» в управлении республикой позволит улучшить взаимодействия между центрами, спланировать развитие новых производств, направление инвестиций и оптимизировать программы развития городов и районов республики. На наш взгляд, формирование комплексной инновационной политики в регионах и создание конкретных механизмов ее реализации позволит создать условия не только для ускоренного развития, но и для сокращения разрыва между «центром» и «периферией».

Список использованной литературы:

1. Казаков М.Ю. Пространственная поляризация периферийных территорий Ставропольского края по уровню социально-экономического развития // Вопросы региональной экономики. – 2018. – №4 (37). – С. 32-37.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рипол Классик, 2006. – 752 с.

3. Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И. Городские периферийные территории региона: понятие, сущность // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. – 2015. – № 4. – С. 86-92.

4. Панасюк М.В., Руденко А.В. Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) // Известия РАН Серия географическая. – 2008. – №1. – С. 60-72.

5. Нивелирование пространственной поляризации социально-экономического развития разноуровневых территориальных систем: Коллективная монография / Р.Ф. Гатауллин, А.Г. Каримов, С.Ш. Аслаева и др. / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Р. Ф. Гатауллина. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2019. – 206 с.

УДК 332.14

Д.В. ГУРЬЯНОВ, А.Р. ТАЙМАСОВ

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия,

e-mail: dmit.gurianoff@yandex.ru, taimasdocent@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ КАК КЛЮЧЕВАЯ ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИИ РЕГИОНА

DIGITAL CURRENCIES AS A KEY FINANCIAL COMPONENT OF THE SHADOW ECONOMY OF THE REGION

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления и оценки такого устоявшегося экономического явления, как «теневая экономика региона» исходя из новых факторов ее расширения. Оценка масштабов теневой экономики проводится на основе влияния нового финансового инструмента – цифровые валюты.

Abstract. The article attempts to comprehend and evaluate the established economic phenomenon as the "shadow economy of the region" based on new factors of its expansion. The assessment of the scale of the shadow economy is based on the impact of such a new financial instrument as digital currencies.

Ключевые слова: теневая экономика, цифровая экономика, блокчейн, цифровые валюты, транзакции.

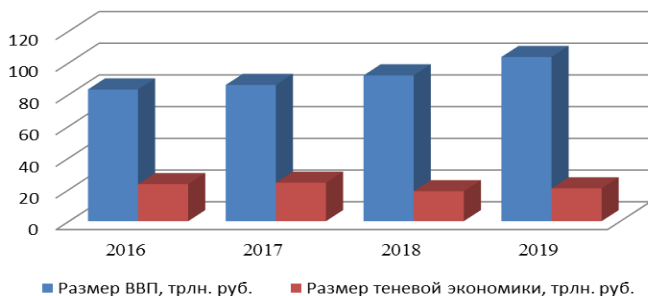
Keywords: shadow economy, digital economy, blockchain, digital currencies, transactions.

Теневые экономические отношения, противоречащие установленным законам и правовым нормам, присущи практически всем экономическим системам общества. Не является исключением и региональная система государства – в настоящее время для всех регионов Российской Федерации особо актуальна проблема развития теневой экономики.

На долю теневой экономики России приходится порядка 22% всего валового внутреннего продукта страны, что в абсолютном выражении составляет около 20 трлн рублей [9]. Бесспорно, в современных условиях явление переросло в одно из ключевых проблем всех регионов страны.

Уточним основополагающие экономические и правовые характеристики экономики в целом. Большинство исследователей под теневой экономикой зачастую понимается некая сформировавшаяся система социально-экономических отношений, субъекты которой ведут свою деятельность на нелегальной основе, умышленно скрывая все свои финансовые операции, тем самым, уклоняясь от налоговых и иных обязательных платежей в федеральный, региональный и местный бюджеты страны. Данные взаимоотношения субъектов в основном носят криминальный характер и впоследствии могут быть административно или уголовно наказуемы. Вся производимая продукция, а также участники (специалисты),

осуществляющие свою деятельность в теневом секторе экономики, никоим образом не защищены на законодательном уровне. При этом все процессы, протекающие в данном секторе, осуществляются по стандартным рыночным отношениям, где нет ни государственного, ни монопольного регулирования.

Рис. 1. Динамика теневого сектора экономики и ВВП России в 2015–2018 годах*

Источник: составлено автором по [9].

Экспертами выделяются всего несколько основных форм деятельности в рамках теневой экономики страны:

- незаконная, преступная деятельность, носящая криминальный характер;
- разрешенная на законодательном уровне, но по определенным причинам незарегистрированная;
- скрытая, но разрешенная и зарегистрированная в соответствии с законодательством.

Признавая долгую параллельную историю «теневой» экономики наряду с «официальной», можно выделить множество причин, привязанных к хронологии и разнообразию экономических систем различных этапов развития национальных экономик. Однако природа причин современного этапа развития теневой экономики кардинально отличается от предыдущих этапов развития экономики. Одной из ключевых причин развития теневой экономики в современном мире является активное развитие цифровых технологий, а именно, цифровых валютных систем. Особого внимания заслуживают блокчейн-технологии, которые в последние годы привели к революционному скачку и зарождению новых производственных отношений. Именно на их основе по всему миру развиваются многие стартап проекты.

Зарождение и постепенное развитие блокчейн-технологий уходит глубоко в 2000-е годы, когда в конце 2008 года на мировом финансовом рынке появилась всем известная криптовалюта под названием «биткоин». Ее появление связывают с опубликованием в интернет-сети статьи под

названием «биткойн: цифровая пиринговая система платежей», автором которой являлся некий программист по имени Сатоси Накамото, чью личность до сих пор не удалось раскрыть [8, с. 1].

Блокчейн представляет собой цепочку последовательных блоков, распределенную базу данных, устройства хранения которой не являются подключенными к одному единственному серверу. Это многоуровневая и функционально инновационная технология, роль которой заключается в надежном учете различных активов. Данная база данных хранит в себе упорядоченный список записей, называемых блоками, которые постоянно растут в своем объеме по мере добавления более новых блоков с записанными данными последних транзакций. Каждый из блоков содержит в себе фиксированное время и ссылку на предыдущий блок. Данная технология хранит в себе записи обо всех когда-либо проводимых транзакциях по всему миру. Она является некоммутативной, так как время, когда была сделана запись в базе данных, неразрывно связано с самими данными [8, с. 2]. Мировой гигантский децентрализованный реестр учета, который не хранится на одном компьютере и его невозможно подправить.

Все данные в системе представлены в виде последовательности записей, которые в последующем могут быть дополнены. Все записи хранятся в блоках, которые, в свою очередь, представлены в виде односвязного списка. Каждый из участников системы представлен в виде узла, который хранит весь объем данных и связан с иными узлами. Каждый из узлов способен добавлять новые записи в конец списка и обмениваться между собой данными, сообщая о новых изменениях. Основными характеристиками технологии «блокчейн» являются следующие:

- прозрачность всех внесенных данных;
- децентрализация;
- криптографическо-математическая защита информации;
- отсутствие возможности изменения ранее внесенных в систему данных.

В период активного развития данной технологии и ее активного использования большим количеством участников международного рынка, органы государственной власти начали обращать на нее внимание и обсуждать вопрос возможности ее применения в реальном секторе экономики страны, при этом ставя под сомнение способы контроля над ней. В связи с этим во многих странах, в том числе и в России все финансовые операции с использованием данной технологии не были приняты и согласованы на законодательном уровне.

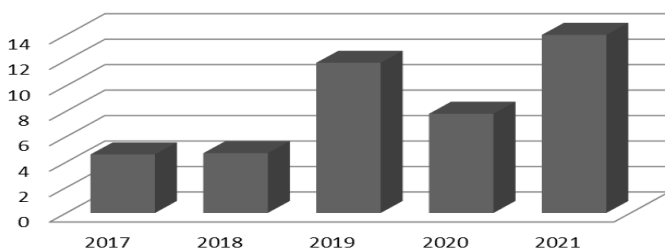
Банковские и иные финансовые структуры страны восприняли широкое распространение криптовалют как конкурирующее финансовое явление, при чем обоснованно отмечая, что характер такого явления в значительной степени скрытый, присущий теневой экономике.

Блокчейн – это достаточно новая уникальная система взаимодействия различных субъектов экономической системы, которая функционирует без участия государственных органов власти, центрального и коммерческих банков. Конечно, это существенно нарушает государственную монополию на власть, что обуславливает (влечет за собой) создание запретных мер, которые будут усиливаться с ростом значения цифровых валют на международном рынке.

На текущий момент всем известны операции по некому «отмыванию денежных средств». Данный процесс представляет собой сокрытие существования, нелегального происхождения и использования доходов, а также их дальнейшее маскирование в форму законного происхождения. В современном мире, в процессе «отмывания денежных средств», субъекты экономической деятельности особое внимание уделяют цифровым валютам.

Большинство финансовых операций, проводимых с использованием блокчейна, абсолютно не отслеживаются контролирующими (исполнительными) органами власти. Очевидно, что основным признаком блокчейн-сети является анонимность. Именно этот фактор позволяет проводить огромные денежные потоки по всему миру различными преступными сообществами. Проводимые транзакции на различных биржах через блокчейн-сеть возможно отследить при помощи специально разработанных приложений. Но на текущее время в Российской Федерации нет действующей законодательной базы, которая могла бы регулировать все проводимые подобного рода финансовые операции. Законодательно установлен запрет принимать любую цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передачу товаров, выполнение работ или оказание услуг.

По данным аналитической компании Chainalysis, которая предоставляет государственным учреждениям и правоохранительным органам инструменты отслеживания операций в блокчейне, а также помогает криптобиржам выявлять кошелки злоумышленников, в 2021 году использование криптовалют в противозаконной деятельности установило новые рекордные максимумы: ассоциируемые с незаконной активностью адреса получили транзакций на более чем 14 млрд долларов, по сравнению с 7,8 млрд долларов в 2020 году. Общая динамика роста стоимости входящих криптовалютных транзакций за 2017–2021 годы для адресов, связанных с незаконной деятельностью, а именно: финансирование терроризма, мошеннические операции, киберпреступления, даркнет-маркет, украденные средства, вредоносные программы ежегодно растет и составляет [9]:

Рис. 2. Общая сумма незаконных транзакций за 2017-2021 годы, млрд. рублей*

Источник: составлено автором по [9].

Использование криптовалют растет быстрее, чем когда бы то ни было. По всем криптовалютам, отслеживаемым Chainalysis, общий объем транзакций в 2021 году вырос до 15,8 трлн долларов – на 567% от показателя 2020 года. Учитывая настолько бурное принятие, неудивительно, что криптовалюты используют и все больше киберпреступников.

Многие субъекты малого и среднего бизнеса, а также физические лица используют популярные криптовалютные биржи по торговле цифровыми активами, а также криптообменники в качестве быстрых средств перевода любых денежных сумм, получателями которых могут быть лица из любой точки мира. Причем перевод цифровых активов занимает не более 10 минут и не отслеживается никакими налоговыми, правоохранительными и иными органами власти. А сам процесс конвертации фиатных денег в цифровые и обратно – значительно быстрее и проще привычного всеми банковского обмена валют, что делает данный метод еще привлекательнее.

Начальный этап применения криптовалютных инструментов был связан с расчетными операциями при продаже наркотических средств, после чего «успешный опыт» подтолкнул на это и другие сферы криминального бизнеса. Вследствие этого на данный момент сектор теневой экономики рассматривается как самодостаточная система с устоявшимися экономическими принципами, взглядами и главным элементом – собственными взаиморасчетными единицами в качестве криптовалютных инструментов.

По информации Центрального Банка Российской Федерации, только месячный оборот ряда крупных российских бизнесменов на криптовалютных биржах составил порядка 650 млрд рублей, что привлекло особое внимание правоохранительных органов [7]. Это лишь единичный случай нелегального оборота денежных средств, на который удалось выйти.

По причине постоянно эволюционирующих и развивающихся способов перевода и получения денежных средств, сокрытия фактически проведенных транзакций оценка реальных объемов теневой экономики регионов не поддается точной количественной оценке. Одной из возможных причин развития теневого сектора экономики, по мнению многих экспертов,

выступают чрезмерно завышенные налоговые ставки и иные платежи в государственные бюджетные и внебюджетные учреждения (фонды). Основными побуждающими факторами и выгодами субъектов теневой экономики является полное или частичное отсутствие налоговых платежей, различных денежных вложений на получение лицензий, разрешений и т.д.

Верховный суд Российской Федерации, следуя общемировой практике и рекомендациям международной группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF), признал криптовалюты одним из средств легализации денег, полученных преступным путем [1]. Операции по легализации денежных средств с использованием блокчейна и криптовалют, в соответствии с принятыми изменениями и статьей 174 УК РФ, теперь являются преступными и наказуемыми действиями.

Введение инструментов контроля криптовалют в финансовой сфере потребует особого комплексного подхода (от дополнительной проработки нормативно-правовой базы и снижения уровня регламентации экономики до создания благоприятного социального фона). Промедление губительно скажется на «здоровье» национальной и региональных экономик, т.к. уже сейчас применение субъектами теневой экономики криптовалют приобретает угрожающие масштабы.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71119624/> (дата обращения: 03.06.2022).

2. Гришин К.Е. Механизм трансформации социально-экономических процессов. Том 1. Многоуровневый подход: монография. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 186 с.

3. Рабцевич А.А. Проявления теневых взаимоотношений работника и работодателя в региональной экономике // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2020. – № 2. – С. 144-150.

4. Рабцевич А.А. Теневая занятость в Республике Башкортостан: внутриэкономический шок «Пенсионной реформы» // Доклады БашГУ. – 2020. – №1. – С.42-49.

5. Управление экономикой региона в условиях коронакризиса: учебное пособие / под. ред. К.Е. Гришина, Н.А. Кузьминых. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 180 с.

6. Юсупов К.Н. Воспроизводственный потенциал Российской Федерации (региональный уровень): учебное пособие. – М.: КноРус, 2020. – 360 с.

7. «Все боятся, все дома»: на рынках «Садовод» и «Москва» проходят обыски [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/408992> (дата обращения: 18.04.2019).

8. Nakamoto S. A Peer-to-Peer Electronic Cash System // Bitcoin. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>; Перевод статьи Сатоши Накамото. Биткоин: цифровая пиринговая наличность // Coinspot [01.06.2022]. URL: <http://coinspot.io/technology/bitcoin/perevod-stati-satoshi-nakamoto/> (дата обращения: 03.06.2022).

9. Chainalysis: отчет по крипто преступлениям 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/finance/251237-chainalysis-otchet-po-kripto-prestupleniyam-2021> (дата обращения: 03.06.2022).

УДК 35

Г.Р. ЗИННУРОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: gylmira@list.ru

ОТКРЫТОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

OPENNESS OF THE ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается открытость органов местного самоуправления, основные принципы, предлагается рассмотреть взаимодействие органов МСУ и населения на основе партисипативного и клиентоориентированного управления.

Abstract. The article deals with the openness of local government, the basic principles, it is proposed to consider the interaction of local government and the population on the basis of participatory and client-oriented management.

Ключевые слова: муниципальное управление, открытость органов местного самоуправления, клиентоориентированный подход, партисипативное управление.

Keywords: municipal management, openness of local government, client-oriented management, participatory management.

Органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) являются связующим звеном между населением и органами государственной власти.

Население является, с одной стороны, получателем муниципальных услуг, предоставляемых органами местного самоуправления на данной территории, с другой стороны – население непосредственно участвует в местном самоуправлении. Одним из основных условий эффективного взаимодействия органов власти и населения является открытость действий власти, основанная на взаимном доверии в обществе и эффективности проводимой политики.

В связи с этим важно говорить об открытости ОМСУ как необходимом условии взаимодействия. Открытость действий власти является одним из основных условий эффективного взаимодействия органов власти и населения. Говоря об открытости деятельности ОМСУ, необходимо отметить транспарентность. На сегодняшний день отсутствует единая модель развития транспарентных взаимоотношений на муниципальном уровне. Под транспарентностью деятельности ОМСУ понимается эффективное взаимодействие между ОМСУ и населением, бизнесом, хозяйствующими субъектами с целью эффективного управления территорией, а также эффективных управленческих решений.

Транспарентность деятельности ОМСУ как свойство коммуникативной среды взаимодействия ОМСУ и местного сообщества, характеризуется со стороны ОМСУ информационной открытостью, доступностью и достоверностью информации об управленческих процессах, инициативностью местной власти к развитию непосредственных форм взаимодействия, а со стороны местного сообщества – участием населения в местном самоуправлении, степенью удовлетворенности граждан деятельностью ОМСУ и качеством предоставления муниципальных услуг [2].

Существует ряд проблем в готовности населения и органов МСУ к информационной открытости, такие как:

1. Недоверие населения к электронным формам обращения. Особенно это касается сельских территорий, где менее развиты средства ИКТ, население в меньшей степени владеет навыками и знаниями по обращению с электронными сервисами.

2. Отсутствие специалистов в данной сфере, особенно в сельских территориях.

3. Недостаточная проработка сайтов муниципалитетов, нехватка должной информационной наполненности.

4. В сельских поселениях и муниципальных районах, в особенности, недоверие со стороны населения интернету в общении с властью.

Предлагается рассмотреть взаимодействие органов МСУ и населения на основе партисипативного и клиентоориентированного управления. Клиентоориентированное управление предполагает открытость и прозрачность административных процедур и всей деятельности ОМСУ, удовлетворение интересов и потребностей граждан, создание комфортных

условий для получения населением муниципальных услуг, а также внедрение и активное использование современных информационно-коммуникационных технологий. Партисипативное управление предполагает вовлеченность населения в процессы управления и принятия решений, социальное партнерство и совместную деятельность ОМСУ и населения, применение современных партисипативных технологий, добровольность участия.

Партисипативное управление представляет собой расширение прав и возможностей населения для участия в принятии решений, связанных с осуществлением местного самоуправления, предоставлением муниципальных услуг и т.д. Такое управление является альтернативой традиционному управлению, при котором население не принимает непосредственное участие в местном самоуправлении, а лишь является потребителем муниципальных услуг.

При партисипативном же подходе население является более вовлеченным, заинтересованным в развитии местных территорий, более ответственным. Стимулирует их принимать активное участие в развитии территории, где они проживают, быть более ответственными, вовлеченными, что, в свою очередь, влечет большую ответственность со стороны органов МСУ, так как население видит их работу, принимает в ней непосредственное участие и контролирует ее.

Предлагается рассматривать клиентоориентированность в муниципальном управлении, основываясь на следующих критериях: ключевая компетенция, целевые клиенты и равенство позиций, т.е. сотрудничество, соответствие результатов (качества) услуги ожиданиям потребителей. Каждый из этих критериев можно рассмотреть как с позиции клиента, так и исполнителя. При этом возникает равенство позиций, заключающееся в том, что население как потребители оценивают деятельность органов власти, а они, в свою очередь, осуществляют мониторинг потребностей и оценку эффективности деятельности.

В соответствии с данным подходом для установления партнерских отношений органы власти должны концентрироваться на ключевых вопросах, компетенциях и целевых группах потребителей в зависимости от сферы своей деятельности.

Поэтому необходимо сформулировать принципы, на которых основывается транспарентность деятельности ОМСУ:

1. С позиции клиентоориентированности:

- открытость органов местного самоуправления;
- понятность деятельности ОМСУ для населения;
- доступность информации;
- удовлетворенность населения качеством муниципальных услуг.

2. С позиции партисипативности:

- инициативность населения;

- вовлеченность населения в деятельность ОМСУ;
- подотчетность ОМСУ населению.

Повышение открытости органов местного самоуправления направлено на стимулирование наиболее активного участия населения в осуществлении местного самоуправления, что предполагает переход от традиционного управления к партисипативному.

Основными элементами транспарентности деятельности ОМСУ являются:

- открытость – получение информации о деятельности органа власти и участия граждан в процессе принятия решений;

- доступность – равный доступ к информации о деятельности ОМСУ и принимаемых решениях в доступной форме для всех субъектов гражданского общества;

- инициативность к взаимодействию ОМСУ с гражданским обществом определяет возможность участия субъектов гражданского общества и хозяйствующих субъектов в процессе принятия управленческих решений с учетом их мнений и интересов, создание системы эффективной обратной связи;

- достоверность – оперирование точной и полной информацией без искаженных и ложных данных;

- общественный контроль – наделение граждан правами на участие в осуществлении общественной проверки, анализа и оценки за деятельностью ОМСУ и принимаемыми ими решениями.

Технологию взаимодействия населения и органов местного самоуправления можно представить следующим образом (рис.):

1. Определение проблемы, требующей совместного решения.
2. Заинтересованность в совместной деятельности.
3. Определение участников с каждой стороны.
4. Установление «связующего элемента» между общественными объединениями и ОМСУ.
5. Определение и реализация проектов.

Такая технология предусматривает взаимодействие населения и органов МСУ на всех этапах, начиная от определения проблемы, заканчивая реализацией проектов [1].

Рис. Технология взаимодействия населения и органов местного самоуправления при партисипаторном управлении

Таким образом, модель прозрачности деятельности ОМСУ представляет собой процесс взаимодействия ОМСУ и населения на основе интеграции клиентоориентированного подхода, при котором муниципальные органы власти выступают в качестве поставщика услуг, и партисипаторного подхода к управлению, при котором население принимает активное участие в решении вопросов местного значения. Интеграция подходов позволяет не только обеспечить открытость местной власти и реализовать право населения на самоуправление, но и повысить удовлетворенность населения качеством муниципальных услуг.

Список использованной литературы:

1. Агеева А.Н. Партисипативные социальные технологии принятия муниципальных управленческих решений в зарубежных странах // *Juvenis Scientia.* – 2017. – № 8. – С. 38-41.
2. Тажитдинов И.А., Атаева А.Г., Шатунова А.И. Прозрачность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики // *Муниципалитет: экономика и управление.* – 2020. – № 3 (32). – С. 48-58.

УДК 330

Р.Р. ЗУЛКАРНЕЕВА

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия,

e-mail: ritkazulkarneeva@mail.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ МАСШТАБЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ЕГО ПРОГНОЗ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION ON A NATIONAL AND REGIONAL SCALE: DEVELOPMENT TRENDS AND ITS FORECAST IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Аннотация. В статье представлен анализ уровня жизни населения в целом по Российской Федерации и в Республике Башкортостан в частности; проведена сравнительная характеристика тенденций развития на изучаемых уровнях; осуществлен прогноз по двум моделям рассматриваемых индикаторов на ближайшее будущее.

Abstract. The article presents an analysis of the standard of living of the population as a whole in the Russian Federation and in the Republic of Bashkortostan in particular; a comparative characteristic of development trends at the studied levels is carried out; a forecast is made for two models of the considered indicators for the near future.

Ключевые слова: уровень жизни, социально-экономические индикаторы уровня жизни, Российская Федерация, Республика Башкортостан.

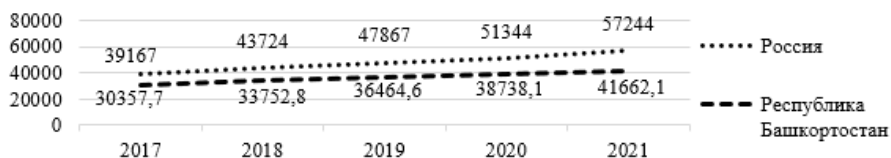
Keywords: standard of living, socio-economic indicators of standard of living, Russian Federation, Republic of Bashkortostan.

Уровень жизни населения отражает экономическое состояние государства, региона, являясь так называемым «зеркалом экономики». Для определения реального уровня жизни необходимо учесть множественное количество факторов, таких как потребности общества (их объем и структура), возможности удовлетворения этих потребностей (как покупательская способность потребителей, так и производственные возможности государства).

В Российской Федерации (РФ) для учета и оценки уровня жизни населения предложен перечень индикаторов, в число которых входят: среднемесячная номинальная начисленная заработная плата; среднедушевые денежные доходы населения в месяц; величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения) в месяц; численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (количество человек); численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума

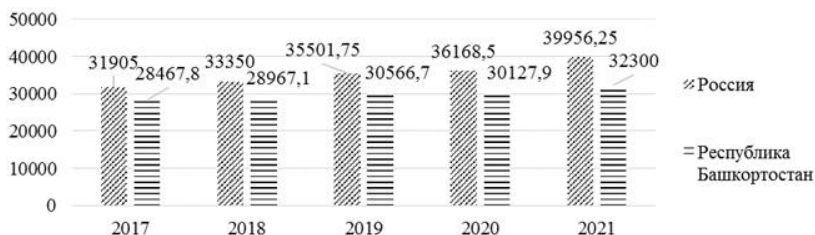
(в процентах); соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума; соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и т.д.

Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в России в период с 2017 по 2021 год выросла на 46,15%, в Республике Башкортостан (РБ) – на 37,3% и составила 41 662,1 рублей (рис. 1).

Рис. 1. Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в России и Республике Башкортостан

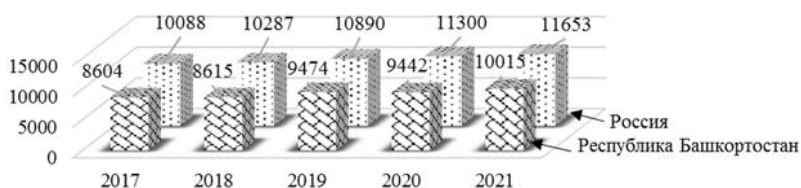
При этом среднедушевые денежные доходы населения в месяц в России в период с 2017 по 2021 год увеличились на 25,23%, а в РБ – на 13,26%. В денежном выражении на 2021 год их размер составил в России – 39 956,25 рублей, в РБ 32 300 рублей (рис. 2).

Рис. 2. Динамика среднедушевых денежных доходов населения в месяц в России и Республике Башкортостан

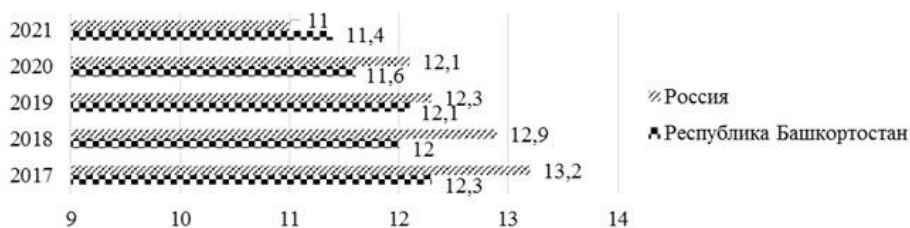
Величина прожиточного минимума в России за анализируемый период увеличилась на 15,5%, в РБ – на 16,4%. В 2021 году величина прожиточного минимума в России составила 11 653 рублей, а в РБ – 10 015 рублей (рис. 3).

Прожиточный минимум в России на душу населения с 1 июня 2022 года составляет 13 919 рублей, а в республике – 12 100 рублей.

Рис. 3. Динамика величины прожиточного минимума (в среднем на душу населения) в России и Республике Башкортостан

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума имеет тенденцию сокращения с каждым годом, исходя из данных государственной статистики (рис. 4).

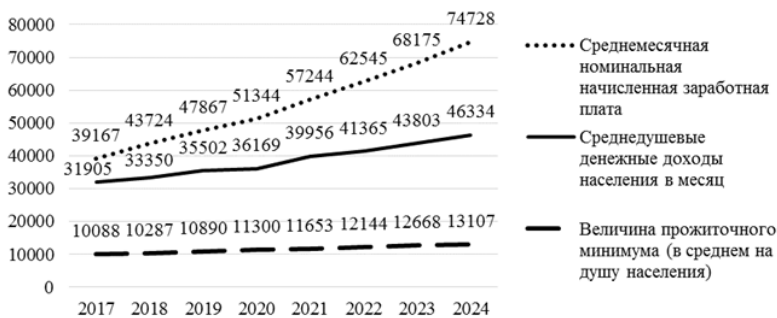
Рис. 4. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России и Республике Башкортостан

Исходя из рисунка 4, следует сделать вывод, что доходы жителей РБ относительно прожиточного минимума ниже среднероссийских. В 2021 году по России показатель фиксировался на уровне 11 %, а в республике снизился до 11,4 %, что свидетельствует о сокращении разрыва между регионом и страной в целом.

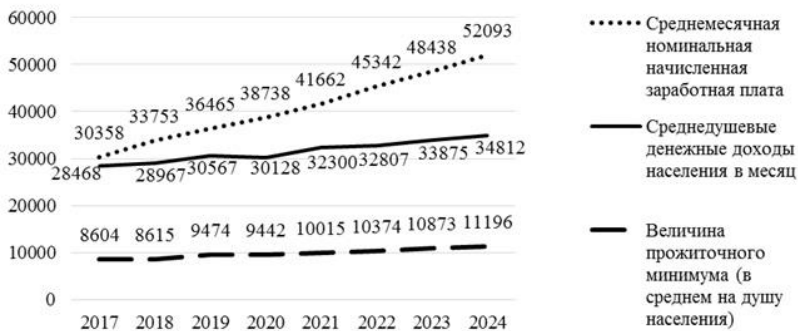
Основной задачей является сокращение уровня бедности и, как видно из рисунка 4, медленно идет снижение как по РФ, так и по РБ. Таким образом, можно сказать, что динамика роста среднедушевых доходов населения РБ и населения России находится примерно на одном уровне.

В условиях неопределенности сложно дать точный прогноз даже на ближайшее будущее (специалисты считают, что 6 месяцев – наиболее оптимальный срок для прогнозирования). В связи с многочисленными событиями, произошедшими весной 2022 года, доход населения упал, даже рост МРОТ не догоняет роста на потребительские цены, реальные доходы населения падают.

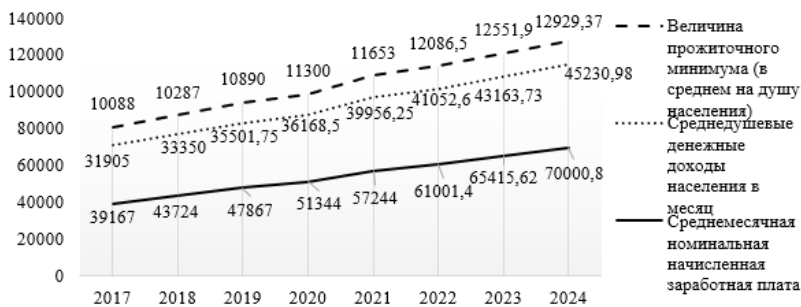
Поэтому представим два варианта развития событий на 2022–2024 годы: модель на основе линейной регрессии и экспоненциального роста. Прогнозирование осуществляется методом экстраполяции на основе имеющихся данных 2017–2021 годов (рис. 5, 6, 7, 8).

Рис. 5. Прогнозируемые значения социально-экономических индикаторов уровня жизни населения России (на основе линейной регрессии)

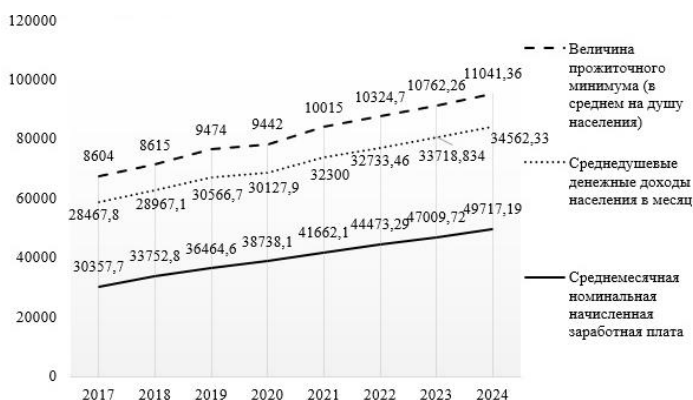

Рис. 6. Прогнозируемые значения социально-экономических индикаторов уровня жизни населения Республики Башкортостан (на основе линейной регрессии)

Рис. 7. Прогнозируемые значения социально-экономических индикаторов уровня жизни населения России (на основе экспоненциального роста)

В условиях пандемии COVID-19 наблюдалось ухудшение экономического состояния как в регионах по отдельности, так и в целом по стране: происходит сокращение рабочих мест, снижение заработных плат, повышаются цены на некоторые товары и услуги. Основной удар пришелся на малый бизнес страны. Санкции, ускоренный уровень инфляции, внеплановые индексации МРОТ, пенсий невозможно предсказать. Таким образом, по данному прогнозу на основе экспоненциального роста в 2022 году в РФ величина среднемесячной номинальной начисленной заработной платы может вырасти на 6,5% по сравнению с 2021 годом. Размер среднедушевых денежных доходов и прожиточный минимум в 2022 году также повышается на незначительный процент. На региональном уровне складывается примерно такая же картина (рис. 8).

Рис. 8. Прогнозируемые значения социально-экономических индикаторов уровня жизни населения Республики Башкортостан (на основе экспоненциального роста)

В заключение следует отметить, что в широком смысле уровень жизни означает способность населения удовлетворять возникающие потребности. Повышение уровня жизни населения, как в государственном, так и в региональном масштабе является основополагающей задачей руководителей. В настоящее время в условиях западных санкций, снижения закупок энергоносителей Европой и США, повышенной волатильностью курсов валют и полной дестабилизации логистических схем тяжело выстраивать отношения товаропроизводственного цикла. В это время еще можно будет увидеть нестабильность цен, дефицита определенных товаров и услуг. Даже в условиях роста МРОТ, пенсий и заработных плат произойдет снижение уровня жизни из-за растущих цен на базовые потребности.

Список использованной литературы:

1. Гришин К.Е. Механизм трансформации социально-экономических процессов. Том 1. Многоуровневый подход: монография. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 186 с.
2. Гришин К.Е. Управление экономикой региона в условиях коронакризиса: учебное пособие. – Уфа: БашГУ, 2021. – 180 с.
3. Зулкарнай И.У. Нефтехимическая зависимость Республики Башкортостан: Pro et contra диверсификации экономики: монография. – Уфа: Принт+, 2021. – 166 с.
4. Лысенко Д.В., Рабцевич А.А. Межрегиональная миграция абитуриентов как системная проблема регионов Российской Федерации (на примере Республики Башкортостан) // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2021. – № 3. – с. 114-123.
5. Рабцевич А.А. Концептуальная модель развития региона с преобладанием нефтегазохимических производств: диверсификация и специализация // Искусственные общества. – 2020. – № 3. – С. 12.
6. Рабцевич А.А. Эффективность труда как фактор специализации и диверсификации экономики региона (на примере республик Башкортостан и Татарстан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2019. – № 3. – С. 37-45.
7. Спиридонов С. П. Уровень жизни населения как основополагающий аспект качества жизни // Актуальные вопросы экономических наук: материалы I Международной научной конференции. – Уфа: Лето, 2011. – С. 5-7.
8. Воспроизводственный потенциал Российской Федерации (региональный уровень): учебное пособие / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров, К.Е. Гришин и др. – М.: КноРус, 2020. – 360 с.
9. Официальный сайт «ЕМИСС. Государственная статистика» [Электронный ресурс]. – 2022. Режим доступа: [//fedstat.ru/](http://fedstat.ru/) (дата обращения: 20.06.2022г.).
10. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//bashstat.gks.ru/](http://bashstat.gks.ru/) (дата обращения: 20.06.2022г.).
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – 2022. Режим доступа: [//rosstat.gov.ru/](http://rosstat.gov.ru/) (дата обращения: 20.06.2022г.).

СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

THE STATE AND PRIORITY DIRECTIONS OF RURAL DEVELOPMENT IN THE NORTHERN REGION

Аннотация. Выявлены социально-экономические проблемы сельских территорий Республики Коми. Предложены основные направления совершенствования государственной политики сельского развития, связанные с расширением несельскохозяйственных видов деятельности, устойчивым ростом сельской экономики, усилением роли государства в модернизации инфраструктуры села, со стратегическим управлением, с усилением роли местного самоуправления.

Abstract. Socio-economic problems of rural territories of the Komi Republic are revealed. The main directions of improving the state policy of rural development are proposed, related to the expansion of non-agricultural activities, sustainable growth of the rural economy, strengthening the role of the state in the modernization of rural infrastructure, with strategic management, with the strengthening of the role of local self-government.

Ключевые слова: сельские территории, проблемы развития, направления развития, Республика Коми.

Keywords: rural territories, development problems, development directions, Komi Republic.

Рыночная трансформация обострила исторически существовавшие проблемы северного села. На сельских территориях Республики Коми наблюдается неполная реализация природного и трудового потенциала. Результаты Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов показали, что за десятилетие в хозяйствах всех категорий произошло сокращение общей земельной площади на 32%, в том числе сельхозугодий – в 2,2 раза, соответственно, в сельхозорганизациях – на 33% и в 3 раза.

Усиливается процесс обезлюдения сельских территорий. За годы рыночных реформ в республике численность сельского населения за счет оттока и естественной убыли сократилась на 127 тыс. человек, или на 42%. Коэффициент смертности сельского населения – выше городского в 1,5 раза. Средняя плотность за 1990-2020 годы уменьшилась с 1,3 до 0,8 человек. Количество населенных пунктов без населения увеличилось в 4,5 раза.

Увеличивается количество заброшенных земельных участков

(пустующих домов) в сельской местности. Результаты сельхозпереписи 2016 г. показали, что доля личных подсобных хозяйств с заброшенными земельными участками (пустующими домами) в сельских поселениях составляла 20%, садоводов, дачников и огородников – 28%. На селе идет процесс старения населения. Доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 28,8% в 1991 году до 21,6% в 2021 году, в трудоспособном возрасте соответственно – с 56,1 и 50,7, а доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась – с 15,1 до 27,8%. Ухудшение демографической ситуации на селе приведет к сокращению численности трудового и потенциала, его старению и в перспективе станет фактором, ограничивающим развитие сельской экономики.

Для сельской местности Коми характерна неразвитость транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. В период рыночной трансформации на селе практически прекратилось строительство дорог. Сейчас большая часть автомобильных дорог приходится на грунтовые, состояние которых остается неудовлетворительным. Внутрихозяйственные дороги с твердым покрытием составляют 37%. Лишь два из шести периферийных сельских районов (Койгородский и Усть-Куломский) имеют транспортную связь с г. Сыктывкар по дорогам с твердым покрытием. Низкая обеспеченность сельских дорог с твердым покрытием не позволяет сельскому населению своевременно получить услуги образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания. Многие малолюдные деревни характеризуются недоступностью или малоустойчивой автодорожной доступностью. 84% сельского населения проживает в негазифицированных населенных пунктах, 10% населенных пунктов получают электроэнергию от автономных электростанций.

Большинство жителей сельских населенных пунктов лишены элементарных коммунальных удобств. Благоустройство жилищного фонда на селе существенно отстает от города. Жилищный фонд села обеспечен водопроводом в 3,6 раза, канализацией – 5,4, центральным отоплением и газом – 2,4, горячим водоснабжением – 9,8, ваннами – 7,9, напольными электроплитами – в 3,5 раза меньше, чем в городе. Уровень комфортности жилищно-коммунальных условий в районах с полностью сельским населением в 1,3 раза ниже по сравнению со средним значением по Коми [1].

На селе особенно остро стоят вопросы развития образования, здравоохранения и культуры. В результате политики оптимизации социальной инфраструктуры прекратилось строительство больниц, значительно уменьшился ввод школ, дошкольных учреждений, объектов учреждений культуры клубного типа. В результате в 2020 году по сравнению с 1990 годом количество дошкольных учреждений сократилось в 2,7 раза, общеобразовательных школ – в 2,3 раза, учреждений культурно-досугового типа – в 1,5, общедоступных библиотек – в 1,3 раза.

В сельской местности неразвита система информационно-

консультационного обслуживания. В настоящее время информационно-консультационный отдел функционирует на региональном уровне в составе Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка. Отсутствие консультирования в сельских районах сдерживает доступ малых форм хозяйствования и сельских жителей, особенно в отдаленных местах, к информации и консультационным услугам. Создание межмуниципальных центров консультирования позволит увеличить охват малых и средних организаций и сельского населения информационно-консультационным обслуживанием, распространять инновации, повышать уровень координации и интеграции службы с наукой и образованием.

Малые формы хозяйствования, преобладающие в сельской экономике, испытывают трудности доступа к рынкам реализации продукции, финансовым ресурсам. Согласно сельхозпереписи 2016 года, немногим более половины фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей получают бюджетную поддержку. Лишь 19% малым аграрным предприятиям и 9% крестьянско-фермерским хозяйствам доступны кредиты.

Решение перечисленных проблем связано с совершенствованием государственной политики сельского развития. Политика устойчивого развития северных сельских территорий должна сводиться к следующему: диверсификация сельской экономики в рамках сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности с целью повышения уровня занятости и доходов сельского населения; активизация инновационной деятельности в сельском предпринимательстве; максимальное использование их ресурсного потенциала; строительство сельских дорог, образовательных, медицинских и культурно-спортивных объектов; развитие инженерной инфраструктуры; профессиональная подготовка и переподготовка кадров; оказание приоритетной государственной поддержки сельским территориям с высоким уровнем бедности, естественной и миграционной убылью населения; учет интересов коренных этносов; выполнение селом многочисленных народнохозяйственных функций; согласованность федеральных, региональных и муниципальных органов власти в достижении стратегических целей.

Развитие несельскохозяйственных видов деятельности может происходить по следующим направлениям: организация местной промышленности; интеграция сельского и лесного хозяйства; заготовка и переработка дикорастущих грибов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья; развитие промыслов и ремесел; сельский туризм; торговое, бытовое, социально-культурное обслуживание сельского населения; уход за ландшафтом; охрана окружающей среды.

В комплексном развитии сельских территорий, важное значение принадлежит сельской экономике. Устойчивый рост их отраслей дает дополнительные возможности сельскому развитию. Сейчас в экономике

сельских районов Республики Коми преобладают отрасли аграрного и лесного хозяйства. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что аграрная сфера не является доминирующей в сельской экономике и продолжает сокращаться и расти в несельскохозяйственных отраслях. Заслуживает опыт развития сельской экономики в Китае: за годы реформ ее темпы роста были выше городской. Численность занятых на предприятиях в сельских районах увеличилась с 38,5 млн человек в 1984 году до 170 млн человек в 2006 году [2].

Особое внимание в устойчивом сельском развитии должно быть уделено стратегическому управлению. Именно оно позволит выбрать приоритетные направления развития сельской экономики и сельской инфраструктуры, способствующие устойчивому и сбалансированному территориальному развитию, максимальному использованию природного и трудового потенциала, сокращению существенных различий в социально-экономическом развитии муниципальных образований, повышению уровня и качества жизни сельского населения, выполнение селом многочисленных народнохозяйственных функций, обеспечение продовольственной независимости страны.

В основе подхода к формированию стратегического управления должны лежать следующие положения: правовое и организационное обеспечение стратегий; определение финансовых источников и порядка их эффективного использования; организация сотрудничества между государственными структурами и местным самоуправлением в разработке и реализации муниципальных стратегий и программ; участие хозяйствующих субъектов сельской экономики, граждан, общественных организаций, экспертов и научного сообщества в разработке и мониторинге стратегий.

При разработке стратегий и программ важно учитывать природные, экономические, демографические и социальные особенности сельских муниципалитетов. Эти документы должны быть адаптированы к периферийным и пригородным районам.

Социальное развитие села, рост предпринимательства на территории сельских поселений потребует большого объема полномочий местного самоуправления. Увеличение функций сельских муниципалитетов может происходить за счет:

- закрепления за ними обязательной разработки стратегий, программ и стратегических планов развития территорий сельских поселений;
- создания муниципальных фондов сельского развития, сберкасс и других финансовых организаций;
- закрепления за сельскими муниципалитетами земельных участков (сельхозугодий, лесов), находящихся в государственной собственности на их территории;
- наделения муниципалитетов правом пользования общераспространенными полезными ископаемыми на землях, расположенных на

территории сельских муниципалитетов;
– расширения налоговой базы сельским муниципалитетам.

Список использованной литературы:

1. Фомина В.Ф., Фомин А.В. Оценка комфортности жилищно-коммунальных условий в сельских районах Республики Коми // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2019. – № 2. – С. 88-105.
2. Медведев Р.А. Развитие промышленности в сельских районах Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/265882> (дата обращения: 20.06.2022).

УДК 332.021

А.М. ЛАТЫПОВ

Уфимский государственный авиационный технический университет,
г. Уфа, Россия, e-mail: tallem@rambler.ru

МЕТОД «SHIFT-SHARE ANALYSIS», КАК СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

METHOD «SHIFT-SHARE ANALYSIS», AS A MODERN METHOD OF ASSESSING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF REGIONAL MANAGEMENT

Аннотация. В данной статье проведена оценка соответствия метода «shift-share analysis» требованиям, предъявляемым к современной методике оценки экономической эффективности реализации экономической политики и возможности разработки на основе данного метода управленческих мер по повышению эффективности регионального управления.

Abstract. This article assessed the compliance of the «shift-share analysis» method with the requirements for a modern methodology for assessing the economic efficiency of economic policy implementation and the possibility of developing management measures based on this method to improve the efficiency of regional management.

Ключевые слова: эффективность, региональная экономика, метод «shift-share analysis», общенациональный эффект, отраслевой эффект, региональный эффект.

Keywords: efficiency, regional economy, shift-share analysis, national effect, industry effect, regional effect.

В работах [1–3] проанализированы методы оценки социально-экономической эффективности региональной экономики, а также на основе

данного анализа приведены критерии, которым должна удовлетворять современная методика качественной оценки развития региона.

В работе [4] подробно разобран метод «shift-share analysis», а также приведены результаты исследования оценки экономической эффективности регионального развития 80-ти регионов-субъектов Российской Федерации, что подтверждает применимость данного метода на практике.

Учитывая, что в рамках одной статьи невозможен полный анализ метода «shift-share analysis», поэтому будут рассмотрены только основные критерии, которым, по мнению автора, в первую очередь должна соответствовать современная методика оценки экономической эффективности:

- комплексность (возможность оценки всех сфер жизнедеятельности региона: социальная, финансовая, демографическая, производственная и т.д.);

- использование имеющейся статистической базы (возможность использования текущей статистической информации, без изменения способов обработки информации);

- прямая оценка эффективности региональной экономики, а не косвенных показателей;

- сравнимость различных показателей (возможность приведения показателей к общему знаменателю);

- однозначность и объективность выводов о повышении или снижении эффективности развития региональной экономики;

- возможность сравнительного анализа между регионами при интерпретации выводов (результатов) и выявлении конкурентных преимуществ;

- возможность выявления резервов повышения эффективности региональной экономической политики при интерпретации полученных данных.

В формальном виде модель имеет следующий вид [4]:

$$\Delta R_i = R_{i,t} - R_{i,t-1} = NS_i + IM_i + RS_i$$

где ΔR_i – изменение показателя в абсолютном выражении на региональном уровне по i -му виду экономической деятельности;

$R_{i,t}$ – абсолютное значение показателя на уровне региона по i -му виду экономической деятельности в периоде t ;

$R_{i,t-1}$ – абсолютное значение показателя на уровне региона по i -му виду экономической деятельности в периоде $t-1$;

NS_i – общенациональный эффект в абсолютном выражении в изменении показателя по i -му виду экономической деятельности;

IM_i – отраслевой эффект в абсолютном выражении в изменении показателя по i -му виду экономической деятельности;

RS_i – региональный эффект в абсолютном выражении в изменении показателя по i -му виду экономической деятельности.

На основе более ранних исследований метода «shift-share analysis» и рассмотрении составляющих формулы можно сделать вывод, что возможна оценка всех сфер жизнедеятельности региона, при этом в расчетах будут применяться показатели имеющейся статистической базы.

Использование статистической информации общего доступа позволяет говорить о прямой оценке эффективности региональной экономики, т.к. выбор о необходимости применения тех или иных показателей будет стоять за аналитиком, производящим расчеты.

Одним из способов сравнимости различных показателей может послужить применение не абсолютных значений, а сравнение показателей в относительном выражении. Данная методика позволяет сравнивать относительные показатели.

На основе расчетов можно получить показатель ΔR_i , позволяющий однозначно оценить эффективность экономики региона, но наибольший интерес привлекают составляющие данного показателя – это общенациональный, отраслевой и региональный эффекты. Данный интерес вызван тем, что при их детальном анализе можно определить, за счет чего тот или иной регион находится в лидерах или аутсайдерах по общему показателю эффективности, т.е. показатель ΔR_i позволяет определить, имеет ли экономический рост регион, а вот насколько в нем эффективны управленческие меры, реализующие региональный потенциал, определяется только на основе анализа всех трех составляющих.

При этом подробный анализ впоследствии позволяет выявить резервы повышения эффективности экономики региона, как ранее в [4] уже было отмечено, что общие позитивные сдвиги в регионе необязательно обусловлены его высоким уровнем экономического развития, существенный рост регионального эффекта могут реализовывать и самые слабые регионы.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать выводы, что метод «shift-share analysis» соответствует критериям, предъявляемым к современной методике оценки экономической эффективности реализации экономической политики, применим на практике, а также эффективен при определении управленческих мер по повышению эффективности регионального управления, но при этом остаются дискуссионные и нерассмотренные вопросы, требующие более глубокого исследования и анализа.

Список использованной литературы:

1. Гильмуллин А.Р. Стратегическое управление развитием региона на основе комплексной оценки эффективности функционирования экономических подсистем: дис. канд. эконом. наук: 08.00.05 / Гильмуллин Азамат Разифович. – Казань. 2009. – С. 101-102.

2. Латыпов А.М. Современная система методов оценки социально-экономической эффективности региональной экономической стратегии // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы XI Международной научно-практической интернет-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. – С. 96-100.

3. Латыпов А.М. Требования к современной методике оценки экономической эффективности реализации региональной экономической политики // Актуальные проблемы развития российской экономики и управления: Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практ. конф. / Ю. П. Грабоздин, отв. ред. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 115-120.

4. Akhunov R.R., Yangirov A.V. Spatial-territorial factors of economic growth in the Russian Federation // R-Economy. – 2021. – Т. 7. – № 1. – Pp. 42-51.

УДК 327.7

А. К. МАМЕДОВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,

А.А. ГЕЗАЛОВ

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
г. Москва, Россия

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВРЕМЯ НОВЫХ АКТОРОВ ПРИШЛО (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

MIDDLE EAST: THE TIME FOR NEW ACTORS HAS COME (POLITICAL AND SOCIOLOGICAL APPROACH)

Аннотация. В статье отмечается, что мир столкнулся с непрогнозируемой стороной глобализации, когда в рамках «глобальной деревни» социальные катаклизмы на обочине мирового мейн-стрима, в странах «третьего мира» грозят новой гоббсовской тотальной (всех против всех) войной с немыслимыми последствиями. И это не только в наивном «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, хотя, наверное, кому-то и хочется все свести к такого рода упрощенным рецептам. Любая односторонняя схема будет неверной, даже опасной, т.к. не раскроет всей системности, полноты и масштаба событий на Ближнем Востоке. А они, на наш взгляд, отнюдь не имеют благодетных социальных перспектив. Во всяком случае в ближайшее время.

Abstract: The article notes that the world is faced with the unpredictable side of globalization, when within the framework of the "global village" social

cataclysms on the sidelines of the global mainstream, in the countries of the "third world" threaten a new Hobbesian total (all against all) war with unthinkable consequences. And this is not only in the naive "clash of civilizations" by S. Huntington, although, probably, someone wants to reduce everything to this kind of simplified recipes. Any one-sided scheme will be wrong, even dangerous, because it will not reveal the whole system, completeness and scale of events in the Middle East. And they, in our opinion, do not have good social prospects at all. In any case, in the near future.

Ключевые слова: социология, политика, философия, глобализация, цивилизация, актор, демография, экономика, мироустройства, кризис.

Keywords: sociology, politics, philosophy, globalization, civilization, factor, demography, economy, world order, crisis.

Отсутствие смысла, значимых проектов и символов дорого обходится народам. Незнание или сознательное игнорирование подлинной и единой истории тюркских народов больно отражается на благополучии этих народов. Немецкий исследователь Ф. Шлегель отмечал, что история – это пророк, смотрящий в прошлое. XXI век, непонятый еще и не отрефлексированный в социальной науке, показал несостоятельность многих социальных теорий, в том числе и деидеологизации. События на Ближнем Востоке подтвердили тезис, что в наше время лишь идеологически обрамленные политические движения, имеющие таргетированные ориентиры и внятные лозунги, имеют шанс в конкурентном мире. Идеологическое оформление придает не только маркировку, стигму, но и завершенность, устойчивость политическим проектам. Панорама оценок событий на Ближнем Востоке весьма широка: от исламских революций до заговора (как всегда) неких внешних сил. Хотя, на наш взгляд, мир уже давно и обреченно шел к великому цивилизационному переделу, ибо прежняя (когда-то устойчивая) схема мироустройства в силу множества причин, неадекватна современным трендам. Появились новые вызовы, прежде всего – демографические, экономические, религиозные, решение которых поневоле приводит к цивилизационной драме. Появились новые акторы с серьезным экономическим и политическим потенциалом (Турция, Иран, Азербайджан, страны Залива и т.д.). Неравномерность в мировом развитии не укладывается в прокрустово ложе международных договоров, особенно заключенных без учета интересов третьего мира. Договоры, заключенные по принципу «за них, но без них» не устраивают большинство стран. Рукой «бывших патронов», произвольно проведенные границы в новой «текучей цивилизации» и «быстрой истории» стали барьером региональных проектов. В богатейшем (не только энергетическими ресурсами, но и человеческим капиталом) регионе никак не сформируются легитимные институты власти; не определены новые идейные ориентиры, какова судьба нефтяных контрактов. Где же обещанная Западом «манна» в

виде помощи извне и мифические счета диктаторов? И где же эффективное гражданское самоуправление? Подтверждается тезис, что революция как гидра пожирает собственных детей. Боролись одни, а к власти «прицепом», как всегда, пришли совершенно иные политические силы. Причем, это наблюдается не только в Арабской весне, но и на киевском Майдане, где никак не осознают всего трагизма произошедшего. Субъекты (кукловоды) описанных событий имели свои диаметрально противоположные цели. А впрочем, ведь предупреждали классики, что революции в целом успешными не бывают, они всегда приводят к противоположности (Н. Бердяев).

Уход социализма (наверное, неокончательный) с мировой арены породил в умах западной элиты наивную модель линейного развития мировой цивилизации, без конвергенции и диффузии инновационных социальных технологий. Весьма неглупые теоретики размышляли и вовсе о конце истории (Ф. Фукуяма и К), ибо либерализм казалось одержал «полную и окончательную победу». И задача заключается лишь в переносе (простом и безоговорочном) либеральных (читай атлантических) ценностей на иной мир. Но западный мир и сам не заметил, что вместо социализма в качестве альтернативы появились (а они должны были появиться, ибо капитализм есть двигатель и результат конкуренции) иные «молодые» идеологические антиподы в лице агрессивного сепаратизма, фундаментализма, нового национального радикализма, экстремизма и т.д. Постсоветское пространство, уже или еще (все надеемся), не может дать идейную альтернативу Западу, оно не стала идейно притягательной. К нам не тянутся, в отличие от середины прошлого века, когда в орбите нашего социального проекта вращались десятки стран. Лучшие умы Европы разделяли наши идеи или полемизировали с ними. Понятные и востребованные идеи всегда были актуализированы в общественном мнении. Наши символы и идеи принимались или опровергались, но они были на повестке дня. Мы в силу разных причин с 70-х годов не стали центром Новой Мысли, а попытались с упоением влезть в «последний вагон» гедонистической цивилизации. В чем-то даже опередив Запад, став его чуть ли не самым прилежным эпигоном. Аналогичные процессы происходили и по периметру России. И дело здесь даже не в заполнении «идейного вакуума», а в том, что гедонистическая цивилизация, ставящая во главу угла удовольствие, комфорт и наслаждение, не может не породить свой антипод – фундаментализм, экстремизм, радикализм и т.д., которые возникают, в первую очередь, как естественные реакции на «усталую цивилизацию». Чувственная цивилизация поневоле оканчивается наведением порядка, социального или внутреннего, культурного. Но, сложность в том, что современная (чувственная) цивилизация сталкивается и с иными, не менее острыми, ограничителями: сужение рынков сбыта, «кадровый голод», появление новых «номадов»,

исчерпаемость ресурсов, прежде всего, сырья. Современный этап истории все более напоминает американские горки с непредсказуемыми виражами. А кризисы превращаются в кризис-матрешку, когда каждый этап вскрывает новый виток. Итак, до бесконечности, пока мы не поймем, что наступил системный цивилизационный кризис. Кризис всей ценностной системы, порожденной идеологией «одномерного праздного человека», навязанной западной либеральной культурой. И вот сейчас на Ближнем Востоке, по сути, решается вопрос о конце нефтяной эры (Р. Барнет), нефтяной цивилизации. Цивилизации, где нефть и иные богатства воспринимаются как априорно принадлежащее лишь элите. Идея о ближайшем в историческом плане конце нефтяной эры, что, разумеется, не является «секретом полишинеля», будоражит не только европейские умы, но и местный весьма обеспеченный ближневосточный истеблишмент, который требует (а он должен что-то требовать уже по статусу) «иногосударственного» передела существующего нефтяного богатства. Возникает насущная социальная потребность в переменах. А мы помним из истории, что точки бифуркации возникают, как правило, при переделе собственности. Так в царской России передел земельных участков происходил каждые 12 лет (1905, 1917 годах), что привело к социальному взрыву именно в эти годы. Как следствие, на фоне девальвации идей левого дискурса возникают альтернативные идейно оформленные парадигмы перераспределения, которые в большинстве своем, парадигмы опираются на фундаментальные ценности – равенство и справедливость, как маркеры новой надежды и нового социального порядка.

Пока же весь мир социальными потрясениями расплачивается за научно-технической застой (который, в первую очередь, выгоден нефтедобывающим корпорациям), приведший, в том числе, и к архаизации всей политической жизни. Динамизм экономической сферы удивительно долго соседствует с трибализмом, клановостью и закостенелостью социума. Появилась колоссальная диспропорция в творческом потенциале молодежи (что составляет значительное большинство населения на Ближнем Востоке. Так в Палестине – 45% от общего населения) и возможностями ее творческой, но легальной самореализации. Аналитики прогнозируют, что в ближайшие 30 лет количество безработных в данном регионе подойдет к 100 миллионам человек, вместе с тем дефицит в кадрах высшей квалификации превысит 30 млн. Количество молодежи, приобщенной к Интернет-пространству в Тунисе, Ливане, Сирии превысило пороговые 60%. Помимо этого, часть молодежи получила хорошее западное образование и приобщилась к иным культурным ценностям, Интернет расширил жизненный мир, ввел в некий межкультурный глобальный диалог, который, не стыкуется; с косной системой социального управления. Немецкий исследователь Г. Хайнзон вывел формулу социальной нестабильности на основе простого подсчета – определяется процент

мальчиков от 0 до 4 лет к мужчинам 40-44 лет. Если меньше 80% начинается демографический сбой как в Европе, Японии, России. Но при этом в Афганистане – 403%, Ираке – 351%, Сомали – 364%. И социальный драйв начинается в странах, где юноши от 15 до 29 лет составляют более трети населения. И причины драйва (религия, национализм, маоизм, троцкизм или сепаратизм), то есть то, во имя чего вершится насилие вовсе несущественно. Социум «кипит», зачастую не зная настоящих причин этого. «Вторые или третьи» сыновья требуют справедливого распределения, а десятые просто выходят на баррикады, не понимая даже причин. Политическая же элита стран Ближнего Востока не учла этого драйва, изменившиеся тренды в общественном сознании не были отрефлексированы; неизбежность диктаторских режимов казалась лучшей гарантией от «ветров перемен», автаркия противостояла динамике, как единственная ценность, «покой им снился как вечность». Но, основным носителем, формой и кодом трансляции драйва является исламский фундаментализм, который долго пребывал под таким же прессингом авторитарных режимов, как и сами демократические движения. *Они оказались в одной и той же матрице маргинальных течений.* Так, демократия и фундаментализм, как ни парадоксально, на Ближнем Востоке идут рука об руку в свержении авторитарных консервативных диктаторов, по принципу-вместе биться, врозь идти. Что интересно, Запад, находясь в плену своих однобоких «исторических заблуждений», ставит зачастую лишь только на одну из этих составляющих. Запад надеется, что в результате «демократических выборов» на место, скажем, диктаторской власти придет более «народная» мобильная демократия, более (понимаемая как европейская) современная, менее коррумпированная, менее клановая. Но все более «зеленеет парус арабской весны», начальные демократические лозунги сменяются фундаменталистскими. Появление ИГИЛ и иных подобных экстремистских течений есть результат целого комплекса причин. Запад, убежденный своим экспертным сообществом и СМИ, ожидает реальных (в своем понимании) демократических перемен в арабском мире, с этим связано общее «мейнстримовое» ожидание, а на самом деле мы вначале сталкиваемся с очень необычным симбиозом демократических и религиозных движений, что наводит на некие параллели с крестьянскими войнами в Европе 16-17 веков (прав же был Ф. Энгельс) Как правило, даже принципиально новые социальные движения обрамляются в «старые тоги». Религиозные идеи доступнее, они институционализированы в общественном сознании и приняты социумом. Дело в том, что вследствие особенностей истории, имманентные (зачастую и архаичные) религиозные институты в этих странах гораздо сильнее и понятнее, чем привнесенные и зачастую навязанные структуры западного демократического гражданского общества. Как отметил видный французский теоретик левого дискурса Р. Гароди, они не модернизируют ислам, они исламизируют модерн. Но как только

открываются «шлюзы» и барьеры на пути к свободе, мы становимся свидетелями острой конкуренции двух сил – исламской и прозападной. Но Запад забывает, что зачастую ислам, помимо традиционных религиозных функций, является единственным для этих стран коммуникативным каналом и полем социального диалога в этом регионе. Незрелость институтов гражданского общества с необходимостью порождает религиозную монополию на все формы выражения социальных ожиданий. Помимо этого, мы являемся свидетелями слияния двух идейных потоков: становление национальной идентичности и нового исламского цивилизационного пространства. Идут титанические интеллектуальные поиски (порой весьма мучительные) сочетания национальной и религиозной идентичности, поиски «особого» пути развития, иной «неевропейской» демократии в рамках большой исламской цивилизации. Исламская цивилизация предложила принципиально отличную от Европы модель социального порядка, основанную на трансцендентной воле, подчиняющей человека. Коллективистская ценность семьи, рода, племени, общественная солидарность и индивидуальное самоограничение здесь ставятся и ценятся гораздо выше прав и интересов отдельной личности. И если до иранской революции это казалось анахронизмом, то сейчас чуть ли не глобальным ответом Западу.

На мусульманском Востоке интуитивное восприятие мира доминирует над рационалистическим подходом, им присуща имманентная любовь к действительному и обязательно сильному отцу – вождю, способному удержать «молодой и бурлящий» народ в этническом «лоскутном» котле. Если на Западе президента избирают на основе устоявшейся правовой демократической процедуры, то на мусульманском Востоке считают, что правителем может быть избран тот, кто принят, признан и призван народным волеизъявлением, причем процедуры этого волеизъявления могут варьироваться весьма широко. По сути, идут выборы выбранных. Надо помнить, что ислам на Ближнем Востоке как правило воспринимается населением как форма, причем безальтернативная, сохранения своей самобытной идентичности в условиях «мерцающей реальности» глобализирующегося мира. В связи с этим, меняется и расклад новых геополитических факторов, где вместо ставших уже традиционными США и Европы активную роль играют (или должны уже играть) Россия, Китай, Иран, Турция и другие новые акторы, недовольные или хотя бы несогласные с однополярным миром, отстаивающие свое цивилизационное право быть Иными. В результате, существенно меняется и геополитическая расстановка сил, сильное влияние на регион оказывают страны, не обремененные «колониальной памятью» (например, Россия, Китай), проявляющие антиглобалистскую солидарность (Россия, Китай, Иран), а также декларирующие единство исламских геополитических ориентиров (Азербайджан, Казахстан, Турция, Иран). Обобщая вышесказанное, можно

констатировать, что ближневосточные события (революция, беспорядки, волнения и т.д.) имеют системный масштабный характер, отражающий новые цивилизационные сдвиги.

1) мир все больше осознает (иногда подсознательно) ущербность гедонистической цивилизации, идут поиски контуров идеократических обществ. Все более настойчивым становится востребованность Новой Идеи, общество становится все более сложным, оно принципиально несводимо к каким-то простым одномерным технологиям и требует другого системного управления, нежели элиты с их коррупцией и закрытостью. Не только глобальный мир, но и сами страны нуждаются в социальном диалоге;

2) однополярный мир утрачивает свой ресурсный потенциал, ибо не отвечает динамике современных процессов, появляется «новая дорожная карта» мира, широкая палитра вариантов развития. Возникают новые центры идейного притяжения, в первую очередь, страны с собственной идентичностью;

3) бурный демографический рост, появление значительного молодежного слоя, не может долгое время ужиться с отжившими, устаревшими политическими структурами. «Глобальная деревня» управляется совершенно иными коммуникационными институтами. Интернет-пространство создает новое поле для социальных технологий, возникает технология «опосредованной виртуальной агрессии», «твиттер-революции» и т.д.

Социальная справедливость, вернее, ее требования, всегда будет катализатором социальных волнений, будь то Триполи, окраина Парижа или Луизианы. Поэтому мир должен находить альтернативные, принципиально иные социальные технологии проживания в новой глобальной цивилизации.

УДК 331.1

А.В. КОМНАТНАЯ

Уфимский государственный авиационный технический университет,
Уфа, Россия, e-mail: nastya.kom0510@mail.ru

ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОТРУДНИКАМИ ПОКОЛЕНИЯ Z

EFFECTIVE WAYS OF INTERACTION WITH GENERATION Z EMPLOYEES

Аннотация. Молодежь – одна из крупных социально-демографических групп современного российского общества, ежегодно пополняющая экономически активное население страны. Немаловажным фактором является учет особенностей поколений в период санкционных ограничений.

Abstract. Young people are one of the largest socio-demographic groups of modern Russian society, annually replenishing the economically active population of the country. An important factor is taking into account the characteristics of generations during the period of sanctions restrictions.

Ключевые слова: молодежь, теория поколений, инструменты взаимодействия.

Keywords: youth, generation theory, interaction tools.

Функционирование экономики в период внешних ограничений обуславливает необходимость решения ряда задач модернизации социально-экономической политики через активизацию экономических субъектов к преобразованиям, где немаловажную роль играет персонал. На сегодняшний день многие организации сталкиваются с проблемой различия в отношении сотрудников разных поколений к работе [1,2].

Определение ценностных ориентиров молодежи становится популярной темой и объектом многих социологических исследований. Одна из самых известных работ по данному направлению на сегодняшний момент – это теория поколений, разработанная Уильямом Штраусом и Нилом Хау и описывающая повторяющиеся поколенческие циклы в истории, так называемые поколенческие архетипы. Так, поколение Z в широком смысле определяется как поколение, родившееся между 2000 и 2015 годом, несмотря на то что до сих пор не пришли к четкому временному разграничению.

С каждым годом благодаря политике государства, направленной на повышение рождаемости, численность представителей данного поколения увеличивалась. В связи с этим оно считается этнически разнообразным и крупнейшим поколением в истории и составляет 23% населения на 2021 год. Уже сейчас часть из них достигли совершеннолетия и вышли на рынок труда. В 2020 году они составляли 36 % от рабочей силы [3,4].

Согласно теории поколений, а также статистическим наблюдениям аналитиков SberCBI, представители поколения Z обладают четырьмя особенностями. Первая особенность – идентификация личности. Представители не определяют себя или других через стереотипы, они предпочитают экспериментировать с различными способами самовыражения и создать свою индивидуальную идентичность с течением времени. Они не видят себя единым поколением, а также с произошедшим конфликтом поколений, убеждении в собственной исключительности и отсутствием гендерного равенства.

Вторая особенность – коммуникация и мобильность. По данным компании 80% поколения Z с детства пользуются мобильными устройствами. Это произошло вследствие развития мобильных технологий и их активного внедрения в нашу жизнь – цифровизации привычных процессов. В связи с этим они редко различают грань между общением в

социальной сети и живым общением, ценят мобильность и универсальность во всем; вследствие чего у них развита многозадачность. Поэтому им не составило труда перейти на удаленный режим работы в связи с пандемией.

Третья особенность – диалог. Представители поколения Z верят в важность диалога при решении конфликтных ситуаций. Это связано с восприятием информации представителями поколения. Они просто не видят положительного исхода при силовом методе решения конфликта, в следствии их наблюдений за тем, как решение конфликтов грубой силой приводит лишь к лишним жертвам и усугубление ситуации.

Четвертая ключевая особенность – это реализм, раскрытие правды обо всем. Поколение Z, вследствие доступа к огромному объему информации и всемирной базе знаний более прагматично и аналитически подходит к своим решениям, чем представители предыдущих поколений. Они ценят возможность знать реальную обстановку дел, что позволяет грамотно принимать решения и контролировать ситуацию. Мировой экономический кризис научил представителей поколения распределять средства по закону корзины, инвестировать их в ценные бумаги или открывать накопительные счета, а не хранить их под «подушкой».

На данный момент в большинстве компаний на руководящих местах находятся представители поколения X, а система мотивация и стимулирование направлена в основном на X и Y. Так мотивационными моментами для поколения X являются: проведение корпоративов, спортивных соревнований, карьерная лестница, персональное, групповое или коллективное обучение сотрудников, повышение квалификации, четкая организационная структура, стабильность в рабочем месте, четкие прописанные обязанности, а для поколения Y: премирование сотрудников, гибкий график, обеспечение возможности работать так, как удобно, технологическое оснащение рабочего места: оптимизация и автоматизация, геймификация.

Понимая культурно-исторические обстоятельства и их причинно-следственные связи, можно определить особенности мировоззрения, обобщенную модель поведения поколения Z и провести сравнение с представителями других поколений (таб.).

Таблица

Сравнительная характеристика поколения Z от Y и X [5]

	X	Y	Z
1	2	3	4
Отношение к работе	Работают по четко установленным задачам, уверены в собственных силах, предпочитают структурированность, скептически настроены	Интересуются «а что дальше, для чего это нужно», многозадачны, упорны, предприимчивы, терпимы, целеустремлены	Многозадачливы, мобильны, предпочитают баланс между работой и личной жизнью, целеустремлены, уверены в себе, реалисты

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Стиль работы	Предприниматель, индивидуальный	Принимающий участие	Командная работа с разделением труда(персонализация)
Обратная связь и награды	Обратная связь необходима для роста, премия	Свобода – лучшая награда, внимание руководителя,	Похвала, внимание руководителя к своим сильным и слабым сторонам, нематериальное и материальное стимулирование
Идеальный лидер	Координирующий	Демократичный, Либеральный	Наставник
Работа и семья	Баланс	Баланс	Баланс
Особые интересы	Работа чтобы получить прибыль	Работать в удовольствие, карьерный рост	Чувствовать себя важным, быть частью коллектива, получать одобрение. Имеют большое количество интересов
Карьерный рост	Вертикальный	Горизонтальный	Горизонтальный и вертикальный
Обучение	Очное обучение, тренинги, активно вовлечены в процесс непрерывного обучения	Интерактивное обучение, групповая форма обучения, выбор интенсивных программ обучения	Мультимодальное и смешанное обучение, индивидуальная форма обучения, фокусируются на результате, нежели на самом процессе обучения
Особенности характера	Самостоятельны с детства; Индивидуалисты; Готовность к переменам; Ценность возможность выбора; Циничны;	Наивны; придерживаются командной работы; ориентируется в соц. сетях; легко управляемы; уверены в своей ценности; цель жизни получения удовольствия	Цифровое поколение; источник поиска любой информации интернет; обрабатывают большой объем информации; быстро развиваются; нетерпеливы; обучаются только тому, что интересно, избалованы большим количеством выбора. Много увлечений и интересов, однако быстро и часто их меняют

Основываясь на специфике личности из таблицы 1 и опросе, проведенном компанией Naus, видно, что существует пересечение интересов и характеров у поколения Z с другими представителями X и Y (рис.).

Именно поэтому существующие методы мотивации и стимулирования не потеряли свою эффективность, однако их стало недостаточно, чтобы полноценно раскрыть потенциал «зетов».

Рис. 1. Опрос Найса в России «Что поколение Z ждет от работы и работодателя»

Z мотивировано поиском работы, которая будет приносить удовольствие и возможности для расширения своих навыков, поэтому можно предположить, что они будут менять работу чаще, чем другие поколения до них. У работодателей, соответственно, появилась особая потребность в удержании персонала. Им необходимо динамично развиваться и быть гибкими в условиях быстро меняющейся обстановки.

Исходя из их ценностных ориентиров можно разработать подходящие способы влияния, привлечения, подбора и оценки, адаптации, мотивации и стимулирования, а также обучения, основанные на личностном подходе, учитывая разнообразие вкусов и интересов поколения Z.

Способы и инструменты взаимодействия с представителями поколения Z по видам работ с персоналом в организации:

1. У поколения Z понятие «авторитет» изменилось, у них есть свое мнение и свое представление, причем зачастую они не понимают сложности и глубины происходящего. Для них авторитет – это тот человек, который знает больше, чем они. Поэтому руководитель для них — это, прежде всего, наставник, который применяет индивидуальный подход в распределении задач, учитывая сильные и слабые стороны работников и отмечать их достижения и успехи. В случае неудач или недостаточной компетентности в определенных вопросах, направляет сотруднику необходимые материалы, тем самым, занимаясь развитием необходимых для сотрудников умений и навыков и повышение общей и личной эффективности. Сотрудники Z хотят знать, кто и что делает, как распределены полномочия и предпочитают сами

участвуют в этом распределении. Они должны понимать, что и для чего они что-то делают и какого результата добьются.

2. Обеспечить непрерывное общение и обратную связь от руководства и наставника. Частота обучения должна составлять один раз в два года для повышения профессиональных навыков и один раз в год для повышения личностных компетенций. Использовать визуальные методы передачи информации будет оптимальным и эффективным. Это может быть: иллюстрации, инфографика, схемы, видео, программы. Применять геймификацию в обучении. Дать свободу выбора дисциплин и блоков. Осознанный выбор повысит интерес и вовлеченность в процесс обучения.

3. Результаты совместного исследования «Авито работы» и HR Messenger показали, что 68% предпочитают пользоваться чат-ботами для взаимодействия с компаниями и сервисами, особенно это популярно среди молодежи: при трудоустройстве ими пользуется четверть респондентов в возрасте до 25 лет. Таким образом, при взаимодействии с кандидатом необходимо сочетать переписку в чат-ботах и живое общение. Так же иметь аккаунты в социальных сетях, показывая свою активность и жизнь сотрудников внутри компании. Прозрачность и честность при представлении кандидату вакансии и обязанностей.

Таким образом, в нынешней ситуации цель HR удержать сотрудников и поддерживать их уровень вовлеченности в процессе работы, если они заинтересованы в дальнейшем успешном конкурентоспособном существовании своей компании на рынке. Для этого необходимо учитывать потребности, возможности и предпочтения сотрудника. Кроме того, необходимо предоставлять прозрачную наглядную информацию, по возможности ее визуализируя. Все это позволит эффективно взаимодействовать с молодыми работниками. Работодателю нужно видеть их сильные стороны и помогать в выявлении и устранении недостатков.

Список использованной литературы:

1. Биглова А.А. HR-digital: цифровые технологии в управлении персоналом. Экономические исследования и разработки. – 2021. – № 11. – С. 67-72.

2. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И., Атнабаева А.Р. Иррациональность поведения абитуриентов как фактор дисбаланса рынков труда и образовательных услуг региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 194-208.

3. Биглова А.А. Обзор проектно-управленческого менеджмента в международном бизнесе // В сборнике: Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2020. – С. 248-253.

4. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И. Поведенческие факторы

образовательной траектории в обеспечении кадровых потребностей региона // Проблемы развития территории. – 2022. – Т. 26. – № 5. – С. 88-109.

5. Мифы о «поколении Z» // Н.В. Богачева, Е.В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 56 с.

УДК 351/354

Н.И. МАТВЕЕВ, Л.Д. САЙФУЛЛИНА

Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа, Россия, e-mail: matveevnikita2208@gmail.com, saiflarisa@mail.ru

СИТУАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНОМ

SITUATIONAL DECISION-MAKING CENTERS IN THE MANAGEMENT OF THE REGION

Аннотация. Одним из векторов развития государственного управления на современном этапе является активное и повсеместное применение информационных технологий. Цифровая трансформация государственного управления проявляется во многих областях общественной жизни. Диапазон применения цифровых ресурсов постоянно расширяется, повышая качество работы с обращениями граждан, поступающих в органы власти, способствуя развитию регионов.

Abstract. One of the vectors for the development of public administration at the present stage is the active and widespread use of information technology. The digital transformation of public administration is manifested in many areas of public life. The range of application of digital resources is constantly expanding, improving the quality of work with citizens' appeals coming to the authorities, contributing to the development of regions.

Ключевые слова: центр управления регионом, мониторинг, цифровизация, управленческие решения.

Keywords: regional Management Center, monitoring, digitalization, management decisions.

Республика Башкортостан (РБ) – субъект Российской Федерации (РФ), до определенного момента времени не входивший даже в десятку регионов-лидеров по позиции, которую формирует показатель удельного веса населения, взаимодействующего с органами государственной власти и местного самоуправления. Однако Башкортостан стал самым прогрессивным среди регионов страны в области мониторинга и обработки поступающих от жителей жалоб и обращений.

Центр управления регионом (ЦУР) – это формируемый в субъекте Российской Федерации проектный офис, создание и деятельность которого регламентируются нормативным правовым актом субъекта. Его деятельность направлена на координацию работ по отслеживанию и обработке всех видов обращений и сообщений населения, поступающих в органы власти, а также выполнение стратегического планирования развития регионов [1].

Первый ЦУР открылся в конце 2018 года в Московской области. Это был проект по сбору всей важной информации в регионе из социальных сетей. Поток информации, который поступал от жителей, сортировали по 11 тематическим блокам: медицина, образование, ЖКХ, социальная защита, транспорт, экология, строительство, государственные услуги, СМИ, безопасность и национальные проекты. ЦУР является проектом по взаимодействию исполнительной власти с населением. Жалобы граждан формируются по отраслевым блокам и направляются ответственным для оперативного реагирования. В Центрах структурируется и анализируется большой массив информации, который затем можно использовать для корректировки управленческих решений. Появление таких возможностей повышает оперативность реакции региональных властей на существующие проблемы, а также позволяет предотвращать их возникновение в будущем, благодаря анализу и системам мониторинга [2].

В 2020 году после поручения Президента Центры управления регионом стали формироваться по всей стране. Они предполагают наполнение цифровыми технологиями всей жизни граждан в разных сферах и на разных этапах, включая дом, транспорт, поликлиники, школы и другое. Башкортостан стал одним из пилотных регионов, в котором реализовывался опыт Московской области. Единая цифровая платформа «Центр управления Республикой Башкортостан» начала свою работу 19 ноября 2020 года. Его основой стали информационные системы под эгидой Министерства цифрового развития государственного управления.

Один из информативных помощников ЦУР – это система «Инцидент-менеджмент». Она позволяет внимательно следить за обращениями жителей в социальных сетях и оперативно на них реагировать. Через нее в режиме реального времени прослеживаются все жалобы населения и после этого запускаются в работу. На обработку каждого сообщения отводится три часа, задействуются все профильные ведомства. Вопрос не закрывается до тех пор, пока проблема не решится полностью [3].

Центр управления РБ во многом отличается от других центров субъектов РФ. В июне 2021 года в городе Уфа, рядом с администрацией Главы республики, открыли современное здание ЦУР Башкортостана. Оно стало «мозговым центром», в которое интегрировали новые системы, включая крупные подразделения региона, большинство из которых разработано Правительством республики.

ЦУР состоит из трех основных блоков: информационный, социальных коммуникаций и экономической аналитики. Информационный блок отвечает за информирование жителей о работе органов власти и муниципалитетов, а также вовлечённость людей в принятие решений по вопросам развития Башкортостана.

Блок социальных коммуникаций – это работа с обращениями жителей республики, получение обратной связи, выявление проблемных точек и их устранение. Его фундамент – система «Инцидент менеджмент», а также «Платформа обратной связи», с помощью которой жители республики могут обратиться за решением своих вопросов через сайты органов исполнительной власти и местного самоуправления. Этот механизм хорошо зарекомендовал себя в оперативном решении вопросов во всех проектных сферах данной системы. С начала 2022 года, по состоянию на середину августа через систему «Инцидент-менеджмент» было отработано 117 267 сообщений жителей в социальных сетях.

Основное отличие башкирского Центра от аналогичных структур в других субъектах РФ – наличие блока «Экономической аналитики». Он отвечает за анализ экономической целесообразности корректировок бюджета и определения очередности направления средств при решении проблем, заявленных жителями, включая мониторинг национальных проектов России в том ключе, в котором ставят курс на развитие страны в ближайшем будущем, обеспечивая прорывы в научно-технологическом и социально-экономическом развитии, повышения уровня жизни каждого гражданина, а также создание возможности для его самореализации [4].

В работе находится «цифровая витрина», которая показывает промышленный потенциал каждого муниципалитета, обозначает ресурсы республики, емкость рынка той или иной отрасли, привлекательность для бизнеса, посчитает земельный фонд, сделает выборку по бюджету, способствуя привлечению инвестиций. Это нововведение дополнили для того, чтобы у чиновников была реальная возможность принимать решения на основе актуальных данных и, таким образом, управлять регионом (табл.1).

В доступе имеется любая необходимая информация по каждому из 54 районов республики, где можно в режиме реального времени посмотреть, например, уровни рождаемости и смертности, реальную работу по вывозу мусора и продвижение строительных проектов. Все отслеживается по дням и часам. В частности, если в одном из районов строят школу, можно посмотреть, не отстает ли подрядчик от графика [5]. ЦУР Башкортостана – единственный в стране, в состав которого интегрирован Ситуационный центр по решению самых острых вопросов населения, а также Центр стратегических разработок, созданный в целях разработки и реализации проектов и стратегических инициатив, направленных на развитие экономического потенциала республики.

**Данные, которые оперативно предоставляет ЦУР в Башкортостане
(середина ноября 2021 год)**

Численность населения, чел	4 013 786
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70,4
Уровень бедности	14,7
Уровень образования	64,91
Количество волонтеров, чел	17 754
Объем жилищного строительства, млн м2	2,455
Качество городской среды	184
Состояние дорожной сети, %	52,3
Индекс роста объема производства	365,9
Темпы роста среднедушевого дохода, %	94,9
Улучшение жилищных условий, тыс. ед.	225,87
Численность СМП и ИП, тыс. ед.	472,59
Занимаются спортом, %	48,54

Центр управления РБ признали лучшим на Всероссийском конкурсе IT-проектов в номинации «Государственное и муниципальное управление: ситуационные центры и центры принятия решения». Высокий уровень реализации проекта, масштабность его проработки и охват многих предметных областей – это и является победной оценкой работы ЦУР и Правительства Башкортостана в целом. Цифровая платформа данного проекта – это коллективный труд, где выявляют и устраняют проблемы, это системная работа, где совершенствуются и демонстрируются результаты. Такая комплексная работа позволяет оперативно анализировать большой объем информации, поступающий со всей республики, и взвешено принимать управленческие решения.

Вопросы организации процесса работы с обращениями граждан имеют ключевое значение в контексте повышения роли населения в разработке, принятии и реализации управленческих решений на уровне региона, формирования и повышения доверия граждан к органам исполнительной власти, функционирования системы мониторинга привлекательности территории в целом [6].

Список использованной литературы:

1. Официальный сайт Правительства РФ – Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 г. № 1844. URL: <http://government.ru/docs/all/130918/?page=3> (дата обращения: 11.08.2022).

2. Интервью Заместителя Председателя Правительства РФ Дмитрия Чернышенко. URL: https://eos.ru/eos_delopr/news/31384/

3. Официальный аккаунт премьер-министра Правительства РБ в социальной сети Telegram. URL: <https://t.me/agnazarov/455> (дата обращения: 11.08.2022).

4. Официальный сайт Правительства РБ. URL: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/321404/> (дата обращения: 11.08.2022).

5. Официальный сайт Национальных проектов России. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/bashkortostan-v-rezhime-onlayn-kak-rabotaet-tsentr-upravleniya-respublikou> (дата обращения: 11.08.2022).

6. Человеческий капитал территории: модели, технологии и механизмы регулирования. Гайнанов Д.А., Низамутдинов М.М., Аитова Ю.С., Атаева А.Г., Атнабаева А.Р., Ахметзянова М.И., Мигранова Л.И., Минязев А.И., Орешников В.В., Сайфуллина Л.Д. – Уфа, 2021. – 258 с.

УДК 331.52

Л.Д. САЙФУЛЛИНА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: saifLarisa@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РЫНКА ТРУДА В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

LABOR MARKET TRENDS IN NEW SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. Последние два года беспрецедентных социально-экономических проблем (пандемия коронавируса, цифровая трансформация, социальная несправедливость, рост санкционного давления, политическая токсичность и пр.) оказали огромное давление на рынок труда. Удаленная и дистанционная работа, рост миграционных потоков высококвалифицированной и интеллектуальной рабочей силы, реакция на международные события и риски, с ними связанные. Ситуация усугубляется демографическими показателями.

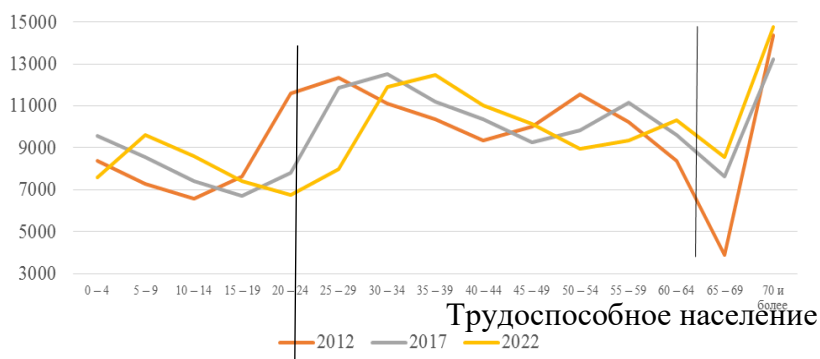
Abstract. The last two years of unprecedented socio-economic challenges (coronavirus pandemic, digital transformation, social injustice, growing sanctions pressure, political toxicity) have put enormous pressure on the labor market. Remote and distance work, the growth of migration flows of a highly skilled and intelligent workforce, the reaction to international events and the risks associated with them. The situation is exacerbated by demographic indicators.

Ключевые слова: рынок труда, демография, коэффициент возрастной зависимости.

Keywords: labor market, demography, age dependence ratio.

Основные тенденции рынка российского рынка труда совпадают с мировыми: продолжение распространения удаленного формата работы, увеличение числа фрилансеров, конкуренция за высококвалифицированных работников и пр. К национальным особенностям российского рынка труда можно отнести существенный отток квалифицированных работников, а также мигрантов, вынужденные простои, перераспределение кадров между секторами экономики. Ситуация усугубляется демографическими показателями.

Для анализа динамики изменения населения России по возрастным группам взяты данные за 2011, 2016, 2021 года. На рис. 1 показано, как менялась структура населения по возрастным группам трудоспособного населения (20-24 года, 25-29 лет, 30-34 года, 35-39 лет, 40-44 года, 45-49 лет, 50-54 года, 55-59 лет, 60-64 года) [1].

Рис. 1. Динамика изменения населения России по возрастным группам, по годам, тыс. человек

Видна волна смены возрастных групп населения: в 2012 году наиболее многочисленной возрастной группой являлись люди в возрасте 25-29 лет. В 2017 году этот пик волны сдвинулся на группу 30-34 года. В 2022 году уже наиболее крупной является группа населения в возрасте 35-39 лет. Логично предположить, что при прочих равных условиях к 2027 году в стране будет больше всего населения в возрасте 40-44 года, а к 2032 – 45-49 лет.

Структура распределения населения России по возрастным группам в текущем периоде является одной из самых благополучных на отрезке времени «5-10 лет до и 5-10 лет после»: на рынке труда большое количество молодого трудоспособного населения 30-40 лет. Далее идет отрезок, характеризующийся существенным снижением (в 1,5 раза) численности населения возрастной категории 30-35 лет, причина – демографическая яма

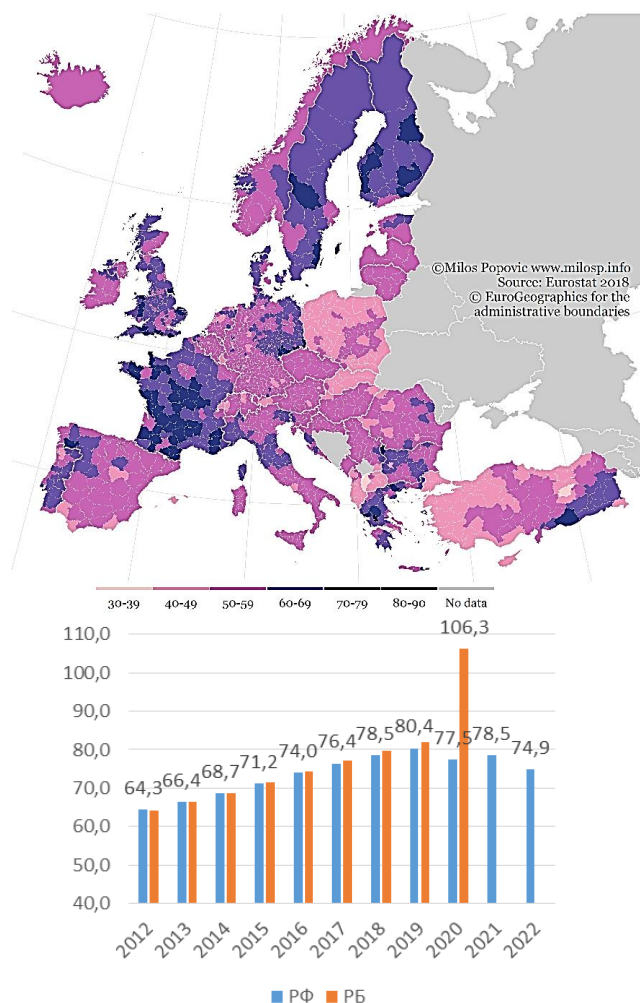
как наследие событий конца 90-х годов. Таким образом, количественный недостаток рабочей силы молодого возраста рынку труда еще только предстоит ощутить.

Наиболее трудоспособный возраст «белых воротничков» – это 30-40 лет, который характеризуется наличием определенного опыта при относительно высоких показателях энергии и общего здоровья. Таким образом, в ближайшие 5 лет количество молодых трудоспособных людей наиболее активного, «эффективного» возраста снизится почти на 40% (1,65 раза или на 9 631 тыс. человек) только по естественным демографическим причинам. А если учесть снижение показателей социально-экономического состояния страны, медицинского обеспечения, миграции в связи со сложившимися условиями (СВО и политические причины), то можно ожидать еще большего снижения.

Более показательны относительные индикаторы количественных параметров состояния рынка труда, например, коэффициент демографической нагрузки или коэффициент возрастной зависимости, который показывает, сколько приходится на одного работающего неработающих. Соответственно, чем больше значение этого показателя, тем хуже для экономики страны, региона.

Коэффициент демографической нагрузки или возрастной зависимости (Age Dependence Ratio) рассчитывается как соотношение нетрудоспособного населения к трудоспособному населению. Это относительная мера экономической нагрузки на население трудоспособного возраста, поддерживающего население нетрудоспособного возраста, или характеристика потенциального экономического бремени, связанного с такой поддержкой. Этот показатель используется для выражения отношения между тремя возрастными группами населения, которые разделены на две социальные группы. Экономически зависимое население определяется как часть населения, не являющаяся экономически активной и не приносящая дохода. В эту группу входят дети и пожилые люди, которые обычно полагаются на других в отношении товаров и услуг, которые они потребляют (детское население в возрасте до 17 лет и пожилое население в возрасте старше 65 лет). Экономически независимое население – население трудоспособного возраста (для стран Европы это работающее население в возрасте 18-64 года). Для европейских стран к неработающему населению относятся возрастные группы до 15 лет и после 64 лет.

Согласно статистическим данным Eurostat, представленным в виде карты (рис. 2) [2], наилучшим является значение этого показателя 40-49% наихудшая ситуация по странам Европы наблюдается во Франции, восточной Германии, Финляндии, Швеции, некоторых регионах Англии. Польша, Словакия и Турция выглядят более благополучно относительно европейской картины, демонстрируя наиболее низкие показатели демографической нагрузки.

Рис. 2. Коэффициент возрастной зависимости (демографической нагрузки) в Европе, России и Республике Башкортостан

По результатам анализа возрастной структуры населения по штатам США, там коэффициент возрастной (демографической) нагрузки составляет 62,5 или примерно 62 иждивенца на каждые 100 работников [3].

Аналогичный анализ по России показывает следующие результаты (рис. 2): по соотношению нетрудоспособного населения к трудоспособному (количество нетрудоспособных на 100 лиц трудоспособного возраста, на начало года [1]) Россия на период 2021-2022 года находится ближе к уровню Финляндии и Швеции, приближаясь к показателям Франции, а также восточной Германии. Такая ситуация характеризуется как критическая.

Аналогичная ситуация наблюдается по данным о распределении населения по возрастным группам в Республике Башкортостан. Республиканские показатели в период с 2012 по 2019 год находятся на уровне общероссийских, но в 2020 году значительно их превышают [4].

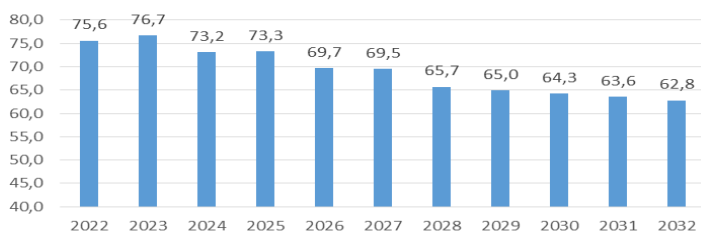
Прогнозные показатели по численности населения позволяют рассчитать ожидаемый коэффициент демографической нагрузки. Согласно прогнозам Росстата о данных коэффициента демографической нагрузки, можно предположить, что ситуация с 2022 года улучшается несмотря на влияние последствий демографической ямы и прочих негативных явлений в демографии (табл.) [1].

Таблица

Демографическая нагрузка (на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных, на начало года)

Годы	Низкий вариант прогноза			Высокий вариант прогноза		
	Всего	в том числе лиц в возрасте:		Всего	в том числе лиц в возрасте:	
		моложе трудоспособного	старше трудоспособного		моложе трудоспособного	старше трудоспособного
2022	755	325	430	758	329	429
2023	765	325	440	771	332	439
2024	730	314	416	739	324	415
2025	731	309	422	742	321	421
2026	693	296	397	707	311	396
2027	691	290	401	708	307	401
2028	653	276	377	673	296	377
2029	645	266	379	668	288	380
2030	635	256	379	663	281	382
2031	627	246	381	659	273	386
2032	617	235	382	655	266	389

Но ситуация улучшается не за счёт прироста населения или роста рождаемости, или большего количества прироста работоспособного населения, а за счёт того, что увеличиваются границы пенсионного возраста. Так как пенсионная реформа в России в полное право вступит только с 2028 года, то соответственно показатели прогноза демографической нагрузки на 2022 год и последующие годы до 2028 этого не учитывают (рис. 3).

Рис. 3. Прогнозные показатели коэффициента демографической нагрузки по России (средний вариант прогноза на 100 чел.)

Анализ изменения коэффициентов возрастной зависимости с течением времени позволяет делать предположения о экономическом развитии территорий в зависимости от количества и структуры населения трудоспособного возраста. Природа этих изменений может иметь серьезные последствия для региональной политики, стратегического и оперативного планирования и управления регионом, принятия решений о распределении ресурсов. Текущие и прогнозные показатели могут быть учтены в комплексной модели демографических процессов, наряду с показателями развития социальной инфраструктуры территории и степени реализации ее потенциала, для анализа сценариев изменения демографической ситуации и разработки направлений совершенствования демографической политики территорий [5].

Список использованной литературы:

1. Распределение населения по возрастным группам. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 03.10.2022).
2. Статические карты. Режим доступа: https://milosp.info/maps/full/age_dep_2019.png (дата обращения 03.10.2022).
3. How to use and interpret Esri's U.S. Age Dependency Ratios. Режим доступа: <https://storymaps.arcgis.com/stories/eeb3d8b1dbef421fab9bff10019e5898> (дата обращения 03.10.2022).
4. Численность и состав населения. Официальный сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Режим доступа: <https://bashstat.gks.ru/folder/25491> (дата обращения 03.10.2022).
5. Человеческий капитал территории: модели, технологии и механизмы регулирования. / Гайнанов Д.А., Низамутдинов М.М., Аитова Ю.С., Атаева А.Г., Атнабаева А.Р., Ахметзянова М.И., Мигранова Л.И., Минязев А.И., Орешников В.В., Сайфуллина Л.Д. / Монография под ред. Гайнанова Д.А. – Уфа, 2021. – 258 с.

УДК 352.075

М.В. СВИРИДЕНКО

Институт проблем региональной экономики РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mv_svir@mail.ru

**ТЕНДЕНЦИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**TRENDS IN THE REGULATORY AND LEGAL TRANSFORMATION OF
THE SOCIO-ECONOMIC SPACE
OF MUNICIPALITIES IN MODERN CONDITIONS**

Аннотация. В статье проанализированы тенденции трансформации нормативно-правового поля, территориальных и организационных основ реформирования местного самоуправления на современном этапе. Установлено, что разработанный законопроект требует обсуждений и внесения поправок.

Abstract. The article analyzes the trends of transformation of the regulatory and legal field, territorial and organizational foundations of the reform of local self-government at the present stage. It is established that the developed bill requires a significant amount of discussion and amendments, including introducing a single-level system of organization of local self-government in Russia.

Ключевые слова: муниципальные образования; реформирование местного самоуправления; преобразование; муниципальное развитие; городские и муниципальные округа.

Keywords: municipalities; reform of local self-government; transformation; municipal development; urban and municipal districts.

В настоящее время в экспертных кругах, властных государственных структурах и органах местного самоуправления активно идет обсуждение изменений основ организации и функционирования в стране института местного самоуправления. Целью обсуждения является проведение экспертизы проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Основная концепция законопроекта говорит о том, что основная функция местного самоуправления состоит в обеспечении комфортной жизни людей в благоустроенных населенных пунктах, повышение качества жизни и решение вопросов местного значения. Авторы законопроекта исходили из концептуального посыла, что, наделяя муниципальные

образования определенным объемом полномочий, власти должны одновременно наделять их возможными и достаточными источниками финансирования, в т.ч. налоговыми поступлениями. Однако необходимо констатировать, что целый ряд положений и статей законопроекта требуют не столько существенной доработки, сколько значительного пересмотра.

И здесь, на наш взгляд, целесообразны предложения ряда экспертов, предлагающих дать возможность выбора субъектам Российской Федерации (РФ) необходимое количество уровней муниципального управления для обеспечения качественной жизни населения в городах и сельских территориях, а также возможно перенести срок рассмотрения данного законопроекта в случае, если времени для принятия решения недостаточно.

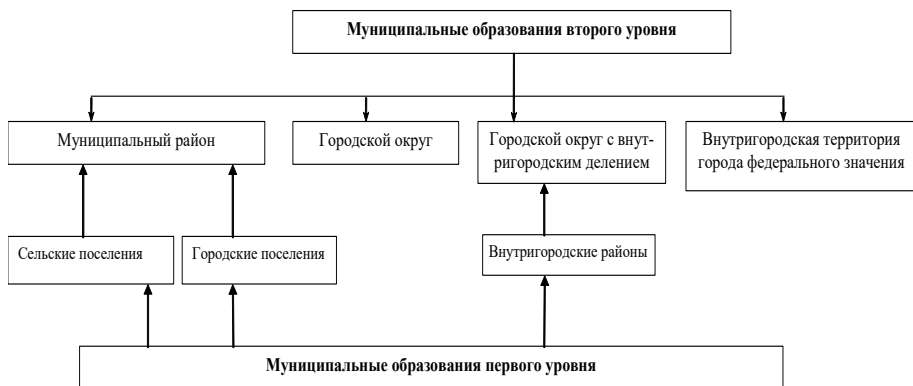
Многолетняя практика реализации действующего федерального закона о местном самоуправлении продемонстрировала проблемы в сфере нормативно-правового, финансового и организационного обеспечения деятельности муниципальных образований, о чем подробно изложено в работах [1, 2].

Ключевыми из них можно считать финансовую несостоятельность большинства муниципальных образований, в силу невысокой собираемости местных налогов – налога на имущество физических лиц и земельного налога. Препятствия в реализации вопросов местного значения и компетенций местного самоуправления, нарастающие противоречия в реализации конституционных прав муниципальных образований послужили стимулом реформирования муниципального управления в России, в результате чего было проведено фактическое укрепление территориальных основ местного самоуправления.

В своем послании Федеральному собранию Российской Федерации В.В. Путин декларировал, что «...уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах является важной задачей» [3].

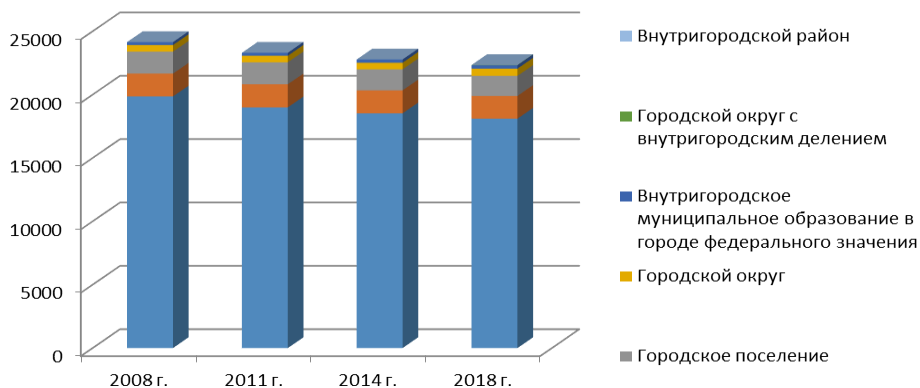
Одним из результатов реформ тех лет стало введение для крупных городов с внутрирайонным делением возможности формировать внутригородские муниципальные образования, и к 2018 году были созданы внутригородские муниципалитеты в трех городах – Челябинске, Самаре, Махачкале.

Территориальная основа местного самоуправления на современном этапе представлена на рис. 1.

Рис. 1. Современная система муниципальных образований в Российской Федерации

За последние годы существенно сокращено количество муниципальных образований в стране в силу их укрупнения (рис. 2). При этом необходимо отметить, что муниципалитеты одного и того же типа по численности населения могут различаться в десятки раз.

Рис. 2. Динамика количества муниципальных образований в Российской Федерации, единиц

Обсуждаемый в настоящее время законопроект существенно меняет систему организации местного самоуправления в России – МСУ, ликвидируя городские и сельские поселения и вводя одноуровневую систему организации местного самоуправления, при этом не гарантируя достаточную финансово-экономическую базу образуемых городских или муниципальных округов [4].

Одновременно с ликвидацией местного самоуправления на уровне небольших городских поселков и сельских населенных пунктов

законопроект предусматривает радикальное смещение центра принятия решений и реального осуществления полномочий в сторону исполнительных органов государственной власти.

Фактически рассматриваемый законопроект допускает 3 вида муниципальных образований: городской округ; муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование города федерального значения. Муниципальное образование города федерального значения – институт малозначимый для социально-экономического развития, – лишенный значимого числа полномочий и бюджетных ресурсов. Поэтому в рамках реформы местного самоуправления значимыми остаются всего два вида муниципальных образований – городские и муниципальные округа. Отмечая тот факт, что разница между ними только в системе расселения населения (город или город и сельские населенные пункты) и инфраструктурном обеспечении, можно сделать вывод, что в случае принятия законопроекта страны при огромном многообразии и дифференциации социально-экономических условий развития регионов и муниципалитетов будет иметь одноуровневую систему местного самоуправления и управлять округами как единственным видом муниципальных образований.

По сути, для субъектов федерации полностью исчезает возможность за счет маневрирования используемыми видами муниципальной организации регулировать пространственную структуру региона и его экономики [5]. Еще один аспект значимого влияния институтов местного самоуправления на пространственное развитие регионов и страны в целом – их позиционирование в процессах агломерирования. При различных количественных и качественных признаках агломерационных образований таковые в институциональном плане всегда представляют собой совокупность муниципальных образований. Только их активная, заинтересованная позиция в итоге и может реализовать позитивный смысл агломерационных процессов.

Агломерации представляют собой важный и динамично развивающийся компонент пространственной структуры российской экономики. Вопрос об агломерациях занял едва ли не центральное место в поправках к Стратегии пространственного развития РФ в 2022 году. Появился институт не только крупных и крупнейших, но и как бы «прочих» городских агломераций. Поправки заметно расширили трактовку агломерации в смысле числа жителей (минимально от 250 тыс. вместо 500 тыс. человек). Такие агломерации – половина населения страны и почти $\frac{3}{4}$ ее ВВП.

Развитие городских агломераций постепенно начинает диктовать определенные требования к системе государственного и тем более муниципального управления, формировать критерии систем расселения населения в долгосрочной перспективе.

В последнее время все более выявляется то, что действующая в РФ система институтов местного самоуправления трудно адаптируема ко всему многообразию условий территориальной организации расселения и производства, включая проблемы управления такими крупными социально-экономическими территориальными образованиями, как агломерации. Соответственно, не сложились условия и институциональные формы, обеспечивающие базовые управленческие процессы в агломерациях, в т.ч. на принципах стратегирования. Несмотря на отмеченные негативные явления в рамках анализа и оценки современных тенденций функционирования местного самоуправления в РФ, муниципальные образования остаются базовым территориальным звеном социально-экономического развития, расселения населения, процессов активизации экономического пространства и агломерационных процессов. В рассматриваемой перспективе актуализируются новые направления фундаментальных и прикладных научных исследований, предметом которых должны быть социально-экономические механизмы повышения устойчивости муниципальных образований, совершенствования нормативно-правовых, финансово-экономических и организационных основ местного самоуправления.

Список использованной литературы:

1. Свириденко М.В. К вопросу о совершенствовании системы разграничения полномочий между уровнями федерального, регионального и муниципального управления // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 3 (104). – С. 421-424.
2. Свириденко М.В. Проблемы совершенствования полномочий и предметов ведения местного самоуправления в современных условиях // В сборнике: Региональная экономика и развитие территорий Сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 216-222.
3. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ (дата обращения: 11.08.2022).
4. Проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 11.08.2022).
5. Бухвальд Е.М. Новые основы государственной политики в сфере развития местного самоуправления в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 125–135.

УДК 332.1:352.075

А.Г. УЛЯЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: ulyaeva.a.g@mail.ru

**МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ,
СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

**MUNICIPAL REFORM IN RUSSIA: RELEVANCE, CONTENT AND
PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION**

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальность реформирования местного самоуправления в Российской Федерации. Проведен анализ структуры и содержания, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации законопроекта об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти и его последствий для института местного самоуправления в России.

Abstract. The article discusses the relevance of reforming local self-government in the Russian Federation. The analysis of the structure and content of the bill on the general principles of local self-government organizing in a unified system of public authority, submitted to the Russian Federation Parliament and its consequences for the institution of local self-government in Russia, was carried out.

Ключевые слова: местное самоуправление, законопроект, муниципальная реформа, органы местного самоуправления, вопросы местного значения.

Keywords: local self-government, draft laws, municipal reform, local self-government bodies, issues of local importance.

В 2023 году исполнится 20 лет с момента принятия Федерального закона Российской Федерации № 131 от 06.10.2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее ФЗ-131) [1], который явился началом реформы местного самоуправления в современной России. Муниципальная реформа на начальном этапе имела задачи вовлечения граждан в осуществление своего права на решение собственных вопросов, обеспечения самостоятельности местных органов власти и приближения модели местного самоуправления к нормам развитых стран. К сожалению, указанные задачи не были реализованы в полной мере.

Текущее состояние муниципалитетов России не позволяет им эффективно и самостоятельно решать вопросы местного значения. Особо остро проблема самостоятельности (в т.ч. финансовой) стоит на низовом уровне – у сельских поселений. Так, Республика Башкортостан является одним из регионов-лидеров по количеству сельских поселений (их количество на сегодняшний день составляет 818 единиц), и они все находятся в идентичных финансово-экономических условиях правового поля Российской Федерации (РФ) несмотря на то, что их характеристики очень сильно отличаются между собой. Так, разброс в площади территории сельских поселений республики составляет 2 731,6 раза, в численности населения – 187,2 раза, по доходам местных бюджетов – в 600,36 раз. На текущее положение сельских поселений оказывают значительное влияние современные тенденции территориального развития России, а именно, усиление агломерационных процессов, которые приводят к вымыванию населения из сельских территорий. Кроме того, проведенные реформы в налоговом и финансовом законодательстве страны за последние 20 лет также привели к снижению источников налоговых и неналоговых доходов сельских поселений.

Проблемы финансовой самостоятельности муниципальных образований (МО), сложность и запутанность действующего законодательства о МСУ, огромное число внесенных изменений в ФЗ-131, сохраняющаяся дотационность МО, проблемы разграничения полномочий между муниципалитетами в России и ряд других проблем осознавались научным сообществом и политическими институтами и в конечном итоге привели к разработке нового закона о МСУ.

16 декабря 2021 года в Государственную Думу Российской Федерации сенатором А.А. Клишасом и депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым был внесен законопроект № 40361-8, предусматривающий введение нового Федерального закона, регулирующего осуществление МСУ в РФ (далее – законопроект) [4]. Согласно пояснительной записке, законопроект направлен на построение обновленной модели организации и деятельности органов МСУ и приведение ее в соответствие с правовой природой МСУ. Текст законопроекта построен на действующем основном законе о МСУ – ФЗ-131, однако он был переработан, некоторые главы устранены и введены новые: теперь их отражает соответствующее им содержание (территориальные, организационные, функциональные, экономические основы МСУ).

Ключевые нововведения законопроекта касаются, в первую очередь, понятия муниципальных образований, их видов и способов формирования органов МСУ (рис.). Так, в отличие от ФЗ-131 законопроект впервые предлагает содержательное определение понятия МО как «территории с постоянно проживающим населением, в границах которой местное

самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы МСУ» (ст. 9 Законопроекта).

Рис. Ключевые нововведения законопроекта

Наиболее важным изменением (и самым спорным пунктом в обсуждениях законопроекта) является устранение двухуровневой системы МСУ и введение на территории России одноуровневой системы, предусматривающей, что МСУ будет осуществляться только в МО трех видов: городской округ, муниципальный округ, внутригородская территория города федерального значения. Переход к такой одноуровневой системе подразумевает три основных момента: 1) устранение МО низового уровня (городских и сельских поселений, внутригородских районов); 2) преобразование всех муниципальных районов в муниципальные округа; 3) преобразование недавно появившихся в стране городских округов с внутригородским делением в городские округа. Согласно пояснительной записке к законопроекту, целями введения одноуровневой системы являются повышение эффективности органов МСУ, укрепление финансовой основы их деятельности на основе устранения высокودотационных муниципалитетов нижнего уровня. Однако ни финансово-экономических, ни правовых обоснований введения одноуровневой системы в законопроекте не содержится. Несмотря на то что, по словам авторов законопроекта, «органы МСУ муниципальных районов, городских и сельских поселений «объединяются», а не ликвидируются» [2] и на территории муниципальных и городских округов появятся территориальные

органы их администраций, принятие закона приведет не просто к сокращению количества муниципалитетов, но и к необходимости реализации огромного пласта работ по «удалению» поселенческого уровня в системе МСУ.

Устранив поселенческий уровень, авторы законопроекта также отказались от принципа пешеходной доступности, оставив только транспортную (для городского округа и муниципального округа). Это также является одним из спорным моментов, поскольку население будет оторвано от власти (особенно в условиях огромных территорий и низкой плотности).

Ключевые нововведения в организационных основах МСУ касаются изменения способов формирования и роспуска отдельных органов МСУ, их компетенции. Так, для представительного органа МО законопроектом предусматривается единственный способ формирования представительного органа МО – муниципальные выборы, что является логичным в связи с устранением сельских советов и отсутствием необходимости избирать делегатов на районный уровень. Помимо этого, устраняется необходимость в ходе граждан, поскольку МО с численностью населения менее 100 человек не будет. Для главы МО предлагается оставить только два варианта избрания: 1) на муниципальных выборах; 2) представительным органом МО либо из своего состава; либо из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Федерации. Кроме того, законопроект предлагает также синхронизировать сроки полномочий главы МО, избранного представительным органом МО из своего состава и исполняющего полномочия председателя представительного органа МО, со сроком полномочий соответствующего представительного органа МО.

Еще одной новацией является возможность вхождения территориальных органов в структуру местной администрации городского округа и муниципального округа. Это должно обеспечить привязку органов МСУ к населению и заменить бывшие органы МСУ поселений. В случае, если будут созданы, сформированы территориальные органы местной администрации, то она будет представлять собой коллегиальный орган. Авторы законопроекта не уточняют, каким образом будет функционировать такой орган, однако в целом логика использования коллегиального способа принятия решений для административного органа является очень спорной.

Для отражения вопросов полномочий органов МСУ авторы законопроекта вводят главу «Функциональные основы организации местного самоуправления», ключевыми нововведениями которой являются следующие:

1) вводится термин «вопросы непосредственного жизнеобеспечения» вместо применяемого в ФЗ-131 термина «вопросы местного значения»;

2) отсутствует привязка полномочий к отдельным видам МО (установленная в ФЗ-131). Поскольку предлагается оставить только три вида

МО и ввести одноуровневую модель МСУ, то отпадает необходимость в классификации полномочий органов МСУ по видам МО;

3) устанавливается идентичный объем полномочий для городских и муниципальных округов;

4) предлагается новая конструкция в виде двух перечней полномочий:

– перечень полномочий органов МСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (27 пунктов) является общим для МО всех видов. К нему относятся полномочия по решению вопросов местного (локального) характера, не требующих, как правило, привлечения значительных финансовых ресурсов [3]. Данные полномочия являются неотъемлемыми для МСУ и закрепляются в законе как полномочия органов МСУ;

– перечень полномочий, которые могут закрепляться за органами МСУ в целях обеспечения жизнедеятельности населения законом субъекта Федерации (28 пунктов) – он именуется как «перераспределенные полномочия», которые исполняются органами власти субъектов Федерации. Это, как правило, «ресурсоемкие полномочия, которые связаны с реализацией на территории МО государственной политики в определенной сфере» [3].

В целом, предлагаемая глава значительно структурирует положения ФЗ-131 о полномочиях органов МСУ как по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности органов МСУ, так и в отношении других полномочий.

В качестве других нововведений можно отметить: 1) установление возможности одновременного замещения главой МО государственной должности и муниципальной должности; 2) установление для всех должностных лиц МСУ единого срока полномочий – пять лет; 3) в качестве одного из оснований для удаления главы МО в отставку предлагается установить систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов МСУ; 4) более полную классификацию форм межмуниципального сотрудничества, 5) введение главы «Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления».

В целом можно отметить, что предлагаемый законопроект позволит значительно структурировать текст № 131-ФЗ, устранить большое количество дополнительных и убрать отсылочные статьи. Однако ряд спорных положений, касающихся введения одноуровневой системы МСУ, отдельных способов формирования органов МСУ, наделения лица как муниципальной, так и государственной должностью, требует более подробного рассмотрения. Особенно спорным является вопрос введения одноуровневой системы, которая в случае принятия закона приведет к сокращению количества видов МО в России на 17 697 единиц или в 7,8 раза. Кроме того, по мнению экспертов, принятие закона может

привести к снижению самостоятельности органов МСУ и доступности власти для населения.

Список использованной литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон 6 октября 2003 года № 131-ФЗ: текст с изменениями на 30 декабря 2021 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 07.12.2021).

2. Доклад П.В. Крашенинникова в Государственной Думе РФ о реформе местного самоуправления: вопросов больше, чем ответов [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2022/1/30/doklad_pv_krasheninnikova_v_gosudarstvennoj_dume_rf_o_reforme_mestnogo_samoupravleniya_voprosov_bols (дата обращения: 09.03.2022).

3. Отставка глав, меньше депутатов, округов не будет: как реформа МСУ изменит жизнь на Колыме [Электронный ресурс]. URL: <https://magadanmedia.ru/news/1225520/> (дата обращения: 09.03.2022).

4. Проект федерального закона N 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (внесен сенатором РФ А.А. Клишасом, депутатом ГД П.В. Крашенинниковым) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 09.03.2022).

УДК 332.1

А.Г. УЛЯЕВА, А.Г. АТАЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: ulyaeva.a.g@mail.ru, ice_lu@mail.ru

АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO INTERTERRITORIAL INTERACTION

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. В статье проведен обзор теоретических подходов к исследованию межтерриториального взаимодействия. Выявлено, что модели межтерриториального взаимодействия отличаются от моделей экономической интеграции. Авторы рассмотрели сущность и содержание

моделей сравнительных преимуществ и межтерриториальной интеграции на макро- и мезоуровнях в отечественных и зарубежных исследованиях.

Abstract. The article provides a review of theoretical approaches to the study of inter-territorial interaction. It was revealed that the models of inter-territorial interaction differ from the models of economic integration. The authors examined the essence and content of models of comparative advantages and inter-territorial integration at the macro and meso levels in domestic and foreign studies.

Ключевые слова: межтерриториальное взаимодействие, межтерриториальное сотрудничество, межтерриториальная интеграция, территориальная социально-экономическая система, интеграционный процесс.

Keywords: inter-territorial interaction, inter-territorial cooperation, inter-territorial integration, territorial socio-economic system, integrativity, integration process.

Вопросы интеграционного взаимодействия территорий рассматриваются в научной литературе в большинстве своем на уровне стран и регионов, т.е. на макро- и мезоуровнях. В отличие от межрегиональных взаимодействий, вопросы организации и регулирования международных взаимодействий и отношений исследованы достаточно хорошо. Наибольшее развитие здесь получили теории и модели экономической интеграции.

В науке экономическая интеграция получила свое развитие с 1950-х годов, после Второй мировой войны, в связи с активизацией европейских интеграционных процессов. Сначала на первый план вышла рыночная (либеральная) школа экономической интеграции (Г. Кассель, Ж. Рюэфф, Р. Арон, В. Репке, А. Предоль и др.), которая рассматривала экономическую интеграцию как объединение рынков отдельных стран в условиях полной свободы рынка и конкуренции, стихийных рыночных сил. Целью интеграции, по мнению представителей данной школы, является обеспечение эффективности рыночной экономики. Однако, как показал международный опыт, стихийные рыночные силы необходимо сдерживать, нивелируя негативные экономические последствия для стран, поэтому в 1960-х годах на смену пришла рыночно-институциональная (неолиберальная) школа (Дж. Вайнер, Б. Баласса, М. Аллэ и др.). Представители данной школы считали необходимым активное участие государств в экономических интеграционных процессах, которое должно быть направлено на стимулирование экономики, поддержку отдельных отраслей и регулирование занятости. В рамках этой школы также рассматривались вопросы создания таможенных союзов и перестройки торговых взаимоотношений стран в пользу стран-партнеров. Отдельно необходимо отметить предложенную представителем данной школы Б. Балассой [3] классификацию форм экономической интеграции, которые

проходят страны: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, полная экономическая интеграция.

Параллельно с неолиберальной школой в 1960-х годах появилась структурная школа (Г. Мюрдаль, А. Маршалл, Ф. Перру, Ч. Киндлебергер, П. Майлз и др.), представители которой критиковали рыночную и неолиберальную школы за поддержку полной свободы в перемещениях товаров и услуг и считали, что государства должны регулировать интеграционные процессы с целью недопущения диспропорций в уровне социально-экономического развития стран. Если для представителей неолиберальной школы вмешательство государства в интеграционные процессы представляло собой в большей степени регулирование за счет ликвидации международных ограничений и предоставления преференций для стран-партнеров, то следующая школа 1970-х годов – кейнсианство (дирижистская школа) (Р. Купер, Дж. Пайндер, Я. Тинберген, И. Штоллер и др.) – оценивала роль государства как сдерживающего и регулирующего актора в рыночных интеграционных процессах. Так, Ян Тинберген [5] выделял «негативную» интеграцию (простое устранение барьеров на пути трансграничного перемещения товаров и факторов) и «позитивную» интеграцию (принятие законов и создание институтов, способствующих международной мобильности товаров и услуг). По мнению представителей школы, государства должны осуществлять координацию своей экономической политики с целью достижения оптимальной экономической структуры региона, в рамках которого они взаимодействуют с другими странами.

Функциональная школа (Л. Вульф, Д. Митрани, П. Райнш и др.) и пришедшая ей на смену неофункциональная школа рассматривали интеграцию с позиции обеспечения эффективного сотрудничества стран в целях оптимального удовлетворения потребностей человека на основе активного посредничества международных органов (функциональных или специализированных органов и организаций). Именно неофункциональная школа акцентировала свое внимание на экономическом сотрудничестве за счет создания наднациональных регулирующих органов. В отличие от неофункциональной школы (которая предлагала создавать органы и организации по определенным (функциональным) направлениям и таким образом достигать экономического объединения) представители федералистской школы (Ж. Моннэ, Ш. Мюре, К. Уэйр и др.), которые также поддерживали создание надгосударственных органов, предлагали создать единое европейское федеративное государство и уже в его рамках регулировать интеграционные процессы по различным направлениям.

Еще одним направлением исследования экономической интеграции является корпорационализм (С. Рольф, У. Росту), представители которого в отличие от рыночной и дирижистской школ основное внимание уделяли роли в международных интеграционных процессах не государств,

а транснациональных компаний. В последние десятилетия XX в. появилась теория экономической интеграции – теория многоуровневого управления (multi-level governance), которая не акцентирует внимание только на одном из акторов интеграции (государство, надгосударственные органы и т.д.), а рассматривает множество уровней политического и экономического взаимодействия со соответствующими компетенциями в интеграционном процессе.

Отдельно отметим советскую школу экономической интеграции (Ю.С. Борко, О.В. Буторина, Л.И. Глухарев, И.Д. Иванов, М.М. Максимова, В.С. Паньков, Ю.В. Шишков и др.), которая начала активно развиваться позднее, в 1970-х гг., что было связано с действующими политико-идеологическими рамками в стране. В отличие от зарубежных исследователей, которые в большинстве своем упор делали на политическом и функциональном взаимодействии, отечественные ученые акцентировали внимание на содержательной стороне происходящих экономических интеграционных процессов, а именно на разделении труда, процессах переплетения капитала и производства, на собственно воспроизводственном процессе.

Как можно видеть, указанные школы рассматривают исключительно межстрановое политическое и экономическое взаимодействие и интеграцию, соответственно их достаточно сложно переложить на мезоуровень.

В отличие от школ экономической интеграции, *модели межтерриториального взаимодействия* рассматривают те или иные аспекты, связанные с интеграционными процессами, происходящими в ТСЭС различного уровня. Различные модели межтерриториального взаимодействия можно разделить на две группы: модели сравнительных преимуществ и модели межтерриториальной интеграции.

Теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо [10] основывается на законе сравнительного преимущества и представляет собой модель, когда страна получает выигрыш, торгуя товаром, в производстве которого оно имеет выгоды в сравнении с другими странами (например, низкие затраты на труд и капитал). Таким образом, межстрановое экономическое взаимодействие будет эффективно тогда, когда каждая страна будет иметь преимущества в производстве какого-либо товара и когда между странами сохраняются хоть малейшие различия. Однако теория Д. Рикардо в большинстве своем основывалась на природных различиях стран, в то время как следующая теория Э. Хекшера и Б. Олина основывалась на теории соотношения факторов производства [13]. Теория Хекшера – Олина является составной частью общей модели международной торговли Хекшера – Олина – Самуэльсона и определяет страновые различия в соотношении факторов производства, устанавливая закон пропорциональности факторов: каждая страна должна стремиться

специализироваться на производстве тех товаров, которые требуют больше факторов, имеющихся в данной стране. Соответственно страна будет экспортировать товар, при производстве которого используется избыточный фактор производства (например, труд), а импортирует товар, при производстве которого страна испытает дефицит факторов производства (например, капитал). Следующая модель – модель международного разделения труда, именуемая парадигмой «летающих гусей» К. Акамацу [1] – также основана на исследовании сравнительных преимуществ стран и рассматривала в первую очередь азиатские страны. Данная модель предусматривает последовательную интеграцию технологий: на первом этапе развивающаяся страна импортирует промышленные товары и экспортирует сырье, на втором этапе она начинает производить сначала потребительские, а потом капиталоемкие товары, которые она ранее импортировала, на третьем этапе она уже экспортирует производимые капиталоемкие товары, однако догнать в производстве инновационных товаров развитые страны ей будет сложно.

Таким образом, указанные модели рассматривают межстрановое экономическое взаимодействие, основанное на рассмотрении их сравнительных преимуществ, т.е. различий в имеющихся у стран факторов производства и соответственно уровне их экономического развития. Данные модели не исследуют возможности и факторы межтерриториальной интеграции.

Следующие модели представляют собой *модели межтерриториальной интеграции*, когда ТСЭС сближаются и объединяются на основе развития и углубления различных форм взаимодействий. Первая из них основана на теории конвергенции (Р. Арон [2], Дж. Гэлбрейт [6], П. Сорокин [11] и др.), которая заключается в том, что постепенно различия между странами с разными политическими режимами будут сглаживаться за счет заимствования друг у друга положительных черт и преодоления отрицательных, что в конечном итоге выльется в единое постиндустриальное общество с гибридной социально-экономической системой. Таким образом, конвергенция осуществляется за счет действия современной научно-технической революции и перемещения и взаимозаменяемости факторов производства.

В продолжение рассмотрения моделей межтерриториальной интеграции необходимо отметить концепцию кластеров М. Портера [9], которая в отличие от предыдущих теорий и моделей рассматривает не межстрановое взаимодействие, а интеграцию групп географически соседствующих взаимосвязанных стейкхолдеров (фирм и связанных с ними организаций). Таким образом, организация кластеров представляет собой негосударственные механизмы интеграции, которые инициируются бизнес-структурами интегрирующихся территорий. Поскольку кластеры формируются не на основе административного, а экономико-

географического фактора, то они могут обеспечить эффективное межтерриториальное взаимодействие на основе развития кооперационно-интеграционных форм.

Отдельно необходимо отметить модели региональной интеграции А.М. Либмана [8], который достаточно подробно типологизировал модели интеграции на основе двух критериев: 1) критерий основной интегрирующей силы, т.е. вид и поведение основных игроков, обеспечивающих устранение барьеров для объединения (это могут быть органы власти или непубличные игроки); 2) критерий отношения власти, которая путем создания определенных внешних условий может воздействовать на игроков при принятии интеграционных решений (т.е. обеспечить им равенство сил или наоборот асимметрию во взаимоотношениях). На основе данных критериев А.М. Либман выделил шесть моделей экономической интеграции: модель межправительственных договоров, модель неформальной торговли, модель доминирующего участника, модель корпоративного взаимодействия, модель общего центра, модель негосударственного права, каждая из которых имеет свои движущие силы интеграции и возможности их реализации. Однако отдельные авторы выделяют такой недостаток данной типологии как ограниченность потенциала практического использования данных моделей.

В продолжение отметим типологию моделей экономической интеграции, предложенную Д.И. Ушкаловой [12], которая также рассматривает политико-экономические аспекты интеграционных процессов, происходящих между странами. В основе предложенной автором типологии лежит «вектор» действия используемых при интеграции инструментов. Так, можно выделить «позитивную» интеграцию, которая предусматривает использование инструментов (как наднациональных, так и межгосударственных и негосударственных, направленных на не только снятие барьеров, но и согласование интересов стран, повышение взаимосвязанности экономик), и «негативную» интеграцию, которая основана только на инструментах снятия барьеров к созданию единого рынка. Сочетание критерия «вектора» интеграции вместе с критерием последовательности стадий интеграционного процесса (линейная или нелинейная) позволяет выделить четыре модели: линейная модель «позитивной» интеграции, нелинейная модель «позитивной» интеграции, линейная модель «негативной» интеграции, нелинейная модель «негативной» интеграции. Каждая из моделей таким образом преследует различную цель интеграции: например, линейная модель «позитивной» интеграции направлена на последовательное продвижение по пути усиления интеграции поэтапно от зоны свободной торговли до валютного союза, а нелинейная модель «негативной» интеграции – на ликвидацию барьеров для экономического взаимодействия без какого-либо согласования экономической политики между странами.

Отдельным направлением исследования экономической интеграции можно считать эклектическую парадигму международного производства Дж. Даннинга [4], которая предлагает типологизацию основных типов международного производства по критериям факторов производства (местоположение) и рыночной несостоятельности. Данная парадигма рассматривает три ключевых фактора, влияющих на выбор фирмой различных моделей выхода на конкретные рынки при международном производстве, так называемые «OLI»: преимущества владения или собственности (Ownership), преимущество местоположения (Location) и преимущества интернализации (Internalization). Соответственно, чтобы прямые иностранные инвестиции приносили пользу, должны быть очевидны указанные преимущества. Данная модель представляет интерес в первую очередь для исследования деятельности транснациональных компаний, а не государств, поскольку она позволяет объяснить степень и характер международного производства, финансируемого благодаря прямым иностранным инвестициям.

Наконец, в развитие теорий и моделей межтерриториальной интеграции отметим теорию системной интеграции Г.Б. Клейнера [7], которая основана на предлагаемой им нормативной концепции системной интеграции общества, представляющей экономику в виде совокупности (популяции) социально-экономических организационных (объектных), инфраструктурных (средовых), логистических (процессных) и управленческих (проектных) систем, осуществляющих совместно процессы общественного производства, распределения, обмена и потребления благ». Первоочередным шагом на пути к системной интеграции общества является построение устойчивой тетрады «экономическая наука» – «национальная экономическая политика» – «управление национальной экономикой» – «реальная хозяйственная практика». Таким образом, по мнению Г.Б. Клейнера, движение к экономической интеграции требует организации «интегрирующих связей между экономической теорией, политикой, управлением и практикой». При разработке системного подхода к экономике Г.Б. Клейнер отталкивался от системной парадигмы Я. Корнаи. В своей теории автор выделяет два вида теоретической интеграции экономических систем: горизонтальную или содержательную (культурная, нормативная, коммуникативная, ресурсная, функционально-производственная, продуктивно-распределительная интеграции) и вертикальную или социально-уровневую (интеграция отдельных социальных уровней экономической системы, т.е. нано-, микро, мезо-, макро- и мегауровни экономики).

Таким образом, большинство авторов в рамках различных школ сходятся в том, что межтерриториальное взаимодействие (сотрудничество, интеграция) является механизмом снижения межтерриториальных различий и укрепления экономических и иных связей территорий.

Межтерриториальное взаимодействие и сотрудничество должно быть объектом повышенного внимания со стороны региональных органов государственной власти, что обуславливает необходимость их обязательного использования в рамках стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях.

Список использованной литературы:

1. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries» // Journal of Developing Economies. 1962. – №1 (1). – P. 3-25.
2. Aron Raymond, 1905-1983. Demokratia i totalitarizm. Moskva: Tekst, 1993. – 301 p.
3. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London, 1961. – 318 p.
4. Dunning J.H. Explaining International Production / J. H. Dunning. London: Unwin Hyman, 1988. – 378 p.
5. Tinbergen I. International Economic Integration. Amsterdam; Brussels, 1954. – 191 p.
6. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. Избранное. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
7. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 27-50.
8. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. – М.: Экономика, 2011. – 333 с.
9. Портер М. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2018. – 608 с.
10. Рикардо Д. Сочинения. Пер. под ред. чл.-кор. Акад. Наук СССР М.Н. Смит. – М.: Соцэргиз, 1961. – Т. 5. – 271 с.
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
12. Ушкалова Д.И. Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 158-170.
13. Хекшер Э.Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода / Под ред. А. П. Киреева. – Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. – М.: ТЕИС, 2006. – С. 154-173.

СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

УДК 351.76

Е.С. ВАВИЛОВА, А.А. БИГЛОВА

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа,
Россия, e-mail: katekat17170@gmail.com, biglova_aa@mail.ru

Е.П. БУЛАНКИНА

Администрация городского округа город Салават, Салават, Россия,
e-mail: bulankinaep@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОМИССИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF ADMINISTRATIVE COMMISSIONS OF MUNICIPALITIES

Аннотация. Профилактика правонарушений на территории осуществляются в соответствии с законодательством РФ органами власти всех уровней: федерального, регионального, местного. На местном уровне они осуществляются населением и органами местного самоуправления. В статье рассмотрена роль административных комиссий.

Abstract. Prevention of offenses in the territory is carried out in accordance with the legislation of the Russian Federation by authorities of all levels: federal, regional, local. At the local level, they are carried out by the population and local governments. The article considers the role of administrative commissions.

Ключевые слова: полномочия местного самоуправления, административные комиссии, административные правонарушения.

Keywords: powers of local self-government, administrative commissions, administrative offenses.

В последние годы сохраняется тенденция расширения полномочий местного самоуправления, что нашло отражение в перечне вопросов местного значения, которыми вправе заниматься органы местного самоуправления всех видов муниципальных образований, так же расширении и административно-правовых отношений, в которых одним из субъектов выступают органы местного самоуправления [1]. Важнейшей формой реализации соответствующих административных полномочий органов местного самоуправления является создание и

функционирование административных комиссий муниципальных образований.

Административным правонарушением признается посягающее на государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность [2, 3].

Как показывает практика, объем дел об административных правонарушениях постоянно увеличивается (рис.1). Так, за первый квартал 2021 года в административную комиссию поступило 504 материала проверки, из них: с ОМВД РФ по г. Салавату 491 материал проверки, 13 протоколов об административных правонарушениях поступили от членов административной комиссии [4].

Рис.1. Количество поступивших материалов в административную комиссию

К примеру, членами административной комиссии проводятся рейды по профилактике чрезвычайных ситуаций на водных объектах, пожаров. Наибольшее количество дел рассматривается по статье 13.8 КоАП РБ (семейно-бытовое дебоширство) – 538, наименьшее - по статье 6.1 КоАП РБ (нарушение правил организации сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов) – 4 дела. Также в функционал данных комиссии входит контроль за размещением транспортных средств на площадках накопления твердых коммунальных отходов (по ст. 6.23 КоАП РБ), размещением транспортных средств на местах (площадках) накопления твердых коммунальных отходов (по ст. 6.23), проведением земляных работ с нарушением правил благоустройства (по ст. 6.9), нарушениями размещения информационных материалов (ст. 6.7).

Анализ работы административной комиссии показывает, что самыми распространенными в городе правонарушениями являются: организация уличной торговли в неустановленных местах (ст. 13.16 КоАП РБ), также непринятие мер по очистке от снега и льда (ст. 6.8).

Согласно постановлению об утверждении состава административной комиссии, в состав административной комиссии входят: председатель, заместитель председателя, ответственный секретарь и члены административной комиссии в количестве 17 человек. Основным регламент работы административных комиссий заключается в регулярных, еженедельных заседаниях, где рассматриваются протоколы об административном правонарушении путем голосования. При рассмотрении дел об административных правонарушениях все члены обладают равными правами. Определение по делу об административном правонарушении принимаются простым большинством голосов членов административной комиссии, присутствующих на заседании, причем никто из членов не может воздержаться при голосовании [2].

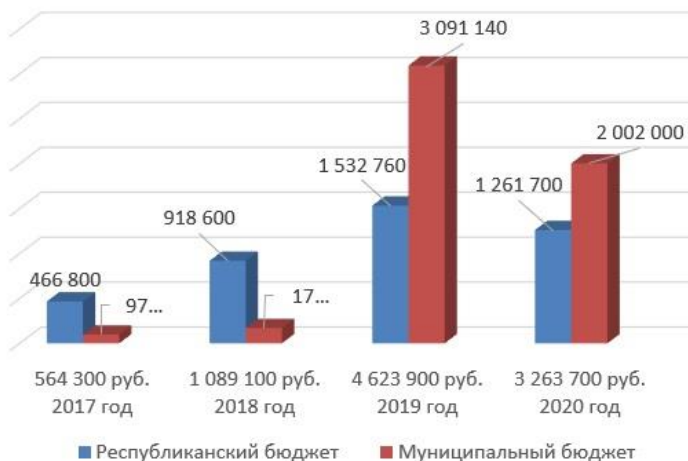
К административной ответственности нарушителей привлекают органы государственной власти. Надо отметить, что все регионы делегируют органам местного самоуправления право составлять протоколы об административных правонарушениях. В соответствии с Законом Республики Башкортостан от 10.10.2006 г. № 354-з «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями Республики Башкортостан по созданию и обеспечению деятельности административных комиссий» Администрации ГО г. Салават Республики Башкортостан переданы государственные полномочия Республики Башкортостан по созданию подобной комиссии, организационному, финансовому и материально-техническому обеспечению ее деятельности [3]. Административные комиссии, как правило, работают на постоянной основе и являются единственными органами административной юрисдикции, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях в пределах своих полномочий.

Сотрудники отделов Администрации ГО г. Салават как муниципальные служащие осуществляют контроль за соблюдением федеральных, республиканских и муниципальных нормативно-правовых актов юридическими и физическими лицами всех форм собственности и всех организационно-правовых форм в отраслях и сферах регулирования, и контроль, в которых закреплен за данными сотрудниками. На сегодняшний день в подведомственность административной комиссии в соответствии со статьей 14.2 КоАП РБ входят 39 статей [1]. Можно сделать вывод, что институт административных комиссий муниципальных образований действует еще недостаточно эффективно.

Так, в соответствии с Соглашением между Государственным комитетом РБ по делам юстиции и Администрацией выделяются

финансовые средства, необходимые для осуществления государственных полномочий, в виде субвенции [1]. Выделяемых средств недостаточно даже на выплату всем заработной платы. Часть идет на оплату коммунальных услуг, почтовых расходов, приобретение канцелярских принадлежностей. В основном, члены административной комиссии работают на общественных началах.

В соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ административный штраф должен быть уплачен лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу, наблюдается отрицательная тенденция (рис.2, 3).

Рис.2. Сумма наложенных штрафов

Рис.3. Сумма взысканных штрафов

В 2021 году в службу судебных приставов для исполнения постановлений по делам об административные правонарушения административной комиссией было направлено 568 постановлений на сумму 699600 рублей.

За 2021 года административной комиссией было рассмотрено: в 2,5 раза превышает объем дел, рассмотренных в 2020 году, и в 3,7 раз – объем дел, рассмотренных в 2019 году. В службу судебных приставов направлено на принудительное взыскание постановлений о назначении административных наказаний в виде штрафов на сумму более 300 000 руб.

Упростит работу административной комиссии и увеличит выявление административных правонарушений по отдельным вопросам благоустройства, совершенным с использованием транспортных средств это фиксация специальными техническими средствами работающими в автоматическом режиме, выявленные нарушения по ст. 6.21 КоАП РФ. Данное устройство позволяет привлекать к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении, что экономит не только время, но и бумагу, конверты.

Упростит работу административной комиссии и увеличит выявление административных правонарушений по отдельным вопросам благоустройства, совершенным с использованием транспортных средств это фиксация специальными техническими средствами работающими в автоматическом режиме, выявленные нарушения по ст. 6.21 КоАП РФ (рис.4). Данное устройство позволяет привлекать к административной ответственности без составления протокола об административном правонарушении, что экономит не только время, но и бумагу, конверты.

Рис.4. Средство для автоматической фиксации правонарушений

Создание, по аналогии с практикой в г. Уфе, на базе муниципальной полиции Центра общественной безопасности (ЦОБ), влияющего, в

первую очередь, на наведение порядка в городе, так же позволит повысить эффективность деятельности административных комиссий.

Список использованной литературы:

1. Закон № 354-з от 10.10.2006 г. «О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями Республики Башкортостан по созданию и обеспечению деятельности административных комиссий».

2. Шарифулин В. Местное самоуправление в России. Характеристики и предлагаемые изменения. – Текст: электронный // Ресурс «ТАСС»: [сайт]. URL: <https://tass.ru/info/13520423> (дата обращения: 15.09.2022)

3. Атаева А.Г., Орешников В.В. Проблемы разработки стратегий социально-экономического развития в регионах Приволжского федерального округа // Региональные исследования. – 2019. – № 3 (65). – С. 63-75.

4. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г. Сбалансированное пространственное развитие Республики Башкортостан: проблемы и перспективы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2019. – № 1 (27). – С. 7-15.

УДК 316

Н.Э. ВАЛИТОВА, Д.Г. КИЛЬСЕНБАЕВА

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Россия, e-mail: nikaga@yandex.ru, kilsenbaeva.dg@gmail.com

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL IDENTITY AS A TOOL TO INCREASE THE COMPETITIVENESS OF UNIVERSITY GRADUATES

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования высокой конкурентоспособности выпускников вузов. В условиях современной экономической трансформации данное качество для молодых людей играет важную роль при выходе на рынок труда. Одной из основных задач высших учебных заведений является обеспечение собственных выпускников высокой квалификацией, необходимой для успешной профессиональной реализации. Определенно, что одним из инструментов повышения конкурентоспособности выпускников вуза может стать

развитие профессиональной идентичности студентов путем практико-ориентированного подхода в процессе обучения.

Abstract. The article is devoted to the problem of formation of high competitiveness of university graduates. In the conditions of modern economic transformation, this quality plays an important role for young people when entering the labor market. One of the main tasks of higher educational institutions is to provide their own graduates with high qualifications necessary for successful professional implementation. It is certain that one of the tools to increase the competitiveness of university graduates can be the development of students' professional identity through a practice-oriented approach in the learning process.

Ключевые слова: конкурентоспособность, профессия, вуз, профессиональная идентичность.

Keywords: competitiveness, profession, university, professional identity.

В современном мире важным фактором, влияющим на эффективное функционирование экономической системы государства, является грамотно выстроенное взаимодействие таких контрагентов, как вуз и рынок труда. Каждый из этих институтов выполняет важные задачи в процессе профессионального становления индивида и формирования качественных трудовых ресурсов.

На этапе перехода из статуса студента в ряды квалифицированных специалистов для выпускника вуза актуализируется такое понятие, как его собственная конкурентоспособность на рынке труда. В качестве определения конкурентоспособности выпускника вуза следует понимать преимущество индивида перед другими претендентами в конкурсе за «хорошее» рабочее место, основанное на более высоком соответствии полученной профессиональной специальности и личностных характеристик требованиям вакансии и работодателя [1].

Формирование конкурентоспособности выпускников за счет их высокой квалификации, приобретенной в процессе обучения, является приоритетным направлением деятельности высших учебных заведений, так как этот показатель напрямую влияет на их рейтинг и положение в современных условиях возрастающей конкуренции на рынке образовательных услуг. В том числе успешное трудоустройство выпускников позиционируется как доминирующий фактор общей привлекательности вуза в глазах общественности и потребителей услуг высших учебных заведений [2].

Очевидно, что первостепенный показатель конкурентоспособности выпускника определяется его профессиональной подготовкой. В современных реалиях распространена проблема несоответствия занимаемой специальности полученному образованию работающих людей. Нередко выпускники вуза уже во время обучения не нацелены

работать по специальности, в результате чего, идут в другую сферу профессиональной деятельности, в которой не имеют квалификации. Эти данные подтверждаются многими исследованиями и носят уже устойчивый характер: результаты опроса студентов на рекрутинговом сервисе Career.ru показали, что к последнему году обучения каждый четвертый студент (25,0 %) разочаровывается в своей специальности, как правило, по причине осознания несоответствия профессии и возложенным на нее ожиданиям (56 %) и представлениям о ней в целом (28 %) (2015 год) [3]. Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2018 году выявило, что около трети опрошенных респондентов в возрасте 16–65 лет имели специальность и не работали по ней [4]. Разумеется, на данную ситуацию влияют факторы различного характера: индивидуально-личностные, образовательные или социально-экономические.

Образование, как фактор формирования ориентации на конкретную профессиональную специализацию, носит двойственный характер. Если получаемое образование качественное и конкурентоспособное, то у студента уже на стадии его получения, с первого знакомства с профессией до непосредственного трудоустройства по специальности, формируется профессиональная идентичность. Развитие профессиональной идентичности происходит в процессе овладения человеком какой-либо профессией и интеграции его в профессиональную группу. Как правило, профессиональная идентичность объясняется через такие понятия, как «Я – профессионал», «профессия» и «профессиональная группа». Связь этих элементов заключается в следующем: со стороны субъекта формируется представление о своей профессии и отношение к ней, а также представление о профессиональной группе, вместе с тем представление к субъекту формируется и со стороны профессиональной группы. Можно сказать, что результат этих связей – профессиональная идентичность [5].

Когда же образование носит поверхностный характер, и выбор специальности скорее связан с выбором вуза, а не профессии, то вполне можно говорить о препятствующем факторе формирования профессиональной идентичности [6]. Для того чтобы подготовить для экономики качественные трудовые ресурсы, вузам необходимо, с одной стороны, развивать профессиональную идентичность студентов, с другой стороны – формировать надпрофессиональные навыки, отвечающие требованиям смежных сфер. Преимущество достижения профессиональной идентичности заключается в успешной профессиональной адаптации и формировании трудовой карьеры, а также высокой ориентированности на постоянное развитие профессиональных качеств, что повышает конкурентоспособность индивида [7].

Интересные данные демонстрирует исследование профессиональной идентичности студентов г. Уфы, проведенное в 2020 году. Согласно его результатам, большинство респондентов оценили качество приобретаемых в вузе профессиональных знаний, умений и навыков как среднее (41 %), и более половины (61,7 %) отметили нехватку получаемого в вузе практического опыта [6]. Схожие данные предоставил ВЦИОМ в 2016 году: 36 % молодых специалистов оценили качество подготовки в российских вузах как среднее, при этом абсолютное большинство работодателей (91 %) высказали, что у выпускников российских вузов недостаточно практических навыков.

Таким образом, перед вузами должна стоять задача ориентировать процесс обучения на получение студентами практического опыта, в том числе основанного на взаимодействии с профессиональным сообществом. Фактически большинство российских вузов, как правило, испытывает нехватку преподавателей-практикующих специалистов, и акцентируется на теоретических основах, которые не всегда в полной мере соответствуют быстро развивающимся технологиям. Вследствие чего у будущих специалистов нет представления о реальном содержании профессиональной деятельности и не происходит внутреннего отождествления с ней [8].

Таким образом, профессиональная идентичность может выступать одним из эффективных инструментов повышения конкурентоспособности выпускников вуза вследствие реализации практико-ориентированного подхода в системе высшего образования. Формирование профессиональной идентичности, заложенной уже в процессе обучения, позволяет студенту выгодно выделяться среди конкурентов за счет высокой мотивированности на реализацию в конкретной профессиональной сфере и достигнутых на этой основе высоких результатов.

Список использованной литературы:

1. Борисова О.В. Конкурентоспособность выпускников высших учебных заведений на рынке труда: методические подходы: автореферат дис, кандидата экономических наук. – Омск, 2009. – 22 с.
2. Профессиональная идентичность в российском обществе (вопросы истории, теории, практики): монография / Д.П. Исаев, Л.В. Клименко, О.А. Нор-Аревян [и др.]. – Ростов н/Д., 2017. – 177 с.
3. Социализация экономики как фактор социального развития региона: монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф., акад. АН РБ Ф.С. Файзуллина. – Уфа, 2019. – 298 с.
4. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

5. Исаев Д.П. и др. Профессиональная идентичность в российском обществе (вопросы истории, теории, практики). – Ростов н/Д.: ЮФУ, 2017. – 180 с.

6. Селиванова С.С. Формирование профессиональной идентичности студентов в вузе: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 12 (154). – С. 25-28.

7. Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=365> (дата обращения: 27.09.2022).

8. Нагрелли Е.А. Роль вуза в повышении конкурентоспособности выпускников // В сборнике: Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Э.И. Забнева. – 2019. – С. 125-129.

УДК 338.436.33

А.К. ВЕРЕВОЧНИКОВА, Ф.В. ПРОЦЕНКО

Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа, Россия, e-mail: verevochnikova01@bk.ru, procenko.fv@ugatu.su

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

ANALYSIS OF THE STATE OF AGRICULTURE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE IT

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы развития агропромышленного комплекса в Республике Башкортостан, а также пути его развития.

Abstract. This article discusses the problems of the development of the agro-industrial complex in the Republic of Bashkortostan, as well as the ways of its development.

Ключевые слова: сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, инвестиционный проект, развитие, целевая программа.

Keywords: agriculture, agro-industrial complex, investment project, development, target program.

Агропромышленный комплекс Республики Башкортостан (РБ) – одна из ключевых и ведущих отраслей экономики, который характеризуется выгодным географическим положением, где на долю приходится до 11,7% валового регионального продукта.

Хочется отметить, что по данным 2021 года РБ занимает 12 место по производству продукции сельского хозяйства в Российской Федерации, а в Приволжском федеральном округе – 3 место.

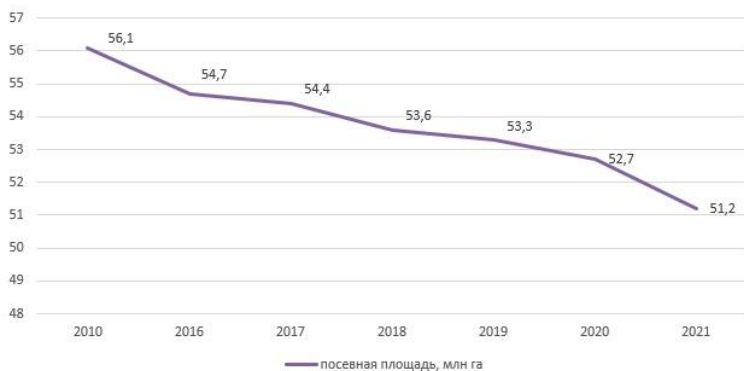
Таблица 1

Динамика основных показателей АПК РБ

Показатели	2005 г.	2010 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2020 г., %
Объем валовой продукции, млрд руб.	60,4	88,6	189,6	185,6	97,9
Индекс производства пищевых продуктов	106	96,3	104,5	103,4	-1,1
Объем производства, тыс. тонн:					
молоко	2083,4	2078,1	1670,5	1614,5	96,6
мясо	381,6	467,1	427,1	405,6	95
зерно	2884	781	3839	2060,7	53,7
сахарная свекла	1176	377	1290	975,6	75,6
подсолнечник	126	51	313	314	100,3
овощи и картофель	1501	663	998	751	75,2

Актуальность данной темы заключается в том, что несмотря на положительные тенденции в развитии, агропромышленность имеет ряд проблем, которые сдерживают дальнейшее развитие данной отрасли, а именно: недостаточное обеспечение сельхозтехники, сокращение финансирования, неудовлетворительное состояние сельскохозяйственных земель, инфляция.

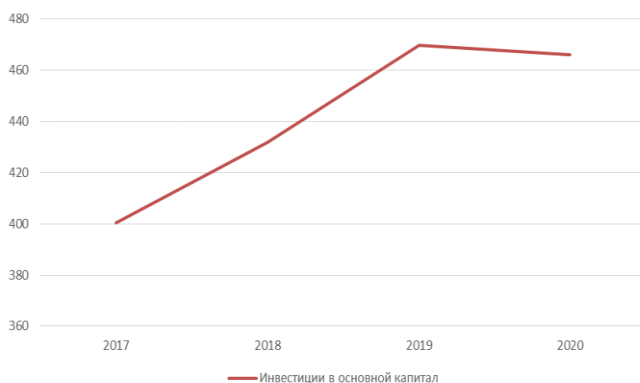
Из-за неблагоприятных климатических условий и экономического кризиса 2019–2020 годов сократились показатели применения органических и минеральных удобрений, что послужило усилению процесса деградации почв.

Рис. 1. Динамика показателей посева площадей, млн га

По данному графику можно сделать вывод о том, что посевная площадь, начиная с 2010 года, сократилась на 8,7 % в связи с засухой и необработкой плодородия почв, в связи с повышением цен на минеральные и органические удобрения.

Также хочется отметить, что инвестиции, направленные в основной капитал развитие АПК с 2017 по 2019 год заметно увеличились, но спад произошел в период с 2019 по 2021 год из-за недостаточного финансирования со стороны государства.

Рис. 2. Динамика инвестиций, направленных в основной капитал

В связи с этим Правительство республики стало предпринимать активные меры по поддержке сельхозпроизводителей – государственная поддержка в виде субсидий, а также стартовал национальный проект «Цифровое сельское хозяйство», целью которого является цифровая трансформация посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений для обеспечения технологического прорыва АПК и достижения роста производительности труда.

Таблица 2

Целевые показатели ведомственного проекта «Цифровое хозяйство»

Целевые показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Доля ресурсов, %				
- земля	75	100	100	100
- скот	1	25	50	100
- техника	50	75	100	100
Доля смарт-контрактов с получателями субсидий, %	0	10	50	100
Коэффициент снижения затрат, %	0	5	15	20
Доля материальных затрат в себестоимости СХ продукции, %	65	60	55	50
Рост производительности труда, %	0	105	150	200
Доля инвестиций в Digital Technologies, %	0,5	1	3	7

За период 2020–2021 года было приобретено более семи тысяч единиц сельскохозяйственной техники, в том числе тракторов, почвообрабатывающих машин, зерноуборочных комбайнов, что позволило в срок собрать посевной урожай.

Таблица 3

Приобретение сельскохозяйственной техники

Приобретено техники, ед.	2021 год	Итого
Тракторов	527	5073
Зерноуборочных комбайнов	258	2443
Самоходных кормоуборочных комбайнов	50	450
Сеялок и посевных комплексов	337	2963
Почвообрабатывающих машин и орудий	537	3708

РБ лидирует в Российской Федерации (РФ) по поголовью крупного рогатого скота, лошадей, по производству молока, кумыса и меда. Большое внимание уделяется вопросам животноводства, поэтому эта отрасль является одной из важнейших в республике. В связи с этим были разработаны и предоставлены грантовые поддержки начинающим фермерам для разведения крупнорогатого скота в пределах 5 млн рублей, целью которой является увеличение числа семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств и их дальнейшего развития и распространения на территории РБ.

Хочется отметить, что в марте 2022 года на ВДНХ состоялся крупнейший в стране агропромышленный форум и специализированная выставка «Агрокомплекс», где компании-производители презентовали свои товары. Если раньше детали приходилось закупать у зарубежных стран, то сейчас российское производство в этом вопросе не стоит на месте. Так, например, компания «АгроДом Артемида» для производства комбайна приобретали сушилки у американских поставщиков, теперь же эти детали изготавливаются в Алтайском крае.

В республике были реализованы различные крупные инвестиционные проекты по развитию животноводства. В частности, был осуществлен запуск животноводческого комплекса компании молочные фермы «Урожай» в Аургазинском районе. Молочные фермы «Урожай» – крупнейший отраслевой инвестиционный проект региона крупнорогатого скота, где планируется производить 60 тонн молока в год.

Таким образом, без развитого сельского хозяйства и прогрессивного аграрного сектора – позитивное развитие экономики РБ и повышение благосостояния общества невозможно. Сегодня перед республикой стоит главная задача – это повышение эффективности и конкурентоспособности производимой и реализуемой сельскохозяйственной продукции, а также внедрение агроинноваций.

Список использованной литературы:

1. Агропромышленный комплекс Республики Башкортостан. Паспорт по итогам работы в 2021 году (предварительные итоги). URL: <https://agriculture.bashkortostan.ru/presscenter/news/420468/> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан. URL: <http://www.apkrb.info> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Официальный сайт Башинформа. URL: <http://www.bashinform.ru/news> (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 378.1

Р.Ф. ГАТАУЛЛИН, К.А. КЛЕКОВКИНА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: kseniya.klekovkina@mail.ru

УХОД РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ОТ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

DEPARTURE OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE FROM THE BOLOGNA PROCESS

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. Длительное время Россия стремилась адаптировать систему высшего образования под европейские стандарты. Была проведена большая реформа в высшем образовании по переходу на Болонскую систему, что, несомненно, видоизменило все ступени образования. Но вместе с этим возникло много вопросов и несостыковок. Но в связи с последними событиями на геополитической арене Россию исключили из Болонского процесса. Спустя почти 20 лет выстраивания европейской системы образования, в новых реалиях Россию ждет новый этап и новые перспективы в системе высшего образования. В статье будет рассмотрено как устроен Болонский процесс и как он работал в России.

Abstract. For a long time, Russia has been striving to adapt the higher education system to European standards. A major reform was carried out in higher education on the transition to the Bologna system, which undoubtedly changed all levels of education. But along with this, many questions and inconsistencies arose. But due to recent events in the geopolitical arena, Russia was excluded from the Bologna process. After almost 20 years of building the European education system, a new stage and new prospects in the higher

education system are waiting for Russia in the new realities. The article will examine how the Bologna process works and how it worked in Russia.

Ключевые слова: болонский процесс, высшее образования, университет, многоуровневая система образования, бакалавриат, магистратура.

Key words: vologna process, higher education, university, multi-level education system, bachelor's degree, master's degree.

На сегодняшний день, образование является одной из самых важных сфер в жизни общества. Именно от его конкретного насыщения различными учебными дисциплинами, социальными институтами и методами подачи информации во многом зависит будущее народа и его интеллектуальное развитие. Кроме того, во всех развитых странах одна из важнейших функций государства – образование. На его реализацию ежегодно расходуется огромное количество ресурсов, как человеческих, так и материальных.

Но стоит также отметить, что система образования должна идти в ногу со временем и претерпевать обновление, которое будет осуществляться в гармонии со всеми ее элементами. Однако не стоит отрицать того, что обновление может принести образованию, как пользу, так и создать для него тяжелые и непоправимые последствия.

Рассмотрим одно из таких обновлений системы образования, а именно, уход из Болонского процесса, где главной целью данного процесса является создание единого пространства для высшего образования.

Переход на новую систему образования обуславливался несколькими причинами. В числе основных – тот факт, что советская система образования, по которой обучались студенты в нашей стране, не соответствовала новым экономическим и политическим условиям, в которых оказалась Россия после 1991 года. Необходимо было искать принципиально новые и в перспективе востребованные формы, позволяющие повысить качество российского образования и дать возможность молодым специалистам быть востребованными в мире.

В России переход к Болонской системе образования оказался непростым, длительным и очень болезненным. Новая система образования была полностью перестроена. Началась разработка с нуля образовательных стандартов и программ, соответствующих единым стандартам европейского образования. Внедрение культуры научного сотрудничества между университетами стало постепенно развиваться. Появились и стали укрепляться международные связи.

Рассмотрим основные требования, декларируемые Болонской системой образования (рис.).

Обязательные критерии	Рекомендуемые критерии	Факультативные критерии
<ul style="list-style-type: none"> • Ввести трёхэтапную образовательную систему. • Внедрить кредитную систему накопления баллов (ECTS) • Поощрять академическую мобильность • Выдавать приложение к диплому, установленного образца • Создавать единое европейское научное и культурное пространство 	<ul style="list-style-type: none"> • Разработать единую систему оценок • Делать акцент на вовлечённость студентов в процесс обучения • Оказывать материальную и социальную поддержку нуждающимся студентам 	<ul style="list-style-type: none"> • Гармонизировать программу по направлениям подготовки • Предлагать курсы по выбору, чтобы студент сам формировал своё обучение • Ввести модульную систему обучения • Запустить дистанционные программы • Ввести рейтинговую систему для преподавателей и студентов

Рис. Основные критерии Болонской системы образования

Бесспорно, данная система необходима Европейскому союзу, более того, без нее ЕС будет неконкурентоспособен по сравнению с главными игроками мировой экономики и политики – США и Китаем.

По данным опроса SuperJob, 66 % россиян поддерживают отказ от системы двухступенчатого образования. По их мнению, подобное обучение не дает систематических знаний, которые необходимы профессионалам разных сфер [8].

В Болонском процессе за более чем 20 лет своего развития произошла тотальная бюрократизация Европейского образования. На первый взгляд, образование стало простым в управлении: учебный процесс легко измерим и «прозрачен», что очень удобно для любого государства. По сути, вопросы содержания образования, его эффективности и качества результатов стали отходить на второй план.

В Болонскую же систему, порожденную потребностями европейского рынка и основанную на англо-саксонской образовательной модели, в качестве основного принципа заложена узкопрофессиональная направленность и индуктивность («ведет мысль от бесконечного количества частных и конкретных примеров к единому знанию, формируемому с некоторой вероятностью»). В этом состоит принципиальное философско-мировоззренческое отличие, которое не позволило механически перенести в российскую систему образования элементы Болонской системы [1].

Фундаментальность образования была основной ключевой концепции советской педагогики о формировании всесторонне развитой мыслящей личности, способной к творчеству и созданию новых идей [1]. Но методы фундаментальной подготовки студентов не всегда соответствуют приоритетам самостоятельной работы студента.

Реализовать Болонский процесс – означает значительно уменьшить объем фундаментальных знаний, предоставляемых в российских вузах до реформы, в пользу узкопрофессиональных умений и знаний частичного характера.

Однако на сегодняшний момент внешнеполитический вектор России по объективным причинам круто разворачивается на Восток [3, С.37-40].

Ситуация с Украиной создали на годы вперед геополитическую обстановку, в которой Европа принципиально не может развивать сотрудничество с Россией в каких-либо сферах. В последние пять лет Россию не только не ждут или не приглашают в Евросоюз, а скорее наоборот, всеми способами отторгают от себя, ограничивая возможности ее развития и модернизации» [5. С.235].

Интеграция России в Болонскую систему не состоялась — вопреки обещаниям Запада российские дипломы и научные степени продолжают подвергаться дискриминации, кроме того, лучшие наработки российского образования были утеряны.

Уход от Болонского процесса нужно делать постепенно. Следует взять лучшее от российского опыта специалитета и постулатов Болонской системы, чтобы в результате создать смешанную структуру.

На протяжении последних 20-30 лет российские университеты интегрируются в мировой учебный процесс, но Болонская система не стала частью академической жизни России, хотя на нее ориентировались.

При этом востребованные на рынке наборы навыков выпускников-бакалавров – включают скорее общие культуру, коммуникабельность и способность быстро адаптироваться, чем конкретные знания. По мнению Болонского толкования, степень бакалавра должна давать возможность работать по специальности. И здесь мы видим ключевое противоречие.

Однако, если мы действительно хотим получить более качественное высшее образование и хотим его получить, нам необходимо учиться в вузах минимум пять лет. При этом тенденции тысячелетий таковы: из века в век развитие общества усложняется и ускоряется, что приводит к значительному увеличению объема накопленных знаний и количества лет на их освоение. Для достижения этой цели большинство людей цивилизованных стран должны обладать знаниями, пониманием и компетенциями на уровне высшего образования. Это означает, что объем и качество этого высшего образования не могут быть ниже уровня прошлого XX века. Трехлетняя подготовка к высшему образованию несовместима с качественным высшим образованием, которое соответствует современным требованиям и вызовам.

Часто соискатели, имеющие диплом бакалавра, до сих пор воспринимаются работодателями как люди с неоконченным высшим или средним образованием. Вот и получилась ситуация, когда бакалавриат – это мало, а магистратура – сложно, долго и не для всех. По-прежнему не

существует свободного или ликвидного доступа к нашим документам о высшем образовании в странах, которые присоединились к Болонскому процессу. Россия на пороге становления новой модели высшего образования. Нужно учесть все ошибки прошлого, оценить плюсы и минусы происходящего и строить свою новую модель будущего образовательного процесса.

Список использованной литературы:

1. Белов Ф.Д. Международная интеллектуальная миграция: особенности, роль и значение на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2010. – № 2. – С. 43–51.

2. Борисов В.В. Болонский процесс в Европе и в России: пути реформирования высшего образования // Экономика образования. – 2011. – №3. – С. 105-113.

3. Иванова М.А. Болонский процесс и самостоятельность студентов: российская специфика // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27. – № 3. – С. 48-58.

4. Лазар М.Г. Реформа высшего образования России – итоги и последствия глазами социологии образования // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. – 2016. – № 44. – С. 232-244.

5. Темченко-Завьялова А.О. «Восточный поворот» как новый этап во внешней политике России // Вестник ПАГС. – 2016. – №2 (53). – С.37-42.

6. Тестов В.А. Различные подходы к понятию фундаментальности образования // Труды Современной гуманитарной академии. – 2008. – № 5. – С. 93-108.

7. Агранович М. Виктор Садовничий: Радикальных реформ в образовании в связи с отказом от Болонской системы не будет / Пост от 09.06.2022 г. // Российская газета – информационная платформа. URL: <https://rg.ru/2022/06/09/sadovnichij-radikalnyh-reform-v-sviasi-s-otkazom-ot-bolonskoj-sistemy-ne-budet.html> (дата обращения: 15.06.2022).

8. Губернаторов Е., Ситюко А. Ректоры ведущих вузов предложили альтернативу Болонской системе / Пост от 11.06.2022 г. // Газета РБК – информационная платформа. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6295da569a7947202c6b2a0f> (дата обращения: 15.06.2022).

9. Что такое Болонская система образования и чем ее заменят в России / Пост от 7.06.2022 г. // Газета Известия.iz информационная платформа. URL: <https://iz.ru/1345736/2022-06-07/chto-takoe-bolonskaia-sistema-obrazovaniia-i-chem-ee-zameniati-v-rossii> (дата обращения: 15.06.2022).

УДК 332.1

К.С. ГОНЧАРОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Россия, e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОКАЗАТЕЛЯ
ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ)**

**DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF SPATIAL DEVELOPMENT OF
MUNICIPALITIES OF THE SVERDLOVSK REGION (BY THE
EXAMPLE OF THE INDICATOR OF THE AGE STRUCTURE OF THE
POPULATION)**

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011 «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Аннотация. В исследовании рассмотрены вопросы регионального социально-экономического развития в аспекте анализа демографической динамики расположенных на территории субъекта Федерации монопрофильных муниципальных образований. На основе сопоставления двух теоретических концепций – выравнивания и поляризации территорий сделан вывод о приоритизации в современной государственной политике институционального механизма саморегуляции регионального развития, основанного на конкурентном межрегиональном взаимодействии и использовании внутренних факторов роста. При помощи общих статистических методов автором было установлено, что экономически активное население покидает небольшие города, перебираясь в крупные, располагающие соответствующими ресурсами для обеспечения более комфортных условий жизнедеятельности. Результаты проведенного анализа носят предварительный характер и требуют расширения эмпирической и методической базы, что и предполагается выполнить в рамках будущих исследований.

Abstract. A study examines some issues of regional socio-economic development in an aspect of analyzing the demographic dynamics of single-industry municipalities located on a territory of a subject of a Federation. Based on a comparison of two theoretical concepts - alignment and polarization of territories, a conclusion is made about a prioritization in modern state policy of an institutional mechanism of self-regulation of regional development based on

competitive interregional interaction and a use of internal growth factors. Using general statistical methods, as well as correlation analysis, the author found that an economically active population leaves small cities, moving to large ones with appropriate resources to create more comfortable living conditions. Results of the analysis are preliminary and require an expansion of the empirical and methodological base, which is expected to be carried out in a framework of future research.

Ключевые слова: региональное развитие, региональная дифференциация, монопрофильные муниципальные образования, уровень жизни населения, возрастная структура населения.

Keywords: regional development, regional differentiation, single-profile municipalities, standard of living of the population, age structure of the population.

К первой половине XX века в экономической науке сложились два ключевых подхода к исследованиям проблемы пространственной дифференциации – выравнивания и поляризации регионального (внутристранового) социально-экономического развития.

Теоретические основания выравнивания регионов были преимущественно развиты советскими учеными Н.Н. Баранским, Н.Н. Колосовским, Ю.Г. Саушкиным и другими. В рамках данного подхода пространственная дифференциация определялась как характеристика государственной политики регионального развития и ее связи со стратегическими целями национальной экономики.

Альтернативным подходом концепции выравнивания социально-экономического развития регионов является концепция их поляризации, обосновывающая закономерности территориальной концентрации ресурсов в определенных узловых элементах, способных оказывать воздействие на окружающие районы и стимулировать их развитие [1]. В рамках данного теоретического подхода (включающего неоклассические, кумулятивные теории (кумулятивного роста, полюсов роста, концепции «центр – периферия»), новой экономической географии) анализируется приоритетное развитие отдельных, наиболее перспективных регионов, экономический рост которых будет иметь синергетический эффект для развития национальной экономики в целом.

На наш взгляд, важным недостатком второго подхода (поляризованного социально-экономического развития) является широкий круг негативных последствий роста региональной дифференциации, а именно – социальной напряженности, снижении доверия населения к органам власти и ослаблении эффективности национальной экономики, неравенства индивидов в доступе к качественным услугам социальной сферы – образованию,

здравоохранению, культуре (являющихся основой социального воспроизводства общества).

Примером практической реализации концепции поляризации является проводимая в 80–90-х годах XX века политика расширения экономической самостоятельности республик и местных Советов СССР (их перевод на самоуправление и самофинансирование, т. наз. «территориальный хозрасчет»). Ключевые принципы данной политики (передача ответственности за уровень жизни населения на определенной территории от федерального уровня на региональный и муниципальный); приоритет возвратного целевого субсидирования региональных и местных бюджетов перед безвозмездным дотированием; развитие местного самоуправления [2]; привлечение денежных средств населения для развития экономики и решения социальных задач [3] (в настоящее время – практика инициативного (партисипаторного) бюджетирования) и др.) сохраняются и в настоящее время. Однако опыт и результаты территориальной политики времён перестройки сложно отнести к положительным.

Так, например, по замечанию Р.И. Шнипера развитие концепции территориального хозрасчета должно было решить проблему концентрации производства в крупных городах и возрастания нагрузки на компоненты комплекса последних при фактическом отсутствии развития малых и средних городов (в т.ч. и монопрофильных) [3]. Но, как показано в таблице 1, за период с 1989 год по 2021 год малые и средние города не только не развивались, но и постепенно угасали – численность населения в них (как основной показатель динамики социально-экономического развития) стремительно сокращалась, тогда как в наиболее крупном городе области – Екатеринбурге, наоборот, продолжала расти (г.о. Верхняя Пышма является городом – спутником Екатеринбурга, это является одной из причин его аналогичного роста).

Таблица 1

Численность населения монопрофильных муниципальных образований Свердловской области (информация по МО «г. Екатеринбург» представлена для сравнения)

Наименование МО	Годы									Соотн. числ. нас-я (2021/1989 г.), %
	1989	2000	2002	2004	2013	2015	2017	2019	2021	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
МО г. Екатеринбург	140402	НД	134047	НД	142943	146137	148841	151583	152753	+ 9
Асбестовский г.о.	118,8	116,5	115,0	106,9	69,8	68,5	67,0	65,5	64,5	- 46
г.о. Верхняя Пышма	85,0	86,1	86,4	89,2	76,1	79,5	83,0	85,2	88,2	+4

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
г.о. Верхняя Тура	13,6	НД	11,0	НД	9,3	9,3	9,2	9,0	8,9	- 35
Волчанский г.о.	14,8	НД	11,0	НД	9,9	9,6	9,1	8,8	8,7	- 41
г. Каменск-Уральский	206,8	191,3	188,7	186,2	174,0	172,7	171,7	169,1	165,7	-20
г.о. Карпинск	55,9	50,2	48,9	44,4	31,0	30,4	29,6	29,0	28,4	- 49
Качканарский г.о.	50,3	50,3	50,0	46,7	42,9	42,3	41,6	40,6	39,8	-21
г.о. Краснотурьинск	74,1	71,7	71,5	70,0	64,6	63,8	62,6	61,6	60,7	- 18
г.о. Красноуральск	36,4	32,9	32,3	29,3	24,8	24,0	23,6	23,2	22,7	- 38
г. Нижний Тагил	439,1	390,5	384,2	386,5	361,9	360,1	358,7	354,8	347,2	- 21
г.о. Первоуральск	173,8	163,7	163,1	156,9	149,8	149,3	147,5	144,7	141,4	- 19
Полевской г.о.	78,9	77,3	76,0	73,7	71,1	70,6	70,2	69,0	67,5	- 14
г.о. Ревда	86,0	84,0	83,6	79,6	63,4	63,8	64,3	63,9	62,3	- 28
Североуральский г.о.	58,9	56,9	55,9	53,5	43,2	42,1	41,2	40,0	39,1	- 34
Серовский г.о.	107,4	101,6	99,8	101,0	107,8	106,8	106,2	104,8	103,0	- 4

Источник: составлено автором по – Половозрастной состав населения Свердловской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 года: статистический сборник. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по свердловской области. – Екатеринбург, 2004. 291 с. (данные за 1989 г., 2002 г.); Социально-экономическое положение городов и районов Свердловской области в 1999 – 2003 годах: статистический сборник. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по свердловской области. – Екатеринбург, 2004. 238 с. (данные за 2000 г., 2004 г.); База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]/ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.html> (дата обращения: 2.09.2022).

В таблице 2 представлена динамика численности возрастных групп населения монопрофильных муниципальных образований Свердловской области.

Таблица 2

**Динамика численности возрастных групп населения
монопрофильных муниципальных образований Свердловской
области (сопоставление численности 2021 года к 1989 году)**

Наименование МО	Расстояние от г. Екатеринбурга (по авт. дороге), км.	Возрастные группы населения		
		Моложе трудоспособ- ного	Трудоспособ- ного	Старше трудоспособ- ного
г.о. Верхняя Пышма	18	-12,44 (мин. знач-е)	4,84	22,94
г.о. Первоуральск	45	-29,50	-26,62	18,87
г.о. Ревда	47	-39,38	-27,17	-15,58
Полевской г.о.	51	-28,47	-20,81	22,84
Асбестовский г.о.	83	-57,19	-51,39 (макс. знач-е)	-7,91
г. Каменск- Уральский	102	-38,42	-26,58	22,72
г. Нижний Тагил	139	-37,76	-25,56	16,39
г.о. Верхняя Тура	202	-43,56	-39,61	-14,70
г.о. Красноуральск	207	-47,64	-40,98	-16,64
Качканарский г.о.	253	-48,37	-28,72	77,06 (макс. знач-е)
Серовский г.о.	353	-26,93	-5,67	29,70
г.о. Краснотурьинск	385	-40,04	-18,73	12,63
г.о. Карпинск	394	-60,80 (макс. знач-е)	-49,55	-33,79 (мин. знач-е)
Волчанский г.о.	418	-51,68	-43,43	-25,42
Североуральский г.о.	441	-52,74	-40,10	17,87

Источник: рассчитано автором по - Половозрастной состав населения Свердловской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 года: статистический сборник. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по свердловской области. – Екатеринбург, 2004. 291 с.; База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]/ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.html> (дата обращения: 2.09.2022).

Представленные в таблице 2 значения подтверждают активную динамику сокращения населения малых и средних городов Свердловской области. Причем наибольшее сокращение наблюдается в двух возрастных группах – моложе и трудоспособного возрастов.

Проведенный корреляционный анализ позволил установить ряд статистически значимых взаимосвязей для рассматриваемых возрастных групп населения:

– на протяжении периода с 2013 по 2021 год наблюдалось сокращение темпов прироста численности населения *младше*

трудоспособного возраста по мере удаления населенного пункта от г. Екатеринбурга ($|r|^2$ колеблется от 0,51 до 0,85);

– аналогичная взаимосвязь (между динамикой численности населения и расстоянием от ближайшего крупного города – Екатеринбурга) характерна и для населения *трудоспособного возраста*, однако она является значимой на протяжении периода с 2013 по 2016 год ($|r|$ - от 0,53 до 0,58).

В то же время, динамика прироста удельного веса населения в трудоспособном возрасте была положительной по мере удаления от г. Екатеринбурга для групп 1986 – 1996 г.р. ($|r|$ - от 0,61 до 0,66) и 1991 – 2001 г. р. ($|r|$ - от 0,63 до 0,79). Можно предположить, что указанные группы населения оставалась, по крайней мере на время, учиться и работать в своем городе.

Сокращение численности населения *старше трудоспособного возраста* по мере удаления от г. Екатеринбурга статистически значимо только в 2017 году ($|r|$ - 0,68).

Полученные результаты, в целом, согласуются с результатами проводимых ранее исследований (например, работа Д.А. Гайнанова, А.Г. Шеломенцева и А.Г. Атаевой по комплексному анализу внутрорегиональных агломерационных миграционных процессов Южного и Среднего Урала, а также Республики Татарстан [4]).

Таким образом, можно предположить, что сохраняющийся подход государственной региональной политики, основывающийся на приоритете внутренних (преимущественно муниципальных) факторов перед кооперативными (межрегиональными) и внешними (федеральными), негативно сказывается на динамике регионального социально-экономического развития, усиливая пространственную дифференциацию. Активное население покидает небольшие города, перебираясь в крупные, располагающие соответствующими ресурсами для создания более комфортных условий жизнедеятельности.

Соответственно, на наш взгляд, использование основных принципов и положений концепции выравнивания является более актуальным в современной практике государственного регулирования социально-экономического развития регионов России. Сокращение региональной дифференциации позволит организовать и укрепить существующие межрегиональные связи и, тем самым, повысить общий уровень эффективности функционирования национальной экономики. При этом мы согласны с тем, что политика выравнивания не должна подавлять динамику роста и инициативу лидирующих субъектов, наоборот, опыт данных территории, с учетом региональной специфики (культурно-

---

² Коэффициент корреляции по модулю.

исторической, экономической, социальной и др.) должен распространяться на все оставшиеся субъекты Федерации.

Список использованной литературы:

1. Аунапу Э.Ф., Свистула И.А. Некоторые подходы к сглаживанию внутрирегиональной поляризации территорий // Академический вестник. – 2011. – № 2(16). – С. 22-27.

2. Региональный хозрасчет: концепция и формы реализации / [О.Г. Дмитриева, Л.А. Гендлер, С.И. Никитина и др.]; под ред. А.И. Муравьева, О.Г. Дмитриевой. – М.: Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1990. – 213 с.

3. Шнипер Р.И. Регион: экон. методы управления; Отв. ред. Д.М. Казакевич/ АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. – 308 с.

4. Гайнанов Д.А., Шеломенцев А.Г., Атаева А.Г. Трансформация расселения на Урале и в Поволжье после реформы местного самоуправления // Социологические исследования. – 2017. – № 10 (402). – С. 64-76.

УДК 332.1

В.В. ДЯДИК

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН, г. Апатиты, Россия, e-mail: v.dyadik@ksc.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ДЕПОПУЛЯЦИИ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РФ. АДАПТАЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ ТИБУ ДЛЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

ECONOMIC REASONS FOR DEPOPULATION OF THE ARCTIC REGIONS OF THE RUSSIA. ADAPTATION AND IMPLEMENTATION OF THE TIBU MODEL FOR INTER- REGIONAL COMPARISONS

Аннотация. Работа посвящена анализу основных депопуляционных тенденций в российской Арктике и разработке на базе гипотезы Тибу теоретического аппарата и методологии для исследования экономических причин миграции населения из регионов АЗРФ. Результаты работы могут быть использованы исследователями и управленцами-практиками для определения направления и интенсивности воздействия экономических факторов на принятие жителями регионов решений о переезде, а также для оценки объема ресурсов, необходимых для стабилизации миграционных процессов и сокращения миграционной убыли населения на региональном уровне.

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the main depopulation trends in the Russian Arctic and the development of a theoretical framework and methodology based on the Tiebout hypothesis to study the economic causes of population migration from the regions of the Russian Arctic. The results of the work can be used by researchers and practitioners to determine the direction and intensity of the impact of economic factors on the decision of residents of the regions to move, as well as to assess the amount of resources needed to stabilize migration processes and reduce the migration loss at the regional level.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, депопуляция Арктики, социально-экономическое развитие Арктики, гипотеза Тибу, население Арктики.

Keywords: interregional migration, depopulation of the Arctic, socio-economic development of the Arctic, Tiebout hypothesis, population of the Arctic.

Арктические территории в современном экономическом и геополитическом контекстах являются зоной самого пристального внимания национальных правительств, международных политических альянсов, крупного бизнеса. Природные ресурсы и логистические возможности Арктики делают ее территорией жесткой геополитической конкуренции, в условиях которой обеспечение национальных интересов России невозможно без комплексного научного понимания социально-экономической проблематики развития этого макрорегиона.

Одной из наиболее актуальных проблем развития российской Арктики является ее депопуляция. Помимо тенденции к естественной убыли значимой причиной сокращения населения АЗРФ является миграционный отток, отнесенный Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года и Стратегией развития Арктики до 2035 года к числу первоочередных опасностей, вызовов и угроз, формирующих риски для развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности.

В исследовательской литературе как в России, так и за рубежом сформировался обширный теоретический аппарат, посвященный исследованию и объяснению причин миграционных процессов. Среди большого объема социо-гуманитарных теоретических концепций, объясняющих этот феномен, отдельное место принадлежит экономическим теориям миграции, позволяющим с помощью эконометрических методов обеспечить количественное (стоимостное) измерение причин и следствий миграции.

Целью настоящей работы является попытка адаптации теоретического аппарата и методологии одной из объясняющих миграцию экономических концепций – гипотезы Тибу – для исследования

причин миграции населения из регионов АЗРФ. Результаты работы могут быть использованы исследователями и управленцами-практиками для определения направления и интенсивности воздействия экономических факторов на принятие жителями регионов решений о переезде, а также для оценки объема ресурсов, необходимых для стабилизации миграционных процессов и сокращения миграционной убыли населения на региональном уровне.

Статистика депопуляции российской Арктики. К арктическим территориям РФ относятся административно-территориальные единицы следующих регионов: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-ненецкий автономный округ – полностью и отдельные районы Республики Коми, Республики Карелия, Красноярского края, Республики Саха (Якутия) и Архангельской области³. На протяжении последних двадцати лет на территории этих субъектов РФ наблюдалась устойчивая совокупность негативных демографических тенденций.

Во-первых, необходимо отметить опережающее по сравнению с общероссийским общее сокращение численности населения (таблица 1).

Таблица 1

Сокращение численности постоянного населения регионов АЗРФ с 2001 по 2020 год⁴, человек

Наименование региона	Численность населения, человек		Сокращение численности населения, %
	январь 2001 г.	январь 2020 г.	
Российская Федерация ⁵	146 303 611	144 835 968	1,0
Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область)	498 271	544 444	-9,3
Республика Саха (Якутия)	957 478	971 996	-1,5
Красноярский край	3 000 891	2 866 255	4,5
Чукотский автономный округ	57 534	50 288	12,6
Республика Карелия	728 813	614 064	15,7
Архангельская область (с Ненецким автономным округом)	1 369 118	1 136 535	17,0
Мурманская область	922 875	741 404	19,7
Республика Коми	1 042 880	820 473	21,3

На протяжении периода с 2001 по 2020 год 5 регионов, полностью или частично расположенные в АЗРФ, продемонстрировали сокращение

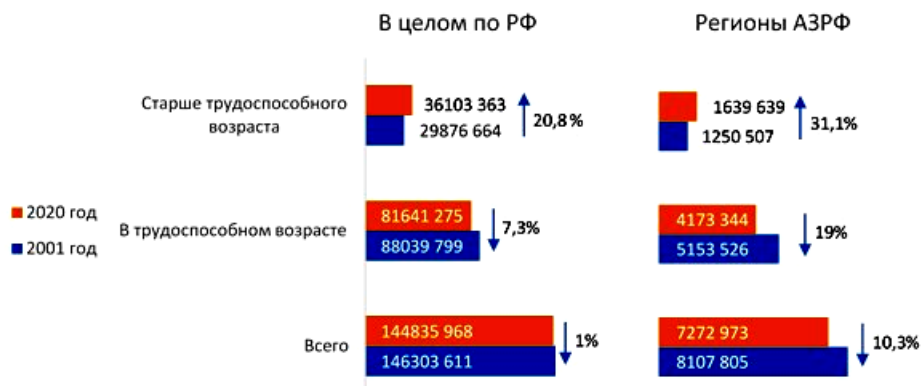
³ В соответствии с Указом Президента РФ от 02.05.2014 №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164).

⁴ Источник данных: Росстат. <https://showdata.gks.ru/report/278928> [доступ 01.10.2022 г.]. Расчеты автора.

⁵ Без Республики Крым.

численности населения на порядок (от 12,6 до 21,3 раза) превышающее среднероссийский уровень. В Красноярском крае сокращение численности населения происходило меньшими темпами, но, тем не менее, в 4,5 раза превысило среднероссийский уровень. Из общей картины выбиваются Республика Саха и Ямало-ненецкий автономный округ Тюменской области, где в анализируемом периоде численность населения выросла. Главными драйверами позитивных демографических изменений в этих регионах стали газовые проекты, обусловившие создание большого количества новых рабочих мест и новый этап экономического освоения территорий. Вместе с тем, в целом рост численности населения этих регионов не переломил общей тенденции к депопуляции АЗРФ.

Во-вторых, в отчетном периоде на территории арктических субъектов Российской Федерации (РФ) происходила более глубокая по сравнению со среднероссийской негативная трансформация возрастной структуры населения (рисунок 1). Так, при общем сокращении численности населения на 10,3% (среднероссийское значение – 1%), численность населения в трудоспособном возрасте сократилась на 19%, что почти в три раза больше, чем в среднем по РФ (7,3%).

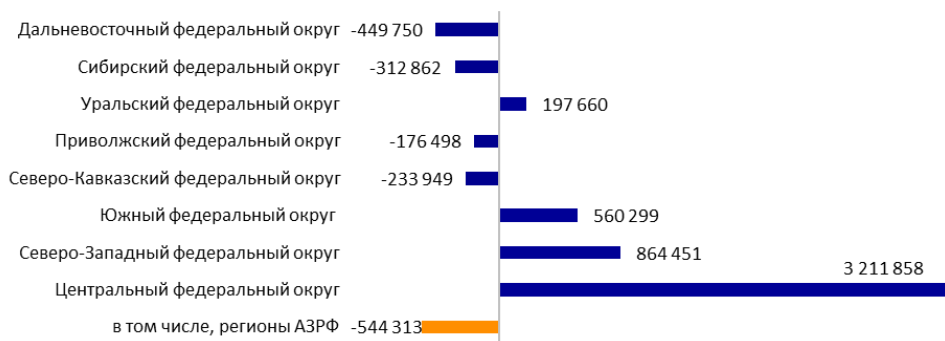

Рис. 1. Специфика демографических процессов в российской Арктике (динамика численности отдельных категорий населения)⁶

Аналогичным образом можно констатировать опережающие темпы старения населения российской Арктики по сравнению со среднероссийскими показателями – за анализируемый период численность населения старше трудоспособного возраста в регионах АЗРФ увеличилась на 31,1% при среднероссийском уровне 20,8%.

⁶ Источник данных: Росстат: <https://www.fedstat.ru/indicators> [доступ 01.10.2022 г.]. Расчеты автора

Третьей ключевой негативной тенденцией стал миграционный отток населения с арктических территорий на протяжении анализируемого периода (рисунок 2). Статистические данные свидетельствуют, что регионы АЗРФ являются анти-лидером по накопленному отрицательному сальдо миграции.

Рис. 2. Накопленный миграционный прирост (убыль) населения федеральных округов и регионов АЗРФ в 2001-2020 годах⁷

Перечисленные тенденции однозначно указывают на *большую* глубину демографических проблем в арктических регионах РФ по сравнению со среднероссийской картиной. В совокупности со стремительно возрастающей значимостью геополитических и социально-экономических императивов развития Арктики такое положение дел актуализирует задачи научного осмысления причин оттока населения из регионов АЗРФ и формирования комплекса мер по борьбе с ним.

Экономические теории миграции. Разработке теоретических подходов и концепций, объясняющих феномен миграции, посвящено множество исследований. По состоянию на сентябрь 2022 года в крупнейшей в России полнотекстовой базе данных научных журналов eLIBRARY.RU находилось 1357 работ, содержащих в метаданных (название статьи, аннотация или ключевые слова) словосочетание «теории миграции». В единой библиографической реферативной базе данных рецензируемой научной литературы Scopus издательства Elsevier на ту же точку актуальности нашлось 4932 исследования, содержащих в метаданных слова «immigration theory». Анализ интенсивности публикаций показывает, что за последние 20 лет интерес к данной теме многократно возрос. В совокупности эти обстоятельства свидетельствуют о большом объеме научного внимания к теоретическому обоснованию феномена миграции как в России, так и за рубежом.

⁷ Там же.

Отмечаемый в последние десятилетия многими учеными [1–4], [5] стремительный рост многообразия исследовательских подходов и попыток теоретического обоснования различных аспектов миграции объясняется существенной многогранностью этого социально-экономического явления. Среди прочих теоретических рамок, предлагаемых социо-гуманитарными науками, выделяется блок экономических теорий миграции, к основным из которых можно отнести:

– группу концепций, обусловленных *макро-* (раскрыта в работах [6–8]) и *микроэкономическими* (описана в [9–11]) *факторами в рамках неоклассической экономики*;

– *новую экономику миграции (New Economics of Labor Migration, NELM)* [12] – подход, основанный на коллективном (как правило, в рамках семьи или домохозяйства) принятии решения о миграции, как стратегии минимизации оказывающих воздействие на группу социально-экономических рисков;

– *теорию двойного рынка труда* (подробно раскрыта в [13]) утверждающая, что международная миграция вызвана постоянным спросом на труд мигрантов, который присущ экономической структуре развитых стран;

– предложенную И. Валлерстайном [14] *теорию мировых систем*, основанную на идее о том, что проникновение капиталистических экономических отношений в периферийные, некапиталистические общества создает мобильное население, склонное к миграции за границу.

Интересно отметить, что, различаясь в объяснении причин миграционных процессов на макроуровне, эти теоретические концепции практически единодушны в обосновании поведения конкретных индивидов, принимающих решения о смене места жительства. В большинстве перечисленных моделей эти действия объясняются с позиции теории рационального выбора, лежащей в основе неоклассической экономической теории. Люди (работники) склонны к переезду в области, где их труд будет оплачен выше.

Под несколько иным углом экономическая мотивация к смене места жительства представлена в модели американского экономиста Ч. Тибу. В работе [15] им была предложена идея о том, что, принимая решение о переезде, люди «голосуют ногами» за оптимальное с их точки зрения соотношение предоставляемых местными сообществами (муниципалитетами) наборы социальных благ и их стоимости. Важным достоинством «гипотезы Тибу» является более широкий взгляд на мотивирующие к переезду основания. В отличие от мотивации, основанной исключительно на факторе максимизации оплаты труда, мотивация в модели Ч. Тибу базируется на оценке спроса домохозяйства

на набор социальных благ, предоставляемый конкретной территорией, и готовности домохозяйства платить определенную фискальную цену за возможность пользоваться этим набором.

Теоретический аппарат и методология исследования.

Перечисленные в предыдущем разделе основные теоретические обоснования миграции на микроэкономическом уровне, то есть в контексте принятия решения о переезде конкретным индивидом или домохозяйством, позволяют выделить в качестве определяющих факторы межрегиональной дифференциации в размерах оплаты труда и соотношения между предложением (с учетом параметров объема и качества) социальных благ и их фискальной ценой. Одновременный комплексный учет обоих факторов является важной методологической позицией применительно к реализации главной цели настоящей работы, заключающейся в определении экономических предпосылок депопуляции арктических регионов РФ.

Анализ межрегиональной дифференциации в уровне оплаты труда не представляется методологически сложной задачей, официальная статистика располагает соответствующей информацией. В то же время учет второго фактора в российских условиях имеет определенную специфику.

Действующее налоговое законодательство РФ предполагает, что фискальная стоимость получаемых человеком социальных благ гомогенна на всей территории РФ. К региональным и местным налогам в соответствии со ст. 14 и 15 НК РФ относятся налог на имущество организаций, транспортный налог, налог на игорный бизнес, земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор. Их предельные значения установлены НК РФ. Поэтому у властей и сообществ российских регионов и городов попросту нет законной возможности корректировать в большую сторону уровень обязательных платежей для обеспечения разного объема производства и качества социальных благ. Еще одним обстоятельством, не позволяющим механистически проецировать принципы, заложенные в «гипотезе Тибу», на российскую действительность является утвержденный ст. 35 БК РФ принцип совокупного покрытия расходов бюджета. В соответствии с ним расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета. Таким образом российские налогоплательщики не имеют законной возможности увеличивать размеры обязательных платежей в бюджет для обеспечения производства дополнительных объемов конкретных социальных благ. Кроме того, объемы и качество последних в области образования, здравоохранения и социальной защиты населения в РФ нормативно регламентированы и не могут произвольным образом корректироваться местным сообществом.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о невозможности применения теоретической конструкции и методологии, предложенных Ч.Тибу, в «чистом виде» для анализа мотивации к переездам жителей российских регионов. В то же время базовый принцип «гипотезы Тибу», заключающийся в сопоставлении объема благ, которые человек получает и цены, которую он за них платит на определенной территории, как экономического мотива для принятия решения о смене места жительства, представляется исключительно важным. Для обеспечения возможности его учета в российских реалиях необходима определенная трансформация «классического» вида модели Тибу.

Решение этой задачи мы предлагаем осуществить исходя из следующей теоретической предпосылки. Поскольку в российских условиях как уровни предложения социальных благ, производимых всеми этажами государственной системы, так и их фискальная цена являются гомогенными, можно сделать вывод, что мотивацию к переезду формирует соотношение между предложением и ценой остальных (производимых в частном секторе) благ, потребляемых жителями (домохозяйствами) территорий. В такой постановке вопроса совокупный объем благ, которые может позволить себе средний житель региона, определяется средним размером заработной платы на соответствующей территории. В отношении неработающих категорий населения – соответствующими средними размерами пенсий и иных социальных выплат. В свою очередь минимальная гарантированная цена, которую должен заплатить житель региона за проживание на соответствующей территории, представляет собой величину прожиточного минимума для соответствующей категории населения. Разница между средним размером заработной платы в регионе и величиной прожиточного минимума, скорректированная с учетом межрегиональной дифференциации стоимости жизни (уровня покупательной способности населения), в данном случае будет представлять собой стоимостной эквивалент набора благ, приобретение которых может позволить себе житель после уплаты минимальной гарантированной цены проживания в регионе. Максимизация этой разницы будет являться основным мотивом к выбору места жительства.

Применение модели и результаты расчетов. Как было показано на диаграмме на рисунке 2, Центральный федеральный округ РФ на протяжении периода с 2001 по 2020 год демонстрировал наибольший миграционный рост численности населения среди всех федеральных округов. В свою очередь, главным регионом-локомотивом этого процесса внутри ЦФО выступала Московская область, обеспечившая на протяжении этого времени 49% миграционного увеличения (1 575 212,0 человек) населения округа. Московская область является крупнейшим реципиентом миграционных потоков в РФ, в том числе

привлекая и жителей арктических регионов России. Руководствуясь предложенной в предыдущем разделе методологией, исследуем экономические основания мотивации к переезду жителей регионов АЗРФ в Московскую область⁸.

В таблице 2 показана разница между средним размером заработной платы и величиной прожиточного минимума для работающего населения в регионах АЗРФ и Московской области на протяжении периода 2011–2020 годов⁹. Согласно принятой ранее логике, эти показатели можно интерпретировать как возможный к приобретению объем социальных благ и минимальную обязательную цену проживания, которую вынуждены платить резиденты территорий. А представленная в таблице разница между ними является стоимостным эквивалентом совокупности благ (СЭСБ), приобретение которых могут позволить себе жители после уплаты такой обязательной цены.

Таблица 2

Разница между средним размером заработной платы и величиной прожиточного минимума для работающего населения в регионах АЗРФ и Московской области на протяжении периода 2011–2020 годов, рублей¹⁰.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Московская область	20 993	24 268	26 719	28 435	29 045	30 442	34 255	38 900	41 957	43 480
Республика Карелия	● 14 320	● 16 369	● 18 243	● 18 847	● 18 118	● 19 971	● 21 136	● 25 427	● 28 469	● 31 063
Республика Коми	● 20 112	● 25 047	● 27 604	● 28 697	● 28 488	● 30 748	● 32 269	● 36 521	● 38 548	● 41 441
Ненецкий автономный округ (Архангельская область)	● 36 918	● 44 140	● 45 558	● 48 509	● 51 752	● 51 911	● 52 509	● 61 426	● 66 421	● 69 266
Архангельская область (кроме Ненецкого автономного округа)	● 14 506	● 17 494	● 19 209	● 20 967	● 21 764	● 26 240	● 27 991	● 32 531	● 35 961	● 38 272
Мурманская область	● 23 358	● 26 598	● 29 642	● 31 214	● 31 823	● 34 848	● 37 558	● 42 738	● 46 336	● 50 697
Ханты-Мансийский авт. округ - Югра	● 35 674	● 40 511	● 42 920	● 45 326	● 45 105	● 48 393	● 51 458	● 55 281	● 59 198	● 62 682
Ямало-Ненецкий авт. округ	● 48 143	● 52 359	● 56 216	● 59 715	● 60 921	● 66 661	● 73 369	● 80 944	● 84 578	● 93 813
Красноярский край	● 18 136	● 20 404	● 22 772	● 24 430	● 24 844	● 27 011	● 29 424	● 33 303	● 36 904	● 40 587
Республика Саха (Якутия)	● 23 193	● 28 344	● 33 900	● 36 928	● 38 258	● 42 032	● 44 578	● 51 142	● 55 075	● 58 325
Чукотский авт. округ	● 41 709	● 48 406	● 53 111	● 62 178	● 62 152	● 68 381	● 71 395	● 76 718	● 84 438	● 95 930

Зелеными маркерами в таблице 2 выделены значения СЭСБ (номинальные, до корректировки на уровень покупательной способности населения), превышавшие в соответствующих периодах и регионах

⁸ В принципе предложенная методика позволяет осуществлять сопоставления между любыми парами регионов.

⁹ Для презентации результатов в формате журнальной статьи период исследования уменьшен с 20 до 10 лет. Вместе с тем, как показывают расчеты автора, представленные выводы и закономерности актуальны и для всего 20-летнего периода.

¹⁰ Источник данных: Росстат <https://www.fedstat.ru/indicators> [доступ 01.10.2022 г.]. Расчеты автора.

величину показателя Московской области. Такая ситуация свидетельствует об отсутствии экономических предпосылок мотивации к переезду из соответствующих регионов АЗРФ в Московскую область. Напротив, для жителей регионов с преимущественно красной маркировкой значения показателя (Республика Карелия, Архангельская область, Красноярский край, отчасти Республика Коми) существует устойчивая экономическая мотивация к переезду. Совокупность благ, которую могут позволить себе жители этих регионов ниже по сравнению с Московской областью.

Корректировка номинального показателя СЭСБ на уровень покупательной способности населения делает картину экономических причин миграции более рельефной. Для ее осуществления был использован показатель стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг¹¹, рассчитываемый Росстатом для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения. Корректировка осуществлялась путем умножения абсолютных значений СЭСБ (таблица 2) на рассчитанные для соответствующих регионов и периодов коэффициенты паритета покупательной способности населения (1):

$$Кппс_j^i = \frac{СФН_j^i}{\min(СФН_j)}, \quad (1)$$

где $Кппс_j^i$ - коэффициент паритета покупательной способности населения i -го региона (регионы АЗРФ и Московская область) в j -м году (период с 2003 до 2020 года);

$СФН_j^i$ - стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в i -м регионе в j -м году;

$\min(СФН_j)$ – минимальное значение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг среди всех регионов выборки в j -м году.

Данные, полученные в результате корректировки показателя СЭСБ на уровень покупательной способности населения (таблица 3), красноречиво свидетельствуют о наличии существенных экономических предпосылок для населения большинства арктических регионов РФ к переезду с Севера. Для маркировки соотношения откорректированного значения СЭСБ в регионах АЗРФ с уровнем Московской области в таблице 3 применена аналогичная таблице 2 схема цветовой индикации результатов. К группе регионов, отмеченных в числе проблемных в таблице 2,

---

¹¹ <https://www.fedstat.ru/indicator/31052>.

добавились также Мурманская область и Республика Саха (Якутия). Таким образом отсутствие экономических оснований мотивации к переезду можно констатировать только в трех регионах АЗРФ: Ненецком, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. В остальных семи регионах на протяжении исследуемого периода имело место устойчивое сочетание экономических факторов, формирующее у населения мотивацию к смене места жительства.

Таблица 3

Разница между средним размером заработной платы и величиной прожиточного минимума для работающего населения в регионах АЗРФ и Московской области на протяжении периода 2011-2020 годов, скорректированная на уровень покупательной способности населения, рублей¹²

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Московская область	20 234	22 990	25 880	26 487	27 094	28 432	30 986	35 544	38 714	39 813
Республика Карелия	● 14 276	● 16 369	● 18 243	● 18 042	● 17 268	● 19 113	● 19 858	● 24 066	● 27 255	● 29 515
Республика Коми	● 18 034	● 22 677	● 25 505	● 26 666	● 26 823	● 29 443	● 30 477	● 34 080	● 36 558	● 38 396
Ненецкий автономный округ (Архангельская область)	● 23 829	● 29 816	● 32 968	● 34 458	● 37 278	● 38 642	● 39 492	● 47 826	● 52 473	● 55 653
Архангельская область (кроме Ненецкого автономного округа)	● 13 275	● 16 267	● 17 671	● 19 292	● 20 238	● 24 335	● 25 678	● 30 150	● 33 346	● 35 193
Мурманская область	● 19 544	● 22 471	● 25 492	● 26 121	● 26 974	● 29 895	● 31 784	● 36 458	● 39 675	● 43 434
Ханты-Мансийский авт.округ - Югра	● 28 290	● 32 194	● 34 948	● 37 932	● 38 253	● 41 271	● 43 894	● 47 931	● 51 018	● 52 871
Ямало-Ненецкий авт.округ	● 34 982	● 39 527	● 43 580	● 45 767	● 47 701	● 53 214	● 58 348	● 67 125	● 70 966	● 79 370
Красноярский край	● 18 136	● 20 031	● 22 747	● 24 430	● 24 844	● 27 011	● 29 424	● 33 303	● 36 904	● 40 587
Республика Саха (Якутия)	● 18 494	● 22 826	● 27 905	● 30 460	● 31 438	● 34 494	● 35 727	● 41 308	● 44 437	● 46 738
Чукотский авт.округ	● 24 818	● 28 322	● 32 075	● 39 230	● 40 719	● 43 420	● 46 153	● 46 075	● 49 232	● 57 523

Основные результаты и выводы. Проведенное в настоящей статье исследование позволило получить ряд новых теоретических, методологических и практических результатов. На основе анализа современных экономических теорий миграции, а также в результате адаптации теоретического аппарата гипотезы Тибу была разработана модель, основанная на данных официальной российской статистики, предназначенная для исследования причин межрегиональной миграции населения России. Апробация модели на статистических данных регионов ЦФО и АЗРФ за 2011-2020 годы показала ее состоятельность.

В результате укрупненного анализа демографических процессов в российской Арктике были выявлены основные депопуляционные тенденции этого макрорегиона: общее снижение численности населения, старение населения, сокращение доли населения в трудоспособном

¹² Источник данных: Росстат: <https://www.fedstat.ru/indicator/31052> [доступ 01.10.2022 г.]. Расчеты автора.

возрасте и миграционный отток. С помощью предложенных теоретических обоснований и методологии было проведено исследование лежащих в их основании причин. Результатом исследования стали выводы о наличии у населения регионов АЗРФ существенных экономических мотивов к выезду в центральные области России. Главным экономическим фактором, обуславливающим такого рода мотивацию, является разница между доходами населения и совокупностью показателей, характеризующих стоимость жизни на конкурирующих за население с АЗРФ территориях.

Предложенная в статье методология межрегиональных сопоставлений стоимостного эквивалента совокупности благ, приобретение которых могут позволить себе жители различных территорий, позволяет в дальнейшем сформировать подход к экономической оценке объема ресурсов, необходимых для сокращения масштаба миграционного оттока путем повышения благосостояния населения.

Список использованной литературы:

1. Mapping migration studies: An empirical analysis of the coming of age of a research field / A. Pisarevskaya [и др.] // *Migration Studies*. 2020. Т. 8. Mapping migration studies. № 3. С. 455-481.

2. Integrating Immigrants in Europe: Research-Policy Dialogues. Integrating Immigrants in Europe / P. Scholten [и др.]. 2015.

3. Morawska E. International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity. *International Migration Research* / E. Morawska, M. Bommers. London: Routledge, 2016. 304 с.

4. Theories of International Migration: A Review and Appraisal / D.S. Massey [и др.] // *Population and Development Review*. 1993. Т. 19. Theories of International Migration. № 3. Pp. 431-466.

5. King R. Theories and Typologies of Migration: An Overview and A Primer // *Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations*. 2012. Т. 12. Theories and Typologies of Migration. Pp. 1-43.

6. Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis // *The American Economic Review*. 1970. Т. 60. Migration, Unemployment and Development. № 1. Pp. 126-142.

7. Ranis G.A., Fei J.C.H. Theory of Economic Development // *The American Economic Review*. 1961. Т. 51. № 4. Pp. 533-565.

8. Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // *The Manchester School*. 1954. Vol. 22. № 2. Pp. 139-191.

9. Todaro M.P., Maruszko L. Illegal Migration and US Immigration Reform: A Conceptual Framework // *Population and Development Review*. 1987. Т. 13. Illegal Migration and US Immigration Reform. № 1. Pp. 101-114.

10. Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // The American Economic Review. 1969. Т. 59. № 1. С. 138-148.

11. Sjaastad L.A. The Costs and Returns of Human Migration // Journal of Political Economy. 1962. Т. 70. № 5. Pp. 80-93.

12. Stark O., Bloom D.E. The New Economics of Labor Migration // The American Economic Review. 1985. Т. 75. № 2. Pp. 173-178.

13. Piore M.J. Birds of passage: migrant labor and industrial societies. Birds of passage. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979.

14. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / И. Валлерстайн Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит, наук Б.Ю. Кагарлицкий. – СПб: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.

15. Tiebout C.M. A pure theory of local expenditures // Journal of political economy. 1956. Т. 64. № 5. Pp. 416-424.

УДК 316.4

А.Г. КАРИМОВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: karaigal@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА» В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF "SOCIAL CAPITAL" IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL CHANGES

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В работе рассмотрен феномен социального капитала в контексте современных социокультурных изменений. Систематизированы существующие дефиниции социального капитала, предлагаемые зарубежными исследователями. Рассмотрена структура трудового капитала, предложено дополнить ее важным элементом – системой ценностей, обуславливающей уровень и качество других компонентов социального капитала. Обоснована необходимость рассмотрения социального капитала во взаимосвязи с социокультурными изменениями, оказывающими преобладающее влияние на характер, формы и эффективность социального капитала.

Abstract. The paper considers the phenomenon of social capital in the context of modern socio-cultural changes. The existing definitions of social capital proposed by foreign researchers are systematized. The structure of labor

capital is considered, it is proposed to supplement it with an important element – a system of values that determines the level and quality of other components of social capital. The necessity of considering social capital in relation to socio-cultural changes that have a predominant impact on the nature, forms and effectiveness of social capital is substantiated.

Ключевые слова: социальный капитал, социокультурные изменения, структура социального капитала, ценности, доверие, нормы.

Keywords: social capital, sociocultural changes, structure of social capital, values, trust, norms.

Тема социального капитала находится в фокусе исследовательского внимания ученых в течение последнего полувека. Интерес к концепции социального капитала в отечественной и западной науке с каждым годом только усиливается. И это не удивительно, поскольку значимость социальных отношений в качестве источников повышения эффективности организаций, функционирования институтов и качественных изменений социальной мобильности будет только расти. Необходимо отметить, что исследование «социального капитала» осложняется существованием целого ряда подходов к его пониманию, отсутствием консенсуса относительно природы «социального капитала» и методов его оценки. Такая ситуация имеет закономерный характер и обусловлена не только многоаспектностью и сложностью «социального капитала», но также и тем, что «социальный капитал» находится в исследовательской орбите различных дисциплин (философии, психологии, экономики, социологии, психология, политологии, менеджменте, теория организации и др.).

Особую актуальность исследование социального капитала будет иметь во взаимосвязи с социокультурными изменениями, происходящими в современном обществе, детерминированными как тенденциями глобального характера, так и геополитическими факторами, оказывающими существенное влияние на динамику социальных отношений внутри страны и между различными странами. В свою очередь, отдельный интерес обозначенной проблематике вызван слабым развитием социального капитала применительно к российским условиям. Так, по мнению многих исследователей в России наблюдается острый дефицит социального капитала, который в значительной мере определяет невысокие показатели социально-экономического развития, качества и уровня жизни населения в целом [1].

Несмотря на то, что категория социального капитала по количеству связанных с ней публикаций и ссылок, является одной из популярнейших в современной науке ее интерпретация и понимание остаются неоднозначными и противоречивыми. Это связано с тем, что данное явление интерпретируется в различных подходах с разных позиций.

Социальный капитал как особое явление современной социально-экономической действительности стал объектом пристального изучения сравнительно недавно в конце XX в., хотя истоки восходят еще к политэкономии. Так, по мнению отдельных исследователей интерес к этому явлению был связан, в частности, с тем, что господствующий в качестве концептуальной парадигмы человеческого поведения 'экономический детерминизм оказался неспособен объяснить многие реалии не только общественной жизни, но и рынка труда и трудовых отношений [2].

Одним из первых категорию «социальный капитал» использовал Л. Дж. Ханифан, который определил его как «Материальные субстанции, [которые] имеют наибольшее значение в повседневной жизни людей: а именно добрая воля, товарищество, сочувствие и социальное общение между отдельными людьми и семьями, которые составляют социальную единицу» [3].

Исследованию различных аспектов социального капитала, его структурных элементов посвящены труды целого ряда ученых. Среди них можно выделить работы Дж. Тернера, Р. Патнема, П. Бурдьё, У. Бейкера, Ф. Фукуямы, Р. Ингельхарта, А. Портеза, Дж. Коулмана, М. Вулкока, П. Сорокина, и др. Интерпретации категории «социальный капитал» в представлениях наиболее значимых исследователей представлены в табл.1.

Таблица 1

Дефиниции социального капитала

Автор	Дефиниция
1	2
Л. Дж. Ханифан	«Материальные субстанции, [которые] имеют наибольшее значение в повседневной жизни людей: а именно добрая воля, товарищество, сочувствие и социальное общение между отдельными людьми и семьями, которые составляют социальную единицу» [4]
Дж. Тернер	«силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций, и которые действуют на макро-, мезо- и микроуровнях» [5]
Р. Патнэм	«уходящие в глубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем» [6]

Продолжение таблицы 1

1	2
П. Бурдьё	«это совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [7]
Дж. Коулмен	«ресурсы социальных отношений и сетей связей, облегчающих действия индивидуумов за счет формирования доверия, определения взаимных обязанностей и ожиданий, формулирования норм, создания ассоциаций» [8]
Ф. Фукуяма (F. Fukuyama)	«неформальные нормы или ценности, которые делают возможными коллективные действия в общностях людей. Это может быть как малая группа, состоящая из двух друзей, которые, например, помогают друг другу переехать на другую квартиру, или большая группа, скажем корпорация, или общество в целом». «...пример неофициальных норм и ценностей, который содействует развитию сотрудничества между двумя или более лицами» [9]
У. Бейкер	«...ресурсы, которые позволяют субъектам поддерживать и развивать социальные связи и укреплять социальное положение» [10]
А. Портез	«... способность индивидов распоряжаться редкими ресурсами, благодаря своей принадлежности к объединениям или более широким социальным структурам» [11]
М. Вуллок	«информация, доверие и устоявшиеся взаимные нормы, присущие определенным социальным слоям» [12]
К. Хьюбер	«...ресурсы, содержащиеся в социальных отношениях...» «...доступ к использованию таких ресурсов, имеющийся у акторов» [13]
А. Портез	«Способность управлять скудными средствами путем целомудренного участия в социальных структурах» [14]
Т. Файст	«Социальный капитал означает способность индивидов использовать (ограниченные) ресурсы, такие как информация, контакты, деньги, поскольку эти индивиды являются членами социальной сети и организации» [15]

При рассмотрении структуры социального капитала, необходимо отметить, что в существующих исследованиях нет единого мнения об элементах социального капитала. Различия в содержании данного явления определяются подходом и целями того или иного исследователя. Однако, преобладающее большинство ученых, занимающихся исследованием различных аспектов социального капитала сходятся во мнении, что основными элементами социального капитала являются доверие, внутригрупповые нормы, а также социальные сети и связи.

Некоторые исследователи предлагают расширить данный подход, добавив в него дополнительных параметров, таких как информационная обеспеченность, гражданская идентичность [16]. На наш взгляд, структуру социального капитала следует дополнить еще одним важным элементом – системой ценностей, обуславливающей уровень и качество других компонентов социального капитала.

По нашему мнению, социальный капитал не может рассматриваться в отрыве от социокультурных изменений, оказывающих преобладающее влияние на характер, формы и эффективность социального капитала. По результатам исследований отдельных отечественных социологов социальный капитал является существенной детерминантой укрепления этнической культуры и традиций. Так, по мнению И.Э. Захарян «в условиях социокультурных изменений социальный капитал становится фактором сохранения этнокультуры, диаспоры в иноэтнической среде, что основано на взаимном признании собственной этничности ее представителями. Межличностные связи выступают в качестве источника поддержки, используемого мигрантами на первоначальных этапах проживания в регионе» [17].

Также, например, некоторые исследователи акцентируют внимание на страновой специфике социокультурных аспектов. Так, анализируя такие показатели, как социальное доверие, членство граждан в различных добровольных объединениях, организациях, профсоюзах, сообществах, плотность социальных сетей, Ф. Адам и Д. Подменик отмечают, что страны Европы можно условно разделить на три категории – страны с высоким уровнем доверия, средним и низким. В первую категорию стран (high-trust society) попадают Швеция, Финляндия, Норвегия и Нидерланды, во вторую (medium-trust society) – Швейцария, Германия, Бельгия, Австрия, Испания, Исландия, Ирландия, Белоруссия, остальные страны – Франция, Испания, Италия, а также практически все государства бывшего социалистического лагеря, бывшие республики СНГ (кроме Белоруссии), включая Россию, относятся к категории стран с низким уровнем доверия и дефицитом социального капитала (low-trust society) [18].

Таким образом, исследование социального капитала представляет исключительный научный и практический интерес. При этом, отдельного внимания требует рассмотрение социального капитала с позиции учета социокультурных изменений, происходящих в нашем обществе. Такой подход позволит произвести комплексный анализ социального капитала, включающий изучение степени влияния на него ключевых факторов общественного развития.

Список использованной литературы:

1. Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В. [и др.] Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. – 2009. – Т. 1. – № 1. – С. 20-35.
2. Гуськова Н.Д., Ключева А.П. Современные теории социального капитала // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 152-160.
3. Ханифан Л.Дж. (1912). «Сельская школа и сельская жизнь». Школьный журнал Западной Вирджинии (4): 204-7.
4. Turner, J. The formation of Social Capital: A Multifaceted Perspective / J. Turner [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/255610686_The_formation_of_social_capital (дата обращения 20.09.2022).
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. – С. 224.
6. Бурдые П. Формы капитала [Электронный ресурс] / Пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология: электронный журнал. – 2002. – Том 3, № 5. Режим доступа: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/120820_5039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения 20.09.2022).
7. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 126.
8. Тарасенко В. В. Кластерная идентичность и социальный капитал // Философские науки. – 2011. – № 12. – С. 108-115.
9. Полюшкевич О.А. Социальный капитал преподавателя университета // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2015. – № 5. – С. 23-26.
10. Саградов А.А. Воспроизводство населения и социальный капитал // Вестник Московского университета. Сер.6. Экономика. – 2006. – № 5. – С. 15-31.
11. Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory // The World Bank Research Observer. 2000. – № 15. – Pp. 225-251.
12. Лебедева Н.М., Бушина Е.В., Черкасова Л.Л. Ценности, социальный капитал и отношение к инновациям // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 28-41.
13. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. – Pp. 1-24
14. Faist T. Sociological theories of international migration the missing meso link/ Paper presented at the meeting of the theory Group of migration and development. Hamburg. 1995.

15. Утина М.С. Социальный капитал как ресурс антикризисной стратегии: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 4. – С. 340-347.

16. Захарян И.Э. Социальный капитал современной диаспоры в контексте культурных изменений: на примере армянского сообщества Саратовской области: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Захарян Инара Эдвардовна; [Место защиты: Сарат. гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А.]. – Саратов, 2013. – 183 с.

17. Бондарь Е.А. Социальный капитал в западном социокультурном аспекте. Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 18-21.

УДК 332.025

Н.И. МАК

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: nina.mak.94@mail.ru

МОДЕЛЬ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАСТНИКА ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MODEL OF COMPETENCES OF THE PARTICIPANT OF THE PROJECT

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. Настоящая статья рассматривает основные трудности, возникающие при разработке модели компетенций проектной деятельности. Приведены результаты сравнений основных зарубежных моделей компетенций в области проектного управления. В исследовании представлена российская модель компетенций для участников проектной деятельности, разработанная ведущими экспертами-практиками и методологами.

Abstract. This article considers the main difficulties that arise during development of a competency model for project. The results of comparisons of the main foreign competencies models in the field of project management are presented. The study presents the Russian model of competencies for participants in project, developed by leading expert practitioners and methodologists.

Ключевые слова: проектное управление, модель компетенций, участник проектной деятельности, личностно-управленческие компетенции, профессионально-технические компетенции.

Keywords: project management, competency model, project participant, managerial competencies, vocational competencies.

В настоящее время существует два подхода к развитию компетенций, первый – это использование общих моделей компетенций, и второй – разработка собственных, например, корпоративных моделей компетенций. При этом модели должны содержать три группы компетенций, актуальных в текущем столетии: цифровая грамотность; обучающие инновационные навыки; жизненные навыки, подразумевающие адаптивность, самостоятельность и ответственность.

Трудности создания моделей кроются в сложности объединения специалистов по управлению человеческими ресурсами и специалистами по управлению проектами, в неопределенности и разночтении дефиниций, неэффективная неприменимость стандартов управления проектами, возникающая ввиду специфики психологической жизни людей – менталитета.

Для анализа были определены модели компетенций четырех стандартов по управлению проектами: PMBoK (США), ISB 4.0 (Швейцария), АРМ (Великобритания) и P2M (Япония). В таблице 1 приведены личностно-управленческие компетенции в разрезе выбранных стандартов по управлению проектами.

Таблица 1

Личностно-управленческие компетенции основных стандартов по управлению проектами

Сходные компетенции			
PMBoK	ISB 4.0	АРМ	P2M
Лидерство	Лидерство	Лидерство	Лидерство
Урегулирование конфликтов	Конфликты и кризисы	Разрешение конфликтов	
Влияние	Отношение и вовлечение	Влиятельность	-
Объединение команды	Организация работы в команде	Вдохновение окружающих	-
Коммуникация	Межличностные коммуникации	-	Навыки взаимоотношений
Умение вести переговоры	Эффективные переговоры		
Отличные компетенции			
Мотивация	Творчество	Работа с неопределенностью	Возможность самореализации
Принятие решений	Самоорганизация	Инновационная направленность	Стратегическое мышление

Как видим из таблицы, набор компетенций значительно различается, однако понятие «лидерство» встречается во всех рассмотренных стандартах. Помимо указанных в таблице компетенций в стандартах встречаются следующие: политическая и культурная осведомленность, устойчивость, сотрудничество, координация, интегральное мышление, надежность, коучинг и др. [6]. Модели компетенций складываются с учетом ментальности людей той или иной территории.

До недавних пор отсутствовала российская модель компетенций участника проектной деятельности. Тогда рабочей группой, в состав которой вошли с А.С. Товб – Президент Ассоциации «Совет», Г.Л. Ципес – сотрудник ООО «ИБС Экспертиза», Н.С. Гаркуша – директор Агентства проектного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и иные эксперты в области проектного управления, в том числе А.В. Ожаровский – директор проектов ПАО «Сбербанк», была проведена колоссальная работа по ее разработке.

Итогом совместной работы специалистов и практиков такого уровня стала российская модель компетенций участников проектной деятельности 5/12 (таблица 2). Данная модель включила две группы компетенций:

- лично-управленческие – «надпрофессиональные» компетенции, которые не зависят от сферы деятельности специалиста и окружения проекта, однако незаменимы при достижении поставленных результатов;
- профессионально-технические – совокупность специализированных компетенций, позволяющая обеспечить достижение цели проекта в соответствии с исполняемой ролью участника.

Первая группа компетенций объединила 5 позиций, вторая группа состоит из 12 компетенций, чем и обосновано название модели.

Таблица 2

Модель компетенций участников проектной деятельности 5/12

Блок «лично-управленческий»	Блок «профессионально-технический»
1	2
лидерство	цифровая культура управления проектом
эффективность	формирование архитектуры и организация проекта
командность	управление требованиями и целями проекта
коммуникативность	управление сроками проекта
рациональность	управление качеством проекта
-	управление финансами проекта
-	управление финансами проекта
-	управление ресурсами проекта

Продолжение таблицы 2

1	2
-	управление закупками и поставками проекта
-	управление рисками и возможностями проекта
-	управление заинтересованными сторонами проекта
-	управление интеграцией проекта

Указанная модель имеет ряд положительных качеств, во-первых, она разработана во взаимодействии специалистов проектной деятельности со специалистами по развитию кадрового потенциала сотрудников, во-вторых, сформулированы поведенческие индикаторы компетенций, в-третьих, учтены социальные установки и поведение российских специалистов.

Департаментом проектной деятельности Правительства Российской Федерации проведена масштабная работа по формированию системы управления проектной деятельностью при реализации национальных проектов, цели которых закреплены Майским Указом Президента Российской Федерации. Утверждены порядок разработки проектов, разъяснения по заполнению форм паспортов, порядок внесения изменений в проекты, порядок по определению уровня достижения проекта, закреплены условия участия муниципальных образований в проектах, разработаны различные типовые формы документов и многое другое. Основные принципы устройства системы проектного управления в государственном секторе изложены в постановлении Правительства страны «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [4]. Однако, несмотря на значительные успехи при формировании системы управления проектной деятельностью, не отработана в настоящее время задача по формированию компетенций у участников проектов.

В модели проектно-ориентированной системы управления управление компетенциями участников проектной деятельности входит в блок вспомогательных процессов управления наряду с технологической, организационной поддержкой и управлением мотивацией [1].

В связи с чем в качестве рекомендации предлагается рассмотреть внедрение модели компетенций участников проектной деятельности 5/12 в практику реализации национальных проектов. Данная модель должна лечь в основу образовательных программ и систему оценки участников проектной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Проектное управление в органах власти / Н.С. Гегедюш, О.Г. Кирилук, Е.П. Константинова [и др.] // Учебник и практикум для вузов 2-е издание. – М.: ООО «Издательство ЮРАЙТ», – 2020. – 186 с.
2. Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi. Искусство управления. – 2014. – № 2. – С. 45-62.
3. Кудеева А.Р. Проектное управление в России: проблемы и перспективы // Плехановский барометр. – 2017. – № 3. – С. 17-20.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронный фонд прав. и норм.-тех. документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/551541664> (дата обращения 04.10.2021)
5. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд прав. и норм.-тех. Документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575> (дата обращения 04.10.2021).
6. Гаркуша Н.С. Модель компетенций участников проектной деятельности «5/12»: обоснование разработки и ключевые результаты // Управление проектами и программами. – 2019. – № 1. – С.46-55.

УДК 316.62

Ю.В. МИГУНОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: ignatenko_isei@mail.ru

РЕСУРСЫ ЗДОРОВЬЯ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

HEALTH RESOURCES AS A FACTOR OF INFLUENCE OF SOCIAL CAPITAL

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. Ресурсы здоровья осмысливаются как степень доступа населения к возможностям сохранения и укрепления здоровья, реализации здоровьесберегающего поведения. Результаты воплощения этих возможностей обуславливают уровень общественного здоровья. Инструментом исследования состояния здоровья населения России стал

метод статистического анализа, применяемый на основе выбранных показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении, ожидаемой продолжительности здоровой жизни и материнской смертности населения.

Abstract. Health resources are understood as the degree of access of the population to the possibilities of maintaining and strengthening health, the implementation of health-saving behavior. The results of the implementation of these opportunities determine the level of public health. The tool for studying the state of health of the population of Russia was the method of statistical analysis, applied on the basis of selected indicators of life expectancy at birth, healthy life expectancy and maternal mortality.

Ключевые слова: ресурсы здоровья; социальный капитал; общественное здоровье; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; ожидаемая продолжительность здоровой жизни; материнская смертность.

Keywords: health resources; social capital; public health; life expectancy at birth; healthy life expectancy; maternal mortality.

Социальный капитал представляет собой определенную цепь социальных взаимодействий, связей и отношений, складывающихся между субъектами. Как правило, эти отношения индивидуализированы, сопровождаются двусторонними обязательствами и ожиданиями. С этой точки зрения, социальные институты как формы организации совместной деятельности людей представляют собой комплекс постоянно воспроизводимых социальных отношений, консолидируя общество вокруг социально значимых целей, такой, например, как реализация социальных потребностей в здоровой и продолжительной жизни [1]. Эти потребности могут быть удовлетворены в рамках института здравоохранения. В целях сохранения и укрепления общественного здоровья, популяризации здорового образа жизни, здоровьесберегающего поведения развитый коллективный социальный капитал воздействует на сферу здравоохранения, сплачивает общество, открывая доступ к ресурсам здоровья. Последние, в свою очередь, способствуют повышению качества жизни населения. В русле концепции социального капитала индикаторами, отражающими степень доступа населения к ресурсам здоровья, являются такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, материнская смертность населения.

Важными показателями, демонстрирующими уровень общественного здоровья, являются ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) и ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ). Первый индикатор обозначает среднее число лет, которое предстоит прожить человеку, родившемуся в данном году, при условии, что на

протяжении всей его жизни половозрастные показатели смертности останутся такими же, как и на момент его рождения [2]. Величина ОПЗЖ наиболее точно отражает состояние здоровья населения, т.к. характеризует число лет, в течение которых, как ожидается, индивид будет обладать определенным состоянием здоровья при неизменном уровне смертности и заболеваемости [3].

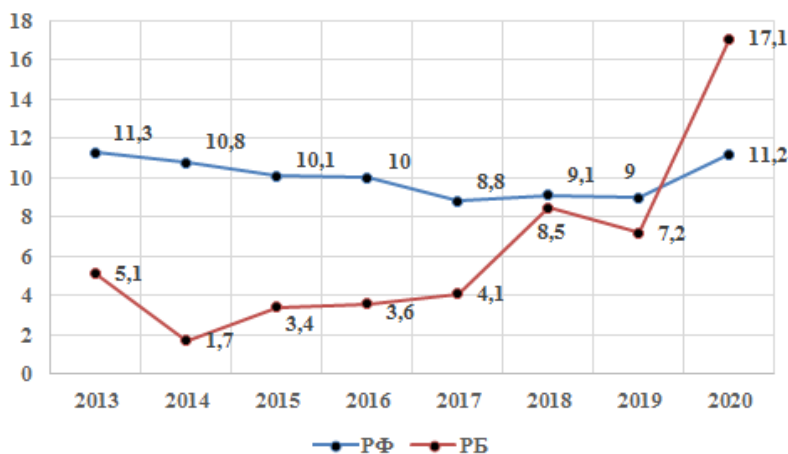
В последние десять лет в России фиксируется стабильное повышение ОПЖ населения. Так, например, за период 2011–2020 годов прирост показателя составил 2,4 % по сравнению с 2011 годом (с 69,83 лет в 2011 году до 71,54 в 2020 году). При этом за обследуемый период ОПЖ мужчин выросла на 3,8 %, что касается женщин, то за последние годы их показатель практически не вырос, увеличившись всего на 1 %, с 75,61 лет в 2011 году до 76,43 в 2020 году [4,5].

Рост материнской смертности в России за последние два года косвенно может объяснять стабилизацию значения ОПЖ женщин в период 2011–2020 годов: ее убыль за период 2011–2019 годов составила 30,9 % по отношению к 2011 году, однако с 2019 по 2020 год показатель возрос уже на 24,4 % [6].

Наименьшие индикаторы материнской смертности фиксировались в Северо-Кавказском (4,4 человек на 100000 родившихся живыми), Уральском (7,6), Центральном (10,4), Сибирском (10,6) федеральных округах. Показатели материнской смертности выше среднероссийского значения наблюдались в таких федеральных округах, как Северо-Западный (18,9), Дальневосточный (17,8), Приволжский (11,9).

В Приволжском федеральном округе материнская смертность в период 2013–2020 годов увеличилась на 26,6 % (с 9,4 человек на 100000 родившихся живыми в 2013 году до 11,9 в 2020 году). Причем в отличие от общероссийских тенденций на протяжении всего периода показатель продолжал стабильно возрастать в этом субъекте. Как регион с высоким показателем материнской смертности, Республика Башкортостан (РБ) в 2020 году занимала третье место в печальном рейтинге – 17,1 человек на 100000 родившихся живыми – после Ульяновской (38,8) и Кировской (37,8) областей.

При этом в период 2013–2014 годов материнская смертность в республике сократилась на 66,7 %. Интересно, что на протяжении 2013–2018 годов данный показатель в РБ в среднем был в 3 раза ниже, чем по России в целом. С 2018 года значения индикатора как среднероссийского, так и регионального практически выравниваются. Однако в период 2019–2020 годы наблюдается стремительный рост материнской смертности по республике, который привел к достаточно высоким значениям, превысившим в 2020 году среднероссийский показатель в 1,5 раз (рис.) [6].

Рис. Динамика материнской смертности в Российской Федерации и Республике Башкортостан в период 2013–2020 годов (число умерших женщин от осложнений, связанных с беременностью и родами, на 100000 родившихся живыми)

Данную негативную динамику можно объяснить кризисными явлениями, характерными не только для социально-экономического развития России, но и для всего мирового сообщества. Прежде всего, кризис проявился в экономической и политической нестабильности, усилив тенденции к социальному расслоению, вызванные снижением доходов населения и, как следствие, обострившие проблемы качества жизни.

Как статистический показатель, материнская смертность населения, прежде всего, отражает качество женского, репродуктивного здоровья, возможности его сохранения и укрепления, а также уровень развития системы родовспоможения и ее доступность. Оценка материнской смертности является важным инструментом диагностики уровня общественного здоровья, характеризующим возможности государственной системы здравоохранения.

Возвращаясь к анализу показателя ОПЗЖ в России за период 2019–2020 годов, обнаруживаем его сокращение на 2,3 % (с 60,3 лет в 2019 году до 58,9 в 2020 году). Наибольшие значения ОПЗЖ фиксировались в республиках Северного Кавказа, таких как Дагестан (68,2 года) и Чеченская Республика (66,4), что связано с традиционно высокими показателями ОПЖ и ОПЗЖ населения. По величине ОПЗЖ населения в 2020 году Северо-Кавказский федеральных округ занимал лидирующие позиции – 61,3 года.

В 2020 году особенно низкие значения ОПЗЖ населения фиксировались в таких регионах, как Чукотский автономный округ (37,0 лет), Еврейская автономная область (48,3), а также Республика Тыва (50,5). В этих субъектах за последние два года произошло колоссальное снижение ОПЗЖ. Так, например, за 2020 год в Чукотском автономном округе показатель снизился на 24,6 % (с 49,1 года в 2019 году до 37,0 в 2020 году), в Еврейской автономной области – на 8,9 %, в Республике Тыве – на 11,6 % по сравнению с 2019 годом. В некоторых регионах, например, в Республике Алтай, снижение показателя за обследуемый период достигло 13 % (с 58,6 лет в 2019 году до 51,0 в 2020 году).

За 2020 год такие же тенденции наблюдались в Приволжском федеральном округе, значение показателя которого составило 59,7 лет. Единственным регионом этого федерального округа, где ОПЗЖ возросла и, наряду с регионами Северо-Кавказского федерального округа, являлась одной из самых высоких в России, была Республика Татарстан. Прирост ее показателя к 2020 году составил 2,3 % (с 65,4 лет в 2019 году до 66,9 в 2020 году). По всем остальным регионам Приволжского федерального округа фиксировалось устойчивое снижение, что говорит о серьезных проблемах в сфере общественного здоровья, вызванных не только периодом эпидемии новой коронавирусной инфекции, но и общим снижением уровня и качества жизни населения на фоне кризисных явлений в мировой и российской экономике (табл.) [7].

Таблица

**Динамика ОПЗЖ Приволжского федерального округа в
2019–2020 годах, число лет**

Регионы	2019 г.	2020 г.	Прирост/Убыль, в %
Республика Башкортостан	58,9	60,1	-2,0
Республика Марий Эл	56,0	49,9	-10,9
Республика Мордовия	62,7	55,0	-12,3
Республика Татарстан	65,4	66,9	+2,3
Удмуртская Республика	61,2	57,2	-6,5
Чувашская Республика	61,3	59,0	-3,8
Пермский край	60,0	58,1	-3,2
Кировская область	59,8	55,5	-7,2
Нижегородская область	58,9	59,9	-1,2
Оренбургская область	59,5	58,7	-1,3
Пензенская область	58,8	58,4	-0,7
Самарская область	60,6	59,4	-1,2
Саратовская область	60,7	57,7	-4,9
Ульяновская область	60,8	58,8	-3,3

В заключение необходимо отметить, что под социальными ресурсами здоровья понимается доступ населения к возможностям сохранения и укрепления здоровья, подразумевающего рациональное питание, оптимальное регулирование труда и отдыха, здоровый образ жизни, спорт, развитую систему охраны здоровья граждан.

ОПЖ, ОПЗЖ, а также материнская смертность являются важными показателями, отражающими уровень развития общественного здоровья в целом, а также степень функционирования государственной системы здравоохранения. Исследовав динамику ОПЖ населения России, мы обнаружили стабильный прирост показателя на 2,4 % за период 2011–2020 годов. Тем не менее у женщин, в отличие от мужчин, ОПЖ за последнее десятилетие осталась практически на одном уровне – прирост составил 1,0 %. Одной из причин такой стабилизации показателя явился рост материнской смертности населения за период 2019–2020 годов – на 24,4 %. При этом в некоторых федеральных округах, таких, например, как Приволжский, она возросла на 26,6 %.

В отношении ОПЗЖ, прежде всего, отражающей состояние здоровья населения, поскольку здесь число прожитых лет коррелирует с состоянием его здоровья, в период 2019–2020 годов обнаруживается негативная динамика снижения показателя.

Таким образом, в целом доступ россиян к ресурсам здоровья затруднен, т.к. выделенные индикаторы показали достаточно низкую ОПЗЖ и высокую материнскую смертность населения в России.

Список использованной литературы:

1. Гаврикова А.В., Мигунова Ю.В. Влияние качества человеческого капитала на формирование социальных потребностей // Актуальные вопросы современной экономики. – 2017. – № 6. – С. 105–108.

2. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро: Европейский портал информации здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/h2020_19-life-expectancy-females/ (дата обращения: 18.04.2022).

3. Об утверждении методики расчета показателя «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)»: Приказ Росстата № 95 от 25.02.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/metod/naz-proekt/met020003.pdf> (дата обращения: 18.04.2022).

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2020. – 1242 с.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2021. – 1112 с.

6. Семья, материнство и детство: Материнская смертность [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 18.04.2022).

7. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2021: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2022).

УДК 331.54

Е. Н. ПЯТШЕВА

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, e-mail: elena.pyatsheva@hotmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В РОССИИ

PROFESSIONAL ORIENTATION AND ITS IMPACT ON LABOR PRODUCTIVITY IN RUSSIA

Государственное задание – Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001), регистрационный номер: 1021091313151-0-5.4.1.

Аннотация. Социально-экономические преобразования в России, связанные с многочисленными кризисами, и не только в экономике, оказывают значительное влияние на выбор профессии, рынок труда и занятость населения в стране, что особенно актуально для молодого поколения. Выделение человеческого капитала, как специфической социально-экономической категории, способствующей экономическому росту, является сегодня объектом инвестиций для молодежи в долгосрочной перспективе, представляющую собой наиболее многочисленную и значимую группу трудовых ресурсов. Поэтому профессиональная ориентация выступает основным механизмом взаимодействия и сбалансированности между потребностями общества в кадрах (предложением на рынке труда) и профессиональными предпочтениями молодого поколения (спросом на профессии), что должно способствовать эффективному использованию трудовых ресурсов и росту производительности труда.

Abstract. Socio-economic transformations in Russia associated with numerous crises, and not only in the economy, have a significant impact on the choice of profession, labor market and employment of the population in the country, which is especially important for the younger generation. The allocation of human capital, as a specific socio-economic category that contributes to economic growth, is now an object of investment for young

people in the long term, representing the most numerous and significant group of labor resources. Therefore, professional orientation is the main mechanism of interaction and balance between the needs of society in personnel (supply in the labor market) and the professional preferences of the younger generation (demand for professions), which should contribute to the effective use of labor resources and labor productivity growth.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, производительность труда, трудовые ресурсы.

Keywords: professional orientation, labor productivity, labor resources.

Развитие профориентационной деятельности в России совпали с общемировыми тенденциями [1, С. 905-911].

Первые предпосылки обосновать систему норм, методов и принципов рационализации управления производственной деятельности, организации системы труда, подбора кадрового потенциала и оплаты труда были предприняты в США на рубеже XIX-XX вв. Ф.У. Тэйлором. В этот период рост промышленной революции и миграция населения из сельской местности в крупные города в поисках лучшей жизни и заработка требовали новых эволюционных решений от работодателей, не только используя опыт и практику, но и знания в области менеджмента [2, С. 10-17]. Впоследствии это направление развития менеджмента как науки получило название тэйлоризм [3]. Её основная цель является актуальной и сегодня – рост экономической эффективности за счет повышения производительности труда, что было доказано последователями тэйлоризма (Г. Гантт, Ф. и Л. Гилберт, Г. Форд, М. Кук, У. Кларк, Г. Эмерсон, А. Файоль) [4].

Генезис возникновения и трансформации профессиональной ориентации в России берет свое начало с развития ремесленного дела, когда знания передавались от отца к сыну, особенно в период развития промышленности и освоения Сибири и Урала с XVI в., а к концу XIX в. практически во всех крупных промышленных городах (Петербург, Томск, Уфа и другие) появились бюро по подбору персонала и работы на бесплатной основе. Исторические аспекты трансформации профориентационной деятельности нашли отражение в научных трудах О.П. Апостолова [5, С. 7 и 61], Е.В. Гудковой [6, С. 7], И.В. Дементьева [7, С. 32-38], Е.Ю. Пряжниковой [8] и Н.С. Пряжникова [9, С 64].

В царской России, особенно среди молодежи, выбор профессии и направлений работы осуществлялся на основе признания, расчёта, семейных традиций либо случайно, что нашло свое отражение в «Кающемся энциклопедисте».

В начале XX в. российская профориентация развивалась по двум направлениям: были как последователи тейлоризма (А.М. Аронов, А.С. Гацук, О.А. Ерманский, В.Я. Железнов, Л.А. Левенстерн,

А.В. Панкин, Р.В. Поляков, Н.Н. Саввин, Н. Сарровский, И.Х. Озеров) [10, С.131–148], считавшие необходимым использование НТП (научно-технического прогресса) для повышения производительности труда и благосостояния граждан, так и те, кто относился с глубокой критикой к этому направлению науки (Г.А. Алексинский, В.П. Воронцов, П.П. Маслов, В.И. Ленин, И.А. Поплавский), подчеркивавшие отсталость российского населения, что потом неизбежно приведет к эксплуатации рабочей силы в интересах работодателей. После революции 1917 года В.И. Ленин изменил свое отношение к тэйлоризму, неоднократно обращаясь к молодежи с призывом изучать, внедрять и преподавать тэйлоризм, так как последствия гражданской войны и смена политического строя требовали напряженного труда рабочих на фабриках и заводах, поэтому необходимо было организовать трудовые ресурсы национализированных предприятий для подъема экономики молодой советской страны. Несмотря на это напряженная работа (интенсивный труд) вступали в противоречие с идеологией производственных рабочих (пролетариата), как привилегированного социалистического класса. Что и послужило основанием для создания ЦИТ (Центральный Институт Труда) в начале 20-годов XX в. под руководством А.К. Гастева.

Возглавив НОТ (научную организацию труда), А.К. Гастеву удалось в сложных экономических условиях и изоляции от мировой культуры на базе ЦИТ создать научно-исследовательский институт мирового масштаба, все силы были направлены на разработку и планирование разных сфер нового общественного производства, стимулирование эффективности труда работников в разных условиях при использовании инноваций и практических рекомендаций.

Основные требования к эффективному управлению производством, выделенные А.К. Гастевым:

- дисциплина;
- знание должных инструкций, включая права и обязанности;
- иерархия управленческой структуры;
- делегирование полномочий;
- соблюдение правил и норм, установленных на производстве;
- ответственность работника за выполнение плана в рамках трудовых отношений [11, С. 103].

Так появился социальный инженеризм [12, С. 12-13]. А.К. Гастев выделил главный элемент – трудящихся (человеческий фактор производства) для реализации трудовой установки с помощью личной инициативы, что в дальнейшем способствовало выполнению и перевыполнению плана производства, производственных нормативов, например, стахановское движение в 30-х годах XX в., за счет выполнения пятилеток, когда экономический рост СССР был невозможен без высоких темпов индустриализации [13, С. 48].

О.А. Ерманский критиковал стахановское движение и делал акцент на интенсивности труда, которая должна достигаться за счет научного обоснования и оптимального уровня, где любые отклонения губительны, разработав концепцию «нормальной» интенсивности труда (физиологический оптимум). Критикуя научные достижения тейлористов за их напряженные методы работы, что было не свойственно для социалистического управления и организации труда, профессор О.А. Ерманский считал необходимым использование наименьшей энергии на единицу результата при получении наибольшего полезного результата на единицу энергетических затрат [14].

Большая советская энциклопедия дает следующее определение профессиональной ориентации (профорientации, выбора профессии, ориентации на профессию (латинское *professio* - род занятий и французское *orientation* – установка)) – система научно обоснованных мероприятий, направленных на подготовку молодежи к выбору профессии (с учетом особенностей личности и потребностей народного хозяйства в кадрах), на оказание помощи молодежи в профессиональном самоопределении и трудоустройстве [15, С. 75].

В сегодняшних реалиях развития рынка труда работодатели (наниматели) также обращают внимание на квалификацию и уровень образования трудовых ресурсов, доступность и величину стоимости рабочей силы, а также их человеческий (инвестиционный) потенциал, которые, несомненно, должны соответствовать спросу и предложениям на рынке труда, а также уровню образования, профессиональной подготовке и потребностям производств.

В условиях рыночной экономики профорientация позволяет молодому поколению в реальной жизни иметь представления о возможностях карьерного роста тех или иных профессий, с учетом потребностей рынка труда в кадровом обеспечении. А для более зрелого поколения – иметь возможность получить новые профессиональные навыки и переподготовку.

Именно молодому поколению присущи высокая трудоспособность, энергичность, эффективность, обучаемость, лучшие физические показатели. Молодое поколение, обретая навыки и профессиональные способности, через 10-15 лет сможет определять направления развития занятости в стране и системы социально-экономических отношений, что позволит обеспечить достойный доход и уровень жизни трудоспособного населения, положительную динамику демографических показателей страны в целом.

Кризисные явления в экономике, локдауны, санкции, обострения геополитической обстановки имеют негативные последствия не только для социально-экономического развитие страны в целом, но и отрицательно сказываются на рынке труда и потребностях в рабочей силе.

Человеческий капитал, формирующийся за счет способностей трудового коллектива, должен соответствовать потребностям рынка труда, с одной стороны, и при этом иметь возможность совершенствования навыков профессиональной подготовки, с другой стороны, что впоследствии будет иметь положительные тенденции для роста производительности труда и качества товаров, работ, услуг.

Перспективы карьерного роста, величина заработной платы, соотношения спроса (наличие вакансий) и предложений (количество соискателей) являются неотъемлемым атрибутом современного российского рынка труда, где важную роль выполняет профорientация, позволяющая быстро адаптироваться кадровому персоналу к изменяющимся потребностям на рынке труда.

Для возникновения трудовых отношений необходимо выполнения трех основных условий, по мнению А.М. Нурмагамедова: наличия рабочей силы, потребности в квалифицированных работниках (спроса), желания работать и быть способным к труду [16, С.11].

Цифровизация экономики, связанная с необходимостью работать через специальные приложения и программы, мессенджеры, а также уход иностранных компаний и введенные санкции, несомненно, оказали свое влияние на рынок труда в России в 2022 году, повысив необходимость и популяризацию таких профессий в области IT-технологий, как программисты, разработчики, системные администраторы, тестировщики, специалисты в области робототехники, веб-дизайнеры и многие другие, которые сегодня являются на пике востребованности и высокооплачиваемы.

Негативные последствия пандемии спровоцировали численный рост фрилансеров, что отразилось на увеличении количества самозанятых. По данным ФНС, в июне 2022 года их количество превысило 5 млн человек, а суммарный (ежедневный) доход около 2 млрд рублей, при этом самозанятость является основным источником дохода для 80 % участников российских онлайн-платформ, где основными профессиями являются репетиторство, услуги такси, доставка товаров, курьеры, услуги домашнего персонала, маркетинг, услуги в IT-сфере и другие профессии. С одной стороны, это положительная динамика роста самозанятых граждан со средним возрастом 35 лет, но стоит отметить, что начиная с марта 2020 года, в России пострадало около 70 % (4,2 млн) предприятий, относящихся к крупному, среднему и малому бизнесу. На конец 2020 года, число закрывшихся компаний и ИП достигло уровня 1,5 млн, при этом о сокращении штата сотрудников заявили чуть меньше 50 % представителей действующего бизнеса, увеличив тем самым рост безработицы почти на 30 %, что, безусловно, оказало негативные последствия для производств и производительности труда, т.к. большая

доля трудоспособного населения потеряла работу и оказалась не востребована по своим специальностям [17].

Политические вызовы для России в 2022 году значительно изменили структуру трудовых ресурсов, так, например, в сфере банковского сектора, рекламы и образования отмечен переизбыток квалифицированных сотрудников и наоборот, в сфере строительства, добычи и переработки сырья, логистики, IT-сфере наблюдается значительный дефицит, особенно рабочей силы.

Список использованной литературы:

1. Милославский В. Г., Алиева Н. Х., Соловьев С. М. [и др.]. Теория и практика профориентации в России: проблемы и перспективы // Молодой ученый. – 2016. – № 7 (111). – С. 905-911.

2. Голосенко И.А. Идеи Ф. Тейлора в дореволюционной России // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С. 10-17

3. Кожевина О.В. Большая российская энциклопедия, Электронная версия, 2004. URL: <https://bigenc.ru/economics/text> (дата обращения 10.09.2022).

4. Ерманский О.А. Научная конференция труда и производства и система Тейлора. – М., 1922.

5. Апостолов О.П. Профессиональная ориентация в России (опыт, проблемы, перспективы). Изд. 1-е. Издатель: ИП Татаринцов Михаил Васильевич, 2011. – С. 7.

6. Гудкова Е.В. Основы профориентации и профессионального консультирования: Учебное пособие / Под ред. Е.Л. Солдатовой. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С.7.

7. Дементьев И. В. Генезис и понятие профориентации в педагогической науке и практике // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Минск, 2008. – С. 32-38.

8. Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация. – М., 2005. – 484 с.

9. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение в культурно-исторической перспективе // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 64

10. Дмитриев А.Л. Н.Н. Саввин и становление тейлоризма в России // История управления и управленческой мыслью. Санкт-Петербургский государственный университет. Российский журнал менеджмента. – Т. 12. – № 3. – 2014. – С.131-148

11. Гастев А.К. Социальные установки // У истоков НОТ: забытые дискуссии и нереализованные идеи. Л., 1990. – С.103.

12. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Изд. 2-е. – М.,1972. – С. 26-27.

13. Володин С.Ф., Володина Т.А. Советская история о стахановском движении // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2021. – № 2 (6). – С. 45-61.

14. Ерманский О. А. Стахановское движение и стахановские методы. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1940. – 372 с.

15. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978. – Т. 20. – С. 75.

16. Нурмагамбетов А.М. Рынок труда: правовые проблемы и перспективы: Дис. ... д-ра юрид. наук. – 1998. – 324 с.

17. Федеральная налоговая служба (ФНС) России. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения 12.09.2022).

УДК 316.3

Р.М. САДЫКОВ

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: SadikovRM@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И ИНВАЛИДОВ

SOCIAL CAPITAL OF FOSTER FAMILY FOR ELDERLY AND DISABLED PEOPLE

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-03-2022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 г.

Аннотация. В России для решения проблем пожилых людей в 2004 году стартовал проект «Приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов». Цель данного проекта – организация общественной поддержки, помощь в ведении быта, оказание социальных и психологических услуг одиноким нуждающимся гражданам. Особое внимание заслуживают особенности организации приемных семей для пожилых граждан и инвалидов в регионах Российской Федерации. Большинство регионов поддержали инициативу проекта и многие из них имеют свой собственный опыт реализации данной социальной технологии. В каждом субъекте наблюдаются свои особенности и различия в создании приемных семей для пожилых, что связано с наличием собственной законодательной базы для реализации данного проекта. Свой положительный опыт в реализации обозначенной социальной программы имеется в Республике Башкортостан.

Abstract. In Russia, in order to solve the problems of older people, in 2004, the project «Foster Families for Elderly and Disabled Citizens» was launched. The purpose of this project is to organize public support, help with

household chores, and provide social and psychological services to lonely needy citizens. Particular attention should be paid to the peculiarities of organizing foster families for the elderly and disabled in the regions of the Russian Federation. Most of the regions supported the initiative of the project and many of them have their own experience in implementing this social technology. Each subject has its own characteristics and differences in the creation of foster families for the elderly, which is associated with the presence of its own legislative framework for the implementation of this project. The Republic of Bashkortostan has its own positive experience in the implementation of the designated social program.

Ключевые слова: социальный капитал, социальный капитал приемной семьи, приемная семья, приемная семья для пожилых, пожилые люди, старшее поколение, старость.

Keywords: social capital, social capital of a foster family, foster family, foster family for the elderly, elderly people, older generation, old age.

Из социальной практики ряда развитых стран хорошо известна модель фостерной (приемной, замещающей) семьи для пожилых людей с полной оплатой государством предоставляемых услуг. Подобная социальная практика свойственна таким странам, как США, Англия, Швейцария, Франция и т.д. Создание и развитие в России института приемной семьи для пожилых позволило значительно улучшить качество жизни граждан старшего возраста, изменить их «социальное самочувствие», избавить их от проблемы одиночества, укрепить связь поколений, поддержать социальную мобилизацию общества [1].

В 2004 году в России стартовал социальный проект «Приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов». Его суть заключается в том, чтобы граждане пенсионного возраста и инвалиды могли обрести дом и семью, помощь в организации быта. Миссия данного проекта – организация общественной поддержки, помощь в ведении быта, оказание психологических и социальных услуг одиноким нуждающимся людям. Большинство регионов Российской Федерации (РФ) поддержали инициативу проекта. В законодательстве РФ пока что не существует отдельного закона о приемных семьях. В регионах утверждены нормативные акты по регулированию данного вопроса [2].

Приемная семья – особая инновационная форма жизнеустройства граждан пожилого возраста и инвалидов, представляющая совместное проживание и ведение общего хозяйства лица, нуждающегося в постоянном постороннем уходе, и лица, осуществляющего уход, на основании договора о создании приемной семьи. Приемная семья, возможно, окажется не только инновационной, но и самой эффективной – ведь пожилой человек, попадая в семью, перестает думать о своей ненужности. Здесь его окружают люди, с которыми он чувствует себя

увереннее, – все это благоприятно влияет на его здоровье, улучшая качество жизни и, как следствие, продолжительность жизни [3].

В Республике Башкортостан (РБ) с 1 января 2017 года стартовал проект «Приемная семья для пожилых и инвалидов». Данная инновационная социальная технология подразумевает альтернативную форму обслуживания и ухода за пожилыми гражданами. С помощью данной технологии одинокий гражданин старшего возраста имеет возможность вновь обрести семью и получать социальное обслуживание в домашних условиях. Проживание в приемной семье помогает создать максимально комфортные и привычные семейные условия жизни, повышает качество жизни, укрепляет традиции взаимопомощи и предотвращает социальное одиночество. Новая замещающая семья для пожилых людей и инвалидов является альтернативной формой ухода и будет стимулировать развитие стационарозамещающих форм социального обслуживания [4]. На сегодняшний день в РБ образованы 93 приемные семьи, в которых проживает 96 человек [5].

Приемную семью может создать дееспособный гражданин, который организует совместное проживание и постоянный уход за пожилым человеком. В приемной семье может проживать до трех лиц, которые нуждаются в постоянном постороннем уходе. Однако существуют ограничения и запреты, а именно – отсутствие близких родственных связей между кандидатом и подопечным, наличие судимости, психических заболеваний, социальных девиаций и т.д. Кандидаты, желающие взять пожилого подопечного, должны пройти небольшой курс по уходу за пожилыми и тест на психологическую совместимость. После этого органы опеки и попечительства изучают семью, дают согласие или несогласие на заключение договора с семьей. При положительном исходе заключается договор, оформляется паспорт приемной семьи: документ, целью которого является контроль за соблюдением прав и интересов приемной семьи, где содержится вся информация о членах семьи, их доходах, социально-бытовых условиях. После заключения договора проводятся плановые и внеплановые проверки приемной семьи.

Бюджет созданной приемной семьи формируется из средств ее членов: до 75% среднедушевого дохода пожилого гражданина и ежемесячное денежное вознаграждение в размере 6200 рублей лицу, осуществляющему уход. Если в приемную семью принимается лицо старше 80 лет или инвалид I группы, то ежемесячное денежное вознаграждение составляет 8060 рублей. Гражданин, осуществляющий уход за пожилым, обязан составлять ежемесячный отчет о расходах данных средств, который подписывается в том числе и подопечным пожилого возраста.

Период пребывания в приемной семье может колебаться от месяца до нескольких лет – в зависимости от желания сторон. Существуют случаи,

по которым договор может быть расторгнут преждевременно: ненадлежащее поведение опекуна к подопечному, влекущее материальную выгоду лицу, осуществляющему уход; жесткое обращение к пожилым подопечным со стороны семьи; передача функций по уходу за пожилым лицом иным физическим и юридическим лицам; возникновение обстоятельств, препятствующих выполнению обязательств по договору.

Было проведено авторское социологическое исследование для выявления степени информированности граждан РБ об организации института приемных семей для пожилых и их основных опасений по данному вопросу. Семьям был задан вопрос: «Выделите основные барьеры, мешающие внедрению института приемных семей для пожилых по всей территории Российской Федерации». Большинство респондентов отметили, что барьером для повсеместного внедрения института приемных семей для пожилых людей выступает недостаточная информированность граждан о данной возможности – 66%, чуть меньше половины граждан отметили, что барьером является неготовность населения к данной услуге – 44%, такой барьер, как низкие денежные выплаты, выделили 38% граждан, и на последнем месте по популярности – необходимость оформления множества документов – 16%.

Самым популярным источником информации о возможности организовать приемную семью для пожилых граждан оказались родственники (знакомые) – 55%; интернет попал на 2 место, за него проголосовало 33% граждан; органы социальной защиты и средства массовой информации оказались на последнем месте – 5%. Это свидетельствует о том, что на государственном уровне возможности организовать приемную семью для старшего поколения слабо освещаются.

На вопрос «Какая помощь необходима семье после оформления опеки над пожилым?» ответы домохозяйств распределились следующим образом. По мнению респондентов, после оформления опеки над пожилым семье необходима материальная и психологическая помощь (72%), помощь в профессиональном сопровождении (61%), помощь в улучшении жилищных условий (44%).

Также семьям был задан вопрос: «С чем связаны Ваши опасения после принятия в семью пожилого?». Самым главным опасением после принятия пожилого человека в семью, по мнению семей, оказалась психологическая несовместимость – 50%, адаптация к новым условиям и боязнь не справиться, занимают второе место среди опасений – 33%, у 22% опрошенных опасений не оказалось.

По данным социологического опроса, можно сделать вывод, что население недостаточно информировано о возможности стать приемной семьей для пенсионера, также приемным семьям с пожилым подопечным необходима материальная и психологическая поддержка. Выяснилось,

что граждане узнают о государственном социальном проекте больше через друзей (родственников) и из интернета, чем из средств массовой информации и от специальных органов социальной защиты. Самые популярные условия, по которым семья готова принять пожилого подопечного – это желание помочь пожилому (52%) и из-за состояния одиночества (31%).

Для эффективной реализации социального проекта «Приемная семья для пожилых» в РБ необходимо учитывать и опыт других субъектов РФ, перенимать лучшие методы работы по организации приемных семей. Например, опыт таких субъектов как Республика Бурятия (помимо законов, приняты подзаконные акты с подробным описанием технологий создания и функционирования приемной семьи для граждан пенсионного возраста), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (практикуется институт временных семей под названием «Гостевая семья», в такой семье пожилой гражданин проживает определенное время, без заключения договора, что помогает привыкнуть к семье и в случае желаний проживать на постоянной основе, помогает понять пенсионеру готов ли он жить в данной семье), Пермский край (существует четкий и отработанный алгоритм действий по организации и контролю приемной семьи для граждан старшего возраста), Республика Татарстан (при заключении договора об организации приемной семьи для пенсионера стороны не имеют права претендовать на имущество друг друга, что позволит сократить количество лиц, которые заинтересованы в материальной выгоде).

В заключение необходимо отметить, что программа «Приемная семья для пожилых и инвалидов» успешно реализуется в Республике Башкортостан с 2017 года и помогает одиноким лицам старшего поколения заново обрести семью и получать постоянный уход в домашних условиях. Приемная семья является инновационной и эффективной социальной технологией оказания услуг пожилым гражданам. Семья удовлетворяет основные потребности пожилых в качественном и количественном отношении. Социальные услуги, оказываемые стационарными и полустационарными учреждениями социального обслуживания, не смогут заменить домашний семейный уход за престарелым человеком.

Список использованной литературы:

1. Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития: монография / под общ. ред. Р.М. Садыкова. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. – 188 с.

2. Узденов Ш.Б. Актуальные вопросы правовой регламентации приемных семей для пожилых граждан // Вестник магистратуры. – 2019. – № 10-3 (97). – С. 47-48.

3. Садыков Р.М. Проблемы оптимизации управления системой социальной защиты сельского населения в условиях реформирования общества: специальность 22.00.08 «Социология управления»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Уфа, 2001. – 154 с.

4. Седых О.Г., Аранчин Д.Э. Приемная семья для граждан пожилого возраста как инновационная технология социальной работы // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10. – № 3.

5. Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: http://mintrudrb.rupress.news/180307spharse_id=102209 (дата обращения: 05.09.2022).

УДК 331.53

Ю.Н. СВИНУХОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: s.ioulia@mail.ru

СТРАТЕГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ КАНАЛЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА

STRATEGIES FOR EFFECTIVE BEHAVIOR IN THE REGIONAL LABOR MARKET: FORMAL AND INFORMAL EMPLOYMENT CHANNELS

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. Статья посвящена вопросам привлечения различных видов социальных и информационных ресурсов в стратегии поиска работы на современном региональном рынке труда. В работе представлен эмпирический анализ интенсивности использования формальных и неформальных каналов трудоустройства. Определены лидирующие стратегии трудоустройства. Обоснованы причины низкой интенсивности привлечения в стратегии трудоустройства формальных – институциональных посредников на рынке труда.

Abstract. The article is devoted to the issues of attracting various types of social and information resources in the strategy of job search in the modern regional labor market. The paper presents an empirical analysis of the intensity

of the use of formal and informal employment channels. Leading employment strategies have been identified. The reasons for the low intensity of involvement in the employment strategy of formal - institutional intermediaries in the labor market are substantiated.

Ключевые слова: рынок труда, каналы трудоустройства, стратегии трудоустройства, социальный капитал, поведение на рынке труда, эффективное трудоустройство.

Keywords: labor market, employment channels, employment strategies, social capital, behavior in the labor market, effective employment.

Одним из первых и немаловажных элементов в структуре эффективного поведения на рынке труда является правильно выбранная стратегия поиска работы, увенчанная желаемым результатом трудоустройства.

Генерируя имеющиеся в экономической науке и отраслевой социологии (социологии труда) представления о трудоустройстве, в контексте данной статьи, под эффективным трудоустройством будем понимать деятельность соискателя на рынке труда, направленную на достижение или сохранение желаемого социально-трудового статуса. И начинается она с имеющихся объемов и качества, а также вовлечения различных видов социальных и информационных ресурсов в стратегии поиска работы на современном рынке труда.

Традиционно считается, что факторами наибольшего влияния на успешный исход трудоустройства являются: квалификация, регион или территория, опыт трудовой деятельности соискателя. Гендерные исследования добавляют в этот ряд половые и возрастные характеристики ищущих работу. Однако анализ современных исследований показывает, что сегодня на рынке труда конкурентоспособность соискателей определяется не только вышеобозначенными характеристиками человеческого капитала. Она также зависит и от еще одного немаловажного фактора, которым выступает социальный капитал. Именно комбинация человеческого и социального капиталов, а также умение задействовать социальные сети (сетевые ресурсы) в любом их проявлении при поиске работы определяют конкурентные позиции индивида на современном региональном рынке труда. Недаром автор известнейшей книги по трудоустройству Р. Боллс отмечает, что: «Сегодня на работу не всегда берут самых компетентных в профессии. Успеха чаще добиваются те, кто хорошо знает, как получить место» [1], – тем самым обозначая одну из характерных динамических тенденций современного рынка труда и выделяя актуальность обращения к исследованию стратегий и каналов трудоустройства.

Основными институциональными проводниками и посредниками на рынке труда выступают государственные службы занятости (ГСЗ) и

частные агентства занятости, информационные базы, порталы, центры и СМИ, консалтинговые службы, центры трудоустройства выпускников при вузах [2]. Кроме этого, на рынке труда действуют и такие неформальные каналы трудоустройства, как Интернет и упомянутая выше система социальных сетей в форме личных связей и знакомств, то есть социальный капитал. Причем именно на долю данного неформального сектора – неформальных каналов трудоустройства, – приходится наибольший процент привлечения.

Исследуя поведение соискателей при поиске работы, можно сделать вывод о том, что именно социальному капиталу принадлежат лидирующие позиции в стратегиях трудоустройства на современном рынке труда. И чаще всего на региональных рынках труда он реализуется в форме протекции, рекомендации, источника информации о рабочем месте, профессионально-знакомственного трудоустройства. Кроме того, социальный капитал мы можем определить как фактор снижения рисков на рынке труда, рассматривая его как «подушку безопасности», обеспечивающую определенную степень гарантий быстрого восстановления социально-трудового статуса в случае потери работы.

Оценка распространенности и эффективности привлечения формальных и неформальных каналов трудоустройства на основе официальных данных подтверждает то, что социальный капитал укрепляется на современном российском рынке труда как один из мощнейших ресурсов эффективного трудоустройства (рис. 1).

Рис. 1. Рейтинг привлечения формальных и неформальных каналов трудоустройства, используемых соискателями при поиске работы, % [3]

Приведенные данные подтверждают вывод о том, что использование именно неформальных каналов поиска работы расценивается соискателями как наиболее эффективные стратегии, и они же – наиболее

привлекаемы. Так, на привлечение социального капитала указывают 69,0% соискателей при поиске работы [3].

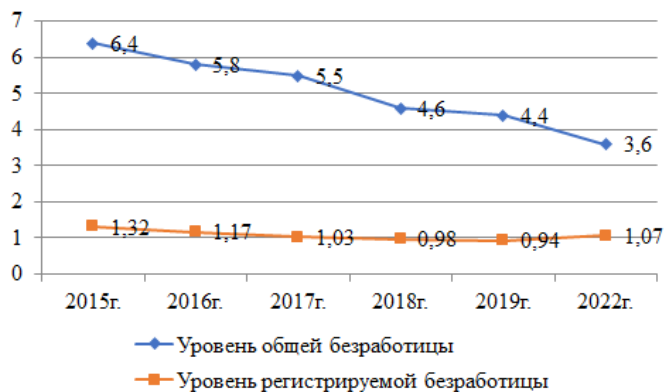
Однако анализ имеющихся в данной области исследований показал, что ценность социального капитала как механизма трудоустройства не всегда стабильна и имеет прямую пропорциональную зависимость от текущей экономической ситуации. Оценивая систему социальных связей (социальный капитал) как ресурс сохранения трудовой занятости и повышения социально-трудового статуса, следует отметить, что в условиях текущего ухудшения социально-политической ситуации и экономической нестабильности эффективность использования данного ресурса несколько снижается. Происходит это потому, что неблагоприятная социально-политическая и экономическая ситуация накладывает ограничения на служебное, профессиональное и экономическое положение друзей и родственников в системе социальных связей соискателей. То есть сужает возможности использования дружеского, профессионально-знакомственного трудоустройства. Но несмотря на это, общая ценность данного ресурса для соискателей рабочих мест на региональном рынке труда сохраняется. И сегодня использование социального капитала продолжает оцениваться соискателями рабочих мест как эффективная стратегия и канал поиска работы, а динамика практики его использования продолжает лидировать в стратегиях достижения желаемого социально-трудового статуса. Так, по данным исследований, до 4/5 от всех ищущих работу привлекают данный ресурс, и только 4% считают это недопустимым.

Вторым в рейтинге среди формальных и неформальных каналов трудоустройства по интенсивности и эффективности использования выступает Интернет. Его использование в качестве эффективного канала трудоустройства отметили 62,8% соискателей [3] (рис.1). Данные исследований, посвященных вопросам цифровизации и развития информационных технологий в России и ее регионах свидетельствуют, что важность, интенсивность и доступность использования Интернета во всех сферах жизнедеятельности, включая повседневную жизнь россиян с каждым годом растет [4]. Во многом данные тенденции определяют рост популярности этого канала при трудоустройстве. Опираясь на данные исследований [5], с уверенностью можно сказать, что основной тенденцией в стратегиях поиска работы становится смещение преимущества поиска в сторону использования Интернет-ресурсов. Очевидно, что основными факторами нарастающей популярности данного ресурса выступают такие его возможности, как: круглосуточный доступ, оперативность, расширенный список вакансий на сайтах, преимущества электронного резюме, что ценится как со стороны спроса – соискателями рабочих мест, так и со стороны предложения – работодателями, для которых характерно считать, что стратегией

интернет-поиска в большей степени пользуются наиболее квалифицированные работники.

Выявленное различие в интенсивности использования неформальных и формальных каналов трудоустройства характеризуется статистически значимой величиной (разницей значений). Так, вторичный анализ социологических данных показывает, что востребованность стратегии Интернет-поиск и использование социальных сетей достигает в совокупности 70%, а практики обращений в государственные службы занятости всего лишь – 21,6%, негосударственные службы – 12,0%. При этом анализ официальных статистических данных подтверждает, что устойчивость структуры рейтинга привлекаемых каналов поиска работы сохраняется в стратегиях трудоустройства независимо от половозрастных и территориальных характеристик респондентов.

Анализ данного клише будут наглядно иллюстрировать динамика и соотношение таких основных показателей рынка труда, как уровень общей (по методологии МОТ, на основе выборочных обследований рабочей силы) и регистрируемой безработицы (рис. 2).

Рис. 2. Динамика уровней общей и регистрируемой безработицы в Республике Башкортостан, % [3, 6]

Приведенные на рисунке 2 данные характеризуют одну из уже традиционных тенденций – устойчивый разрыв двух показателей безработицы, формируемый на базе очень низких показателей регистрируемой безработицы. Часто исследователи называют ее одной из «загадок» или «парадоксальных черт», присущих практически всем российским региональным рынкам труда [7- 9]. Многие из них, в частности Р.И. Капелюшников, в качестве объективных причин этого видят не только чисто статистическую природу разрыва показателей. Но главное – это то, что регистрируемая безработица отражает институциональный потенциал ГСЗ [7]. При учете методологии подсчета показателей регистрируемой безработицы, основанной на данных ГСЗ,

разница приведенных на рисунке 2 показателей подтверждает, с одной стороны, недостаточную эффективность деятельности ГСЗ, влекущую за собой, с другой – недоверие или неудовлетворенность соискателей рабочих мест качеством услуг и недоиспользование ресурсов сегмента регулируемого рынка труда. Несмотря на то что разница в динамике приведенных выше показателей безработицы на региональном рынке труда сокращается, разрыв традиционно сохраняется. Он остается достаточно явным, даже несмотря на некоторую положительную динамику в постпандемийный период и с учетом текущей социально-политической напряженности. Это связано с тем, что в силу некоторых причин не каждый из безработных, например, учтенных по методологии МОТ, регистрируется или обращается за помощью в ГСЗ. И это происходит на фоне того, что самостоятельный поиск работы соискателями, вне сегмента ГСЗ, увенчивается достаточно высокой результативностью. В этом состоит характерная черта современных региональных рынков труда. Как отмечает Р.И. Капелюшников: «... российский рынок труда постоянно генерировал значительное число вакансий, так что многие безработные могли успешно вести поиск, не обращаясь за помощью к государственным службам занятости» [7].

Кроме того, как показывают социологические исследования [7, 10], мотивация на самостоятельный поиск работы среди соискателей рабочих мест традиционно высока на российском рынке труда и в его региональных сегментах.

Также на основе анализа исследований рынка труда следует выделить еще один аспект. И связан он с гендерным подтекстом, когда в основу мотива необращения мужчин в ГСЗ включается фактор стигматизации или общественных стереотипов относительно получения пособий на рынке труда. Как отмечает Р.И. Капелюшников, в российских реалиях действие данного фактора на мужчинах проявляется сильнее, чем на женщинах [7]. Вероятно, это и является объяснением того, что на российском и его региональных рынках труда именно мужчины менее склонны привлекать в свои стратегии поиска работы обращения в ГСЗ, чем женщины.

Вместе с тем в числе объективных факторов, сдерживающих популярность такого формального канала трудоустройства, как ГСЗ по-прежнему остаются: высокие временные затраты, информационная асимметрия и неполнота информации – смещение структуры вакансий в пользу рабочих специальностей; обязательное посещение центров занятости и беседы с консультантами.

Таким образом, основными каналами поиска работы в эффективных стратегиях трудоустройства остаются неформальные каналы – социальный капитал и Интернет ресурсы. Статистическое подтверждение низкой популярности формальных каналов трудоустройства в стратегиях

поведения на рынке труда актуализирует необходимость разработки комплекса мер по совершенствованию деятельности региональной ГСЗ, что выступит дополнением к уже предложенному, например в [8, 11], комплексу направлений поддержки занятости и снижения рисков и угроз на региональном рынке труда. Так, одним из основных направлений по адаптации на рынке труда может выступить совершенствование сети информирования о вакансиях на региональном рынке труда. А именно в части совершенствования работы служб занятости необходимо расширить перечень предлагаемых вакансий и возможность удаленного (сеть Интернет) доступа к базам данных вакансий государственной службы занятости.

Список использованной литературы:

1. Боллс Р. Какого цвета ваш парашют? Легендарное руководство для тех, кто экстренно ищет работу. – «Эксмо», 2018. – С. 17.
2. Селиванова С.С. Опыт БашГУ в сфере трудоустройства выпускников // Современные финансово-экономические инструменты развития экономики регионов: сборник статей XIV международной научно-практической конференции. – Уфа: «Аэтерна», 2016. – С. 261-262.
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>
4. Фаткуллина Г.Р., Каримов А.Г. Использование информационных технологий как фактор качества жизни населения Республики Башкортостан // Социодинамика. – 2020. – № 3. – С. 75-83.
5. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Вып. 11. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021. – 206 с.
6. Состояние регистрируемого рынка труда Республики Башкортостан в январе-марте 2022 года. Информационный портал занятости населения Министерства семьи и труда РБ. URL: <http://www.bashzan.ru> (дата обращения 10.09.2022).
7. Капелюшников Р.И. Общая и регистрируемая безработица: в чем причины разрыва? Препринт WP3/2002/03. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 48 с.
8. Трофимова Н.В., Мамлеева Э.Р., Сазыкина М.Ю. Тенденции развития и направления государственного регулирования рынка труда в Республике Башкортостан // Экономика труда. – 2020. – № 6. – С. 549-564.
9. Назарова С.В., Атаев Р.Р. К вопросу о проблемах российского рынка труда // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 2-2 (60). – С. 62-66.
10. Перова И. Подходящая работа и возможность трудоустройства в оценках безработных // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2000. – № 1 (45). – С. 38-41.

11. Садыков Р.М., Мигунова М.В. Угрозы на региональном рынке труда и проблемы занятости населения // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 3 (426). – С. 156-168.

УДК 316.4.05

С.С. СЕЛИВАНОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: selivanovass@yandex.ru

ДИНАМИКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

DYNAMICS OF THE LEVEL OF SOCIAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN POPULATION

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу динамики показателей социального самочувствия населения России за последние годы. В статье используются данные известных аналитических центров России: ВЦИОМ, Левада-Центр, Фонд Общественное мнение, которые фиксируют социальное самочувствие населения с помощью метода субъективных оценок респондента.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the dynamics of indicators of social well-being of the population of Russia in recent years. The article uses data from well-known analytical centers of Russia: VCIOM, Levada Center, Public Opinion Foundation, which record the social well-being of the population using the method of subjective assessments of the respondent.

Ключевые слова: социальное самочувствие, общественное настроение, удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм.

Keywords: social well-being, social mood, life satisfaction, social optimism.

В настоящий момент на мировом и региональном уровне происходят глобальные трансформации, так или иначе отражающиеся на всех сферах жизнедеятельности российского общества. Значительное ухудшение геополитической ситуации повлияло на изменение конфигурации социальной структуры общества, сокращение экономических возможностей и рост социальной напряженности.

Последние происходящие события объективно повлекли за собой снижение качества жизни основной части населения, углубив экономический кризис. Адаптация к новой реальности со стороны

населения достигается различными стратегиями, однако нередко в таких условиях возникают протестные настроения, увеличивается миграция и другие негативные последствия. Отражением эмоционального состояния общества для социологов является социальное самочувствие. Исследовательский интерес к данному феномену особенно проявляется в кризисные периоды, когда на социальное самочувствие отдельного члена общества в первую очередь влияют не личные события жизни, а глобальные социальные процессы на макроуровне.

Социальное самочувствие – сложный интегральный показатель, предназначенный для фиксации эмоционального отношения людей к окружающей их реальности [1-4]. В широком смысле это понятие объединяет оценку и реакцию индивидов на свое личное положение, с одной стороны, и на происходящие в обществе изменения – с другой [2]. Сложность описания социального самочувствия населения проявляется, главным образом, в вопросах его измерения, так как оно связано с субъективной формой сознания человека, который определенным образом переживает свое состояние, и в соответствии с характерными особенностями структуры личности и дополнительными внешними факторами изменяется.

Социальное самочувствие не является объективным показателем благополучия населения, хотя зачастую может его отображать. Отличительная особенность данной категории состоит именно в отражении субъективных факторов определяющих его. Эти факторы включают в себя социально-демографические, физиологические особенности, индивидуальные черты характера человека и т.п. Однако суть интегрального подхода в измерении социального самочувствия состоит в дополнении субъективной стороны объективной, то есть оценке как состояния внутреннего мира человека, так и реальных условий его жизнедеятельности [3].

Категория социального самочувствия представляет особую ценность для социологов и является одним из основных инструментов отражения общественного настроения и его эмоционального состояния в определенный исторический период. Поэтому аналитические центры не обходят стороной данный феномен и пытаются фиксировать его определенной разработанной методикой.

Центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) описывает социальное самочувствие населения через показатели удовлетворенности жизнью и материальным положением, социального оптимизма на микроуровне и таких обобщенных показателей, как оценка экономического положения страны, политической обстановки и общего вектора развития страны [5]. Согласно данным на основе опросов ВЦИОМ-Спутник, удовлетворенность жизнью населения носит лабильный характер. Так, разница минимальных и максимальных

значений индекса за год в среднем может достигать более 10 пунктов. С 2017 года по 2021 год индекс удовлетворенности снижался, достигнув минимальные значения в 2020 году на фоне пандемии COVID-19 и режима самоизоляции (таблица 1). Однако в 2022 году (данные до августа 2022 года) индекс удовлетворенности жизни, можно сказать, приблизился к показателям 2017 года. Примечательно, что в марте 2022 года индекс принял рекордное значение – 72 пункта.

Таблица 1

Индекс «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?», пунктов

Показатель	Годы					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Показатель на нач. года	52	65	51	49	50	50
Показатель на конец года (в 2022 – до августа)	67	52	52	47	58	66

Социальный оптимизм населения снизился по сравнению с 2017 годом. К концу 2021 года показатель упал практически вдвое относительно начала описываемого периода. К 2022 году уверенность респондентов в улучшении жизненных условий несколько выросла, однако не достигла значений 2017 года (таблица 2).

Таблица 2

Индекс «Как Вы считаете, через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?», пунктов

Показатель	Годы					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Показатель на нач. года	62	59	34	49	44	41
Показатель на конец года (в 2022 – до августа)	60	37	42	36	33	48

Оценка семейного материального положения респондентами также носит неустойчивый характер и имеет схожую тенденцию: с 2017 года до 2021 года значение индекса снижалось, но в 2022 году, несмотря на экономические проблемы, вызванные санкционными ограничениями, участники опроса значительно выше оценили экономическое положение своей семьи по сравнению с предыдущими годами (таблица 3).

Индекс «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?», пунктов

Показатель	Годы					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Показатель на нач. года	64	65	48	51	47	53
Показатель на конец года (в 2022 – до августа)	58	56	49	49	49	67

Относительно индексов положения дел в стране с 2017 года по 2021 год ощутимо снизился индекс экономического положения России в глазах граждан (46-59 пунктов в 2017 году, 30-19 пунктов в 2021 году), в 2022 году он вырос (26-40 пунктов), но значительно отставал от показателя 2017 года. Идентичная картина складывается в отношении показателей оценки существующей политической обстановки (63-74 пунктов в 2017 году, 40-40 пунктов в 2021 году, 44-61 пунктов в 2022 году) и одобрения общего вектора развития страны (63-79 пунктов в 2017 году, 41-35 пунктов в 2021 году, 42-67 пунктов в 2022 году).

Аналитический центр Юрия Левады (Левада-центр) замеряет социальное самочувствие через оценку испытываемых чувств респондентами, которые представляют собой три укрупненные категории: удовлетворенность и самоутверждение, депрессия/астения, агрессия/ресентимент [6]. Данные категории фиксируются не только как лично переживаемые респондентами чувства, также участникам опроса предлагается оценить степень их присутствия у своих окружающих. Так, с 2014 года у россиян значительно выросло чувство удовлетворенности и самоутверждения, причем резкий скачок приходится именно на 2022 год (данные до апреля 2022 года) (51% в 2014 году, 55% в 2021 году, 66% в 2022 году). При этом депрессия и агрессия заметно ослабли и на всем промежутке времени и не превышали чувства удовлетворенности и самоутверждения. Оценка респондентами настроения окружающих людей имеет более переплетающийся характер. Так, за последнее время (2019-2021 годы) респонденты чаще замечали агрессивное или депрессивное настроение у других. Значительное преобладание положительных чувств у окружающих респонденты наблюдали в 2018 году (55%) и в 2022 году (до апреля 2022 года) (64 %), что, скорее всего, связано со значимыми общественными событиями. Однако нельзя не отметить парадокс, при котором себе респонденты приписывают положительные чувства, а другим – отрицательные.

Фонд Общественное мнение (ФОМ) рассчитывает социальное самочувствие населения через оценку общественного настроения.

Понятие «социальное самочувствие» и «общественное настроение» неразрывно связаны, так как первое сочетает в себе как социальный, так и психологический компонент, что теоретически и методологически проявляется через второе [2]. Таким образом, ФОМ измеряет социальное самочувствие населения через опрос респондентов о том, какое настроение преобладает у окружающих – спокойное или тревожное [7]. Так, в 2019 году преобладало спокойное настроение, в 2020 году – тревожное, в 2021 году – спокойное настроение сменялось тревожным и наоборот, в течение всего года, тенденция продолжилась и в начале 2022 года, однако с мая 2022 года по сентябрь 2022 года наметился рост положительного настроения до максимальных значений на всем рассматриваемом периоде (до 62% чувствовали спокойствие у окружающих). Следует отметить, что в среднем разница между двумя позициями составляет 10%. То есть общественное настроение разделяется, грубо говоря, пополам.

Вопреки ожидаемой негативной реакции на сложившуюся политическую и экономическую обстановку в России приведенные данные свидетельствуют о повышении индексов социального самочувствия на фоне непростых исторических событий. Значительный рост показателей характерен для уровня удовлетворенности жизнью и социального оптимизма, также у респондентов преобладали положительные оценки в отношении политической обстановки, ниже респонденты оценивали экономическое положение страны. Однако стоит отметить, что методики представленных российских аналитических центров опираются на субъективную оценку респондентов, то есть отражают лишь эмоциональное отношение, неподтвержденное реальными фактами, отражающими ту или иную установку.

Список использованной литературы:

1. Лепешкин Н.Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: Региональный аспект: дис. канд. социол. наук: 22.00.04. – Хабаровск, 2004. – 168 с.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. – Киев: Изд-во Ин-та социологии НАН Украины, 1997. – 214 с.
3. Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник БГУ. – 2015. – №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-ponyatie-factory-formirovaniya-i-pokazateli-izmereniya> (дата обращения: 07.10.2022).

4. Фантацини Д., Шаклеина М.В., Юрас Н.А. Big Data в определении социального самочувствия населения России // Прикладная эконометрика. – 2018. – Т. 50. – С. 43-66.

5. ВЦИОМ: Индексы социального самочувствия. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnogo-samochuvstviya> (дата обращения: 15.09.2022).

6. Левада-центр: Оценки социального самочувствия. URL: <https://www.levada.ru/2022/05/18/otsenki-sotsialnogo-samochuvstviya/print/> (дата обращения: 15.09.2022).

7. ФОМ: Доминанты. Поле мнений. URL: <https://fom.ru/Dominanty#page=13> (дата обращения: 15.09.2022).

УДК 338.49

Э.И. ТАГИРОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: dream-any@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМФОРТНОСТИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ТОСЭР РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE COMFORT OF THE LIVING ENVIRONMENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. Территории опережающего социально-экономического развития должны опережать другие территории не только по экономическим показателям, но и по социально-экономическим, в которых отражаются благоприятность территории для проживания населения. В данном исследовании представлен сравнительный анализ ТОСЭР Республики Башкортостан и Республики Татарстан с помощью индекса города, который отражает качество городской среды для проживающего в ней населения.

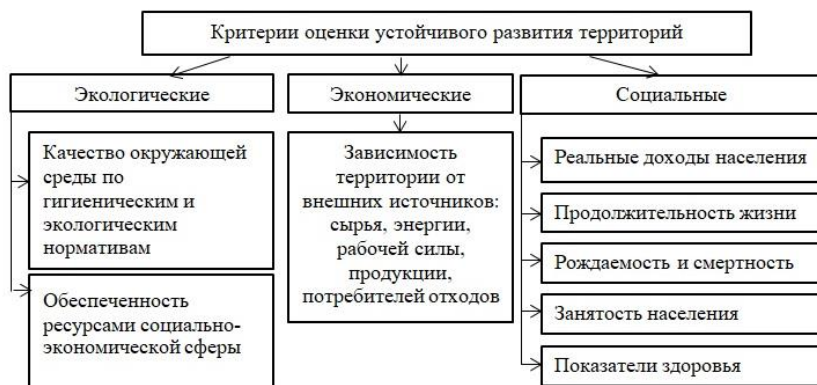
Abstract. Territories of advanced socio-economic development should be ahead of other territories not only in terms of economic indicators, but also in terms of socio-economic indicators, which reflect the favorability of the territory for the population to live in. This study presents a comparative analysis of the TOSER of the Republic of Bashkortostan and the Republic of Tatarstan using the city index, which reflects the quality of the urban environment for the population living in it.

Ключевые слова: комфортность среды обитания, ТОСЭР, инфраструктура, устойчивое развитие, население.

Keywords: comfort of the living environment, TOSER, infrastructure, sustainable development, population.

Образование ТОСЭР подразумевает собой не только формирование экономической зоны со льготными налоговыми условиями для привлечения инвесторов, но и создание комфортных условий для жизнедеятельности населения. К приоритетам создания комфортной среды можно отнести: благоустройство территорий; поддержание внешнего облика территорий; сохранение объектов культуры; ведение сбалансированной политики в вопросах градостроения.

Комфортная среда обитания населения подразумевает устойчивое развитие территорий, оценка которых осуществляется по следующим критериям, представленные на рисунке. Здесь отражены экологические, экономические и социальные критерии оценки устойчивого развития территорий, которые должны в полной мере отражать комфортность и благоприятность среды для проживания населения [1,2].

Рис. Критерии оценки устойчивого развития территорий

По существующим критериям оценки устойчивого развития территорий можно заметить, что в них отсутствуют критерии оценки инфраструктуры, что является немаловажным фактором в комфортности среды обитания населения.

Для оценки инфраструктуры ТОСЭР рекомендуется использование индекса города, который рассчитывается по 36 индикаторам, каждый из которых имеет свою шкалу баллов от 0-60 баллов. Максимальное количество баллов индекса города составляет 360 баллов. Существует два уровня оценки среды города:

1) благоприятная среда (значение составляет более половины от максимально возможного количества баллов, т.е. 181 балл и выше);

2) неблагоприятная среда (значение составляет менее половины от максимально возможного количества баллов, т.е. до 180 включительно).

Более качественную оценку комфортности среды обитания ТОСЭР в Республике Башкортостан (РБ) даст сравнительный анализ ТОСЭР Республики Татарстан (РТ). Общая информация по численности населения и площади ТОСЭР Республик Башкортостан и Татарстан представлена в таблице 1.

Таблица 1

Численность населения и площадь ТОСЭР РБ и РТ

ТОСЭР РБ	Площадь, км ²	Численность населения, тыс. чел.	ТОСЭР РТ	Площадь, км ²	Численность населения, тыс. чел.
«Белебей»	34,3	59,1	«Набережные челны»	171	548,4
«Белорецк»	41	64,5	«Нижнекамск»	116	241,5
«Благовещенск»	65	35,5	«Зеленодольск»	37,7	100
«Кумертау»	169	59,1	«Чистополь»	19,2	58,2
«Нефтекамск»	147	131,9	«Менделеевск»	30,6	21,6

По данным таблицы 1 видно, что площадь ТОСЭР РБ превышает площадь ТОСЭР РТ, однако густонаселенными являются последние, причём в ТОСЭРах «Зеленодольск» и «Чистополь» населения проживает больше, относительно ТОСЭРов РБ с более большой площадью.

Ранее проводилось более подробное исследование по ТОСЭР РБ, обновленные данные за 2021 год представлены в таблице 2 [3].

Таблица 2

Оценка качества городской среды ТОСЭР РБ за 2021 год

Пространства/Показатель	Город				
	Белебей	Белорецк	Благовещенск	Кумертау	Нефтекамск
Жилье и прилегающие пространства	33	38	34	33	29
Улично-дорожная сеть	42	33	24	32	32
Озелененные пространства	23	20	33	25	26
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	31	26	26	25	32
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	33	27	27	33	28
Общегородское пространство	36	35	35	32	33
Индекс качества городской среды	198	179	179	180	180

По результатам за 2021 год видно, что только ТОСЭР «Белебей» обладает благоприятной средой для проживания населения, остальные ТОСЭР РБ обладают неблагоприятной средой.

Если рассматривать динамику изменения индекса качества городской среды (таблица 3), то все ТОСЭРы улучшили свои позиции.

Таблица 3

Индекс качества городской среды ТОСЭР РБ

Город	Год			
	2018	2019	2020	2021
ТОСЭР «Белебей»	181	184	190	198
ТОСЭР «Белорецк»	158	171	176	179
ТОСЭР «Благовещенск»	179	170	176	179
ТОСЭР «Кумертау»	170	174	180	180
ТОСЭР «Нефтекамск»	167	171	178	180

Далее необходимо оценить качество городской среды ТОСЭР РТ. Оценка качества городской среды ТОСЭР «Набережные челны» представлена в таблице 4. Индекс качества городской среды за период с 2018 по 2021 год ухудшался по показателям «общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства» и «улично-дорожная сеть». По таким показателям, как «жилье и прилегающие пространства» и «социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства», происходит положительная динамика, остальные показатели показывают нестабильную динамику.

Таблица 4

Оценка качества городской среды ТОСЭР «Набережные челны»

Пространства/ Показатель	Год			
	2018	2019	2020	2021
Жилье и прилегающие пространства	41	48	48	48
Улично-дорожная сеть	33	32	32	31
Озелененные пространства	19	19	19	18
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	31	30	28	27
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	40	37	40	41
Общегородское пространство	38	32	31	34
Индекс качества городской среды	202	198	198	199

Остальные ТОСЭР РТ показывают стабильную положительную динамику (таблица 5).

Таблица 5

Оценка качества городской среды ТОСЭРов РТ

Пространства/Показатель	Год			
	2018	2019	2020	2021
ТОСЭР «Нижнекамск»				
Жилье и прилегающие пространства	42	40	47	46
Улично-дорожная сеть	33	32	34	35
Озелененные пространства	20	30	30	31
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	30	27	28	26
Общегородское пространство	21	31	33	34
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	33	36	37	38
Индекс качества городской среды	179	196	209	210
ТОСЭР «Зеленодольск»				
Жилье и прилегающие пространства	40	39	39	38
Улично-дорожная сеть	28	39	39	44
Озелененные пространства	20	20	20	24
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	31	32	29	29
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	29	28	32	31
Общегородское пространство	33	31	32	37
Индекс качества городской среды	181	189	191	203
ТОСЭР «Чистополь»				
Жилье и прилегающие пространства	37	33	33	32
Улично-дорожная сеть	26	31	30	33
Озелененные пространства	22	21	21	26
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	33	35	37	37
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	25	26	30	32
Общегородское пространство	41	36	40	40
Индекс качества городской среды	184	182	191	200
ТОСЭР «Менделеевск»				
Жилье и прилегающие пространства	39	46	45	44
Улично-дорожная сеть	26	38	38	39
Озелененные пространства	21	20	20	25
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	30	27	26	30
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	24	22	25	27
Общегородское пространство	40	38	38	39
Индекс качества городской среды	180	191	192	204

Если рассматривать все остальные ТОСЭР РТ, то все они с 2019 года находятся в категории «благоприятная среда» и с каждым годом происходит увеличение баллов по всем показателям. По всем ТОСЭР РТ индекс качества городской среды представлен в таблице 6 [4].

Индекс качества городской среды ТОСЭР РТ

ТОСЭР	Год			
	2018	2019	2020	2021
«Набережные челны»	202	198	198	199
«Нижнекамск»	179	196	209	210
«Зеленодольск»	181	189	191	203
«Чистополь»	184	182	191	200
«Менделеевск»	180	191	192	204

Сравнивая таблицы 3 и 6 между собой, становится очевидным, что темп развития ТОСЭРов РТ опережают темпы развития ТОСЭРов РБ. Несмотря на большую площадь ТОСЭРов РБ, густонаселенными являются ТОСЭРы РТ, так как там более благоприятная среда для обитания населения, более высокие баллы наблюдаются в категориях «жилье и прилегающие пространства», «социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства» и «общегородское пространство». По вышеуказанным показателям видно, что инфраструктура территорий опережающего социально-экономического развития в РТ является более привлекательной для жизни населения.

Список использованной литературы:

1. Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г. Модели развития полифункциональных территорий с позиции технологического прорыва // Успехи современного естествознания. – 2019. – № 12-1. – С. 34-38.
2. Сафиуллин Р.Г., Тагирова Э.И. Факторы и условия эффективности проектов трансформации социально-экономического пространства Республик Башкортостан и Татарстан в изменяющихся реалиях // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 5. – С. 81-86.
3. Тагирова Э.И. Оценка социально-экономического развития ТОСЭР в Республике Башкортостан // Инновационные технологии развитием регионов: Материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 70-ти летнему юбилею со дня основания Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2021. – 406 с.
4. Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. URL: <https://индекс-городов.рф/#/cities/7609> (дата обращения: 02.10.2022).

УДК 101.1; 316.4; 332,1

Ф.С. ФАЙЗУЛЛИН

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,
Россия, e-mail: fayzullin.f@gmail.com

И.Ф. ФАЙЗУЛЛИН

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
г. Уфа, Россия, e-mail: ifaiz@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА И ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ABOUT SOME FEATURES OF THE MODERN LABOR MARKET AND ITS REGULATION

*Данное исследование выполнено в рамках государственного задания
УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.*

Аннотация. Качественные преобразования общественных отношений в стране привели к существенным изменениям всей системы рынка труда. Ее особенности варьируются во времени и пространстве, от страны к стране в зависимости от особенностей социально-политического и экономического устройства, культурных традиций и специфики региона. В связи с этим стала актуальной необходимость раскрытия этих особенностей в целях совершенствования регулирования процесса развития рынка труда. Анализируются основные тенденции и противоречия современного рынка труда. Обосновывается необходимость разработки специальной программы, направленной на решение проблем достижения эффективности и обеспечения интенсификации его развития.

Abstract. Qualitative transformations of social relations in the country have led to significant changes in the entire labor market system. Its features vary in time and space, from country to country, depending on the peculiarities of the socio-political and economic structure, cultural traditions and the specifics of the region. In this regard, it has become urgent to disclose these features in order to improve the regulation of the labor market development process. The main trends and contradictions of the modern labor market are analyzed. The necessity of developing a special program aimed at solving the problems of achieving efficiency and ensuring the intensification of its development is substantiated.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, неполная занятость, регулирование рынка труда, функционирование и развитие рынка труда.

Keywords: labor market, unemployment, underemployment, labor market regulation, functioning and development of the labor market.

Трансформационные процессы в России привели к качественным изменениям всей системы общественных отношений в стране и сформировали целый ряд актуальных проблем, требующих своего решения. Укрепление новых общественных отношений, несомненно, прежде всего, связано с формированием цивилизованного рынка труда, ибо труд в современной ситуации остается решающим фактором производства жизни [1, с.3].

В отечественной литературе проблемы рынка труда в последние годы стали объектом активных исследований специалистов самых различных отраслей. Однако многие аспекты сложных проблем рынка труда остались мало исследованными. Это связано с тем, что особенности рынка варьируются во времени и пространстве, от страны к стране в зависимости от особенностей социально-политического и экономического устройства, культурных традиций, специфики региональной социально-экономической структуры.

Анализ современного состояния российского рынка труда свидетельствует:

Во-первых, продолжается процесс перераспределения рабочих мест между частным и государственным сектором. Политика балансирования бюджетных расходов и снижение роли государства как основного поставщика социальных услуг привела к падению роли госсектора в качестве источника дополнительных рабочих мест. Занятость в государственном секторе уже значительно отстает от соответствующего показателя для частных предприятий.

Во-вторых, основное число новых рабочих мест за последние десятилетия было создано в сфере услуг, что предопределило дальнейшее увеличение доли этой сферы в общей занятости. В отраслях материального производства лишь строительству удалось привлечь дополнительных работников. В добывающей и обрабатывающей промышленности число рабочих мест продолжает сокращаться. Увеличение занятости в отдельных отраслях не могло изменить общую тенденцию к снижению занятости в обрабатывающих отраслях. Наряду с сокращением в них рабочих мест меняется структура занятых – на фоне продолжающегося уменьшения числа мест для производственных рабочих увеличивается занятость в маркетинговых службах, юридических отделах, в службах управления персоналом.

В-третьих, одной из острых структурных проблем рынка труда остается неравномерность уровня безработицы среди отдельных возрастных групп и прежде всего массовая безработица среди молодежи. Решению проблемы мешает высокая концентрация безработной молодежи в семьях с низким уровнем доходов. Семьи, где родители не имеют постоянной работы, не могут обеспечить своим детям хороших стартовых условий. Наряду с высоким «отсевом» из школ и недостатками

в системе образования этот фактор становится одной из причин низкой конкурентоспособности данной категории молодежи на рынке труда.

В-четвертых, за минувшее десятилетие в промышленно развитых странах имеет место рост неполной занятости. Спрос на нетрадиционные виды занятости остается устойчивым, несмотря на связанную с ними меньшую социальную защищенность. Это объясняется тем, что частичная занятость позволяет сочетать карьеру с другими жизненными целями – воспитанием детей, получением либо продолжением образования и т.д. В то же время выбор работы с неполным рабочим днем зачастую носит вынужденный характер и маскирует недостаток вакансий с полным рабочим днем. Именно поэтому масштабы вынужденной частичной занятости являются одним из показателей рынка труда.

Неполная занятость стала развиваться быстрыми темпами в условиях перехода к рыночной экономике, когда первая попытка проведения жесткой кредитно-денежной политики привела к резкому усилению финансового давления на предприятия. Тогда сокращение вакансий перестало быть источником экономики фонда оплаты труда, предприятия перешли к практике использования режимов неполной занятости и неоплачиваемых отпусков. Оценить масштабы скрытой безработицы трудно. Разброс цифр, которыми оперируют разные ведомства, очень велик, и уже поэтому сами эти цифры в известной мере вызывают сомнение в их достоверности.

О состоянии скрытой безработицы в Республике Башкортостан (РБ) свидетельствуют данные Башстата [2]:

В 1 квартале 2018 года 9,97% работников в РБ находились в режиме неполной занятости (это 81,6 тыс. человек из 818,0 тыс. человек охваченных статистическим наблюдением, в 9,9 тыс. организациях республики).

В 1 квартале 2019 года (79,0 тысяч человек из 810,1 тыс. человек опрошенных) что составляет 9,75% работающего населения.

В 1 квартале 2020 года в республике статистическим наблюдением было охвачено 809,9 тыс. человек. В режиме неполной занятости в I квартале 2020 года работали 88,0 тыс. человек что составляет 10,86% работающего населения.

В 1 квартале 2021 года (80,6 тыс. человек из 793,3 тыс. человек опрошенных) что составляет 10,16% работающего населения.

В 1 квартале 2022 года (80,2 тыс. человек из 787,5 тыс. человек опрошенных), что составляет 10,18% работающего населения.

По сравнению с 2018 годом в 2022 году существенные изменения в широте охвата работающего населения с таким явлением, как неполная занятость, не произошли. Здесь лишь имеются некоторые сдвиги в структуре неполной занятости.

Состояние рынка труда в дальнейшем будет, на наш взгляд, определяться рядом факторов. Основные из них – замедление темпов роста трудоспособного населения, увеличение в структуре экономически активного населения доли старших возрастных групп, сохранение тенденции к опережающим темпам роста занятости в сфере услуг, а также преимущественный рост спроса на высококвалифицированную рабочую силу при сохранении большого числа мест с низкими профессионально-квалификационными характеристиками. Вероятно, не произойдет каких-либо изменений в источниках создания дополнительных рабочих мест, подавляющая их часть появится в сфере услуг. При этом наибольший прирост занятости произойдет в управленческих услугах, здравоохранении, инжиниринге. На первое место по темпам роста занятости выйдут компьютерные услуги, что связано с развитием производительных сил и информатизацией общества.

Научно-технический прогресс и изменения отраслевой структуры экономики наряду с переменами в стиле жизни предопределяют предполагаемый характер спроса на отдельные профессиональные группы. Основной тенденцией ближайших лет будет рост профессий, требующих высокого уровня образования, и высокие темпы создания рабочих мест для малоквалифицированной рабочей силы. Прогнозируемая структура спроса на отдельные профессии определяет особенности требований к образовательному уровню будущих работников. Преимущественное развитие сферы услуг в течение ближайшего десятилетия, если не будет существенного технологического прорыва, может привести к тому, что для большинства новых рабочих мест в стране не будет обязательным высокий уровень образования, что обусловит будущие проблемы рынка труда.

Анализ современного состояния рынка труда, таким образом, приводит к выводу о том, что для разрешения существующих противоречий в стране необходимо разрабатывать социально-экономическую политику, направленную на ее регулирование. Эта стратегия должна максимально учитывать, прежде всего, следующие процессы и явления: во-первых, структура занятости находится под воздействием научно-технического прогресса, и соответственно рынок меняет структуру занятого населения. Во-вторых, возникли различные формы собственности на средства производства и формировались различные типы предприятий. В-третьих, произошел коренной поворот производства к потребностям рынка, к увеличению темпов расширенного воспроизводства отраслей экономики, удовлетворяющих спрос населения. В-четвертых, большие изменения происходят в соотношениях трудоспособного населения, занятого в материальном и нематериальном производстве. В-пятых, происходят изменения соотношения между добывающими и перерабатывающими отраслями экономики.

Подводя итог, следует отметить, что социально-экономическая политика должна проводиться на основе системного и дифференцированного подходов, максимально учитывая все особенности, которые происходят в сфере рынка труда в современном быстромеменяющемся обществе. Эффективность решения проблем развития рынка труда требует разработки специальной программы по его регулированию.

Список использованной литературы:

1. Файзуллин Ф.С., Файзуллин И.Ф. Безработица и ее регулирование. – Уфа: РИО МО РБ, 2006.
2. Башстат 2022. Электронный ресурс: <https://bashstat.gks.ru> (дата обращения: 03.09.2022).

УДК 101.1; 316.4; 332.1

Ф.С. ФАЙЗУЛЛИН

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН,
e-mail: fayzullin.f@gmail.com

Т.Ф. ФАЙЗУЛЛИН

Институт непрерывного профессионального образования в сфере здравоохранения, e-mail: centrelit@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

PROBLEMS OF DETERMINING THE ESSENCE AND CONTENT OF SOCIAL CAPITAL IN RUSSIAN SCIENCE

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. В статье анализируются имеющиеся в отечественной науке различные методологические подходы к определению сущности и содержания социального капитала. Утверждается, что необходимость разработки проблем социального капитала связана с расширением глобализационных процессов, обострением конкурентной ситуации в мире и установлением различных санкций государств по отношению друг к другу. Определяются разные концепции о сущности социального капитала, его особенностях, формировании, развитии и реализации. Раскрываются положительные достижения и недостатки формирующихся концепций российских исследователей, изучающих проблемы социального капитала. Отмечается отсутствие в настоящее время в современной общественной науке фундаментальных исследований,

посвященных методологическим вопросам анализа названного объекта. В связи с этим обосновывается необходимость создания единой системной концепции, которая может повысить эффективность исследования социального капитала, раскрыть существующие противоречия в его формировании и реализации.

Abstract. The article analyzes the various methodological approaches available in domestic science to determine the essence and content of social capital. It is argued that the need to develop the problems of social capital is associated with the expansion of globalization processes, the aggravation of the competitive situation in the world and the establishment of various sanctions of states in relation to each other. Different concepts about the essence of social capital, its features, formation, development and implementation are defined. The positive achievements and shortcomings of the emerging concepts of Russian researchers studying the problems of social capital are revealed. It is noted that there is currently no fundamental research in modern social science devoted to the methodological issues of the analysis of the named object. In this regard, the necessity of creating a unified systemic concept is substantiated, which can increase the efficiency of the study of social capital, reveal the existing contradictions in its formation and implementation.

Ключевые слова: капитал, формы капитала, социальный капитал, структура социального капитала, эффективность управления.

Keywords: capital, forms of capital, social capital, structure of social capital, management efficiency.

Актуальность и необходимость исследования социального капитала, и его использования обусловлены потребностями развития современного общества. Выделение новой формы потребовало определения его сущности и содержания, разработки концепции его формирования, развития и применения на практике. В настоящее время социальный капитал становится предметом изучения многих наук гуманитарного профиля таких, как философия, социология, экономика, социальная психология, педагогика и др. Тем не менее пока не разработаны методологические вопросы исследования этого феномена, отсутствуют четкое представление о его содержании, система показателей его состояния, тенденций развития и использования [1, с. 23]. Все это свидетельствует о необходимости создания концепции социального капитала на основе системного подхода. В связи с этим необходимо на современном этапе прежде всего проанализировать уже имеющиеся у нас некоторые результаты научно-исследовательских работ, посвященных этой проблематике.

Одним из первых в отечественной науке обративших свой исследовательский интерес к проблемам социального капитала был В.В. Радаев, который отмечал, что у истоков разработки концепта этого

явления стояли зарубежные ученые. «Для социально-экономического анализа форм капитала мы используем наиболее известный в данном отношении подход П. Бурдьё, который принципиально выступает против их сведения к экономическому капиталу, как это зачастую происходит в экономической теории» – писал он [2, с. 22]. Основными формами капитала автор считает экономический, физический, культурный, человеческий, социальный, административный, символический капиталы. Здесь, однако не ясно на основе какого критерия осуществляется выделение автором названные формы капитала, а, как известно, структурирование исследуемого явления всегда требует единого критерия, который здесь не сформулирован и не прослеживается. У автора нет четкого определения сущности социального капитала, но в работе достаточно детально раскрывается его особенности по сравнению с другими формами капитала. Исследователь подчеркивает, что социальный капитал «связан с установлением и поддержанием связи с другими хозяйственными агентами. Социальный капитал – это совокупность отношений, порождающие действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. Это одновременная концентрация ожиданий и обязательств выражается обобщающим понятием доверия. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в рецепрокность», или взаимность и, следовательно, уровень социального капитала» [2, с. 26]. Это, по существу, повторение характеристики социального капитала сделанных Дж. Коулманом и Р. Патнэмом

П.Н. Шихарев также является одним из зачинателей исследований социального капитала в нашей стране, который этот феномен рассматривал как «совокупность психологических отношений, конвертируемых в другие формы капитала [3, с. 18] Важнейшей характеристикой социального капитала, как специфической формы социальных отношений между людьми автор рассматривает доверие. Являющееся, по его мнению, выражением состояния внутренних общественных связей. При этом доверие определяется как «оптимистическое ожидание человека, группы или фирмы, находящихся в условиях уязвимости и зависимости от другого человека, другой группы или фирмы в ситуации совместной деятельности или экономического обмена с целью способствовать, в конечном счете, взаимовыгодному сотрудничеству сторон [3, с. 20].

Л.А. Беляева, продолжая идеи сложившихся о методологическом подходе к исследуемой проблеме в зарубежной науке, утверждает, что социальный капитал складывается из взаимосвязанных трех основных элементов: социальных сетей, общих норм и доверия, которые вместе создают специфическую форму капитала. Автором отмечается, что

главное отличие социального капитала заключается в том, что он проявляется в отношениях субъектов, а не во взаимоотношениях объектов и субъектов [4, с. 93]. Раскрывая сложности определения показателей уровня развития социального капитала, автор анализирует как это осуществляется исследователями других стран и обобщает их опыт. В статье уделяется значительное внимание на определение и значение социального капитала для сегодняшнего Российского предпринимательства. Автор раскрывает сложности и противоречия развития и реализации социального капитала в сфере предпринимательства на основе материалов конкретных социологических исследований. Полученные материалы стали основой для заключительного вывода, что «общество с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия между людьми и государственными и общественными институтами, сильную гражданскую идентичность, позитивные социальные связи и отношения, имеют благоприятные возможности для развития, в них успешнее развивается предпринимательство [4, с. 105].

М.Я. Фейзба, как и вышеназванные исследователи, социальный капитал рассматривает, что это «совокупность социальных взаимоотношений и связей, построенных на нормах взаимного уважения и доверия друг к другу [5, с. 12]. Что же касается особенностей социального капитала от других форм капитала, автор это видит в «способности местного сообщества к самоорганизации, то есть в возможности и умении людей, проживающих на определенной территории, создавать гражданские ассоциации [общественные организации, которые формируются на основе общего интереса и решения общих проблем, и не занимающихся коммерческой деятельностью]» [5, с. 12].

Рассмотрение особенностью субъекта социального капитала как сообщества, не занимающегося экономической деятельностью, является по существу противопоставлением сложившейся зарубежом концепции о том, что анализируемый феномен, наоборот, направлен на получение определенных выгод и в том числе экономических. Об этом говорят определения, которые сформулированы и отечественными авторами, занимающими этими вопросами. Так, С.В. Ракша утверждает, что: «Социальный капитал – экономический мегаинститут, основанный на доверии, механизмах обеспечения обязательств и санкциях, формирует качество социальных связей, организует взаимодействие в соответствии основными принципами и способствует достижению агентами экономического результата [6, с. 8]. Аналогичный подход и у таких исследователей как М.В. Курбатов, Н.В. Апарина, С.А. Хмельницкий, И.С. Дискин [7, 8] и многих других. В частности, Е.А. Полищук утверждает, что социальный капитал – это социальные нормы и сети,

связи и доверия, которые оказывают все более сильное воздействие на хозяйственные процессы [9, с. 11].

Несколько модернизированную идею пытается обосновать А.Т. Коньков, подчеркивая, что социальный капитал-это «совокупность структурно оформленных социальных отношений, основанных на взаимно-разделяемых и подкрепляемых нормах, обязательствах и представлениях, использование которых позволяет получить доступ к разнообразным благам и повышать эффективность коллективной деятельности субъектов этих отношений» [10, с. 10] Основными компонентами социального капитала автор считает социальные связи, социальные нормы, доверие и подкрепляющие его санкции, права, взаимные ценностные ориентации . При этом автором отмечается, что основной функцией социального капитала в системе экономического взаимодействия является обеспечение доступа субъектов к разнообразным по типу благам, и особо подчеркивается, что указанная функция – фундаментальное свойство социального капитала.

В отечественной науке наконец появились монографические издания, посвященные анализу социального капитала. Поскольку абсолютное большинство исследователей основными характеристиками социального капитала рассматривают доверие, социально-коммуникационные связи и социальные нормы, регулирующие поведение людей, исследуемый феномен анализируется в них преимущественно в рамках складывающихся традиций как социально-психологическое явление. Об этом свидетельствует, в частности, определение, которое дает А.Н. Татарко в своей монографии «Социальный капитал как объект социально–психологического исследования». Здесь он пишет «Социальный капитал – это совокупность психологических отношений, способствующая повышению материального и психологического благополучия индивидов и групп, не нанося ущерба иным субъектам социальной системы» [11, С. 36]. Автор утверждает, что к настоящему времени сформировались четыре основных подхода в исследовательской практике социального капитала: коммунитарный, сетевой, институциональный и синергетический концепции. Исходя из своего понимания сущности социального капитала, А.Н. Татарко утверждает для оценки социального капитала необходимость использования таких показателей как общий уровень доверия личности, уровень институционального доверия, характеристика гражданской идентичности, этническая толерантность, воспринимаемая толерантность иных групп, воспринимаемый социальный капитал окружения, воспринимаемый социальный капитал институтов общества [11, с. 46-48]. На основе материалов своих эмпирических исследований с использование системы указанных показателей, автор пытается раскрыть особенности и уровень

развития социального капитала различных этнических групп и различных личностей.

Проблемам разработки социально-психологической концепции социального капитала личности посвящена монография «Социальный капитал личности», авторами которой являются Л.Г. Почебут, А.Л. Свенцицкий, Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, И.В. Кузнецова. Сущность социального капитала исследователями определяется как «социальное богатство личности, которое выражается в совокупности ее позитивных межличностных связей, что представляет этой личности доступ к различным ресурсам партнеров, а с другой стороны, дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами» [12, с. 3]. Авторами достаточно оригинально осуществлен анализ различных подходов к определению социального капитала личности, методов его изучения и основных имеющихся теоретических концепций. Однако и в этой работе, как и в большинстве публикаций, доверие рассматривается как фундаментальная основа социального капитала.

Результаты анализа существующей научной литературы, посвященной исследованию проблем социального потенциала в России, дает основание сделать ряд выводов: во-первых, еще не создана общая фундаментальная теоретико-методологическая основа исследования сущности, формирования, развития и реализации социального капитала. во-вторых, изданные работы отечественных специалистов свидетельствует о том, что в исследованиях социального капитала прослеживается достаточно сильное влияние концепций зарубежных научных школ. В-третьих, рассмотрение социального капитала большинством исследователей как доверие, социальные сети и нормы поведения приводит к сведению этого феномена к социально-психологическому явлению.

Исследования проблем социального капитала в современном обществе стало чрезвычайно актуальным направлением общественных наук. Эффективность развития и использования социального капитала, безусловно, зависит от разработанности теоретических основ анализа и разработки механизма процесса его реализации. В связи с этим интерес к изучению проблем социального капитала в дальнейшем будет возрастать.

Список использованной литературы:

1. Файзуллин Ф.С. Социальный капитал и разработка технологии его реализации // Проблемы востоковедения. – 2021. – № 1. – С.23-30.
2. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – С. 20-32.

3. Шихарев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологические подходы // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 17-32.

4. Беляева Л.А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // *Философские науки*. – 2016. – № 10. – С. 91-101.

5. Фейзба М.Я. Социальный капитал как фактор экономического развития территории: автореферат дисс. к.э.н. – М., 2007. – 18 с.

6. Ракша С.В. Институционализация социального капитала в рыночной экономике: автореферат дисс. к.э.н. – Ростов н/Д. – 19 с.

7. Курбатова М.В., Апарина Н.Ф. Социальный капитал предпринимателя: формы его проявления и особенности в современной российской экономике // *Экономический вестник Ростовского ГУ*. – 2008. – №4. – С. 45-61.

8. Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // *Мониторинг общественного мнения*. – 2003. – №5-6. – С. 12-15.

9. Полещук Е.А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // *Вестник СПб университета*. – 2005. – Сер. 5. – № 1. – С. 3-15.

10. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие: автореферат дисс. д.соц.н. – М, 2006. – 38 с.

11. Татарко А.Н. Социальный капитал как объект психологического исследования. – М.: 2011. – 160 с.

12. Почебут Л.Г. Свенцкий А.Л. Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В. Социальный капитал личности. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 250 с.

УДК 316.334.22

Г.Р. ФАТКУЛЛИНА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: gulshat475@yandex.ru

МОЛОДЕЖЬ И РЫНОК ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: КЛЮЧЕВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

YOUTH AND THE LABOR MARKET IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: KEY DETERMINANTS

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. Безработица в связи с недавним экономическим кризисом вновь стала серьезной проблемой для общества. Ожидается, что в мире общая безработица останется на высоком уровне в течение многих

последующих лет. Более того, молодежь особенно пострадала от кризиса и последовавшего за ним слабого и неравномерного восстановления. Во многих европейских странах ситуация особенно серьезна (например, в Боснии и Герцеговине, Греции, Испании, Италии и мн. др.) [1]. Во многих странах безработица среди молодежи превышает, часто в два-три раза, уровень безработицы среди взрослого населения. Основной причиной этого является то, что молодые люди, несмотря на наличие в среднем более высокого уровня образования, обладают меньшим количеством навыков и менее опытны, чем их более старшие сверстники, в связи с чем, работодатель также предлагает молодежи лишь низкооплачиваемую и неквалификационную работу. Еще одной тревожной особенностью данной проблемы является то, что часть безработицы среди молодежи становится долгосрочной. Все это сказывается на заработной плате, возможностях карьерного роста и уровня безработицы среди молодежи. Также именно молодежь признается органами статистики наиболее бедными и уязвимыми слоями населения (например, по данным Башкортостанстата, в республике Башкортостан констатируется детская и молодежная бедность; наиболее бедными слоями населения признаются студенты).

Abstract. Unemployment due to the recent economic crisis has again become a serious problem for society. Global unemployment is expected to remain at a high level for many years to come. Moreover, young people were particularly affected by the crisis and the weak and uneven recovery that followed. In many European countries, the situation is particularly serious (for example, in Bosnia and Herzegovina, Greece, Spain, Italy, and many others). In many countries, youth unemployment is often two to three times higher than the adult unemployment rate. The main reason for this is that young people, despite having a higher level of education on average, have fewer skills and are less experienced than their older peers, and therefore, the employer also offers young people only low-paid and unqualified work. Another disturbing feature of this problem is that part of youth unemployment is becoming long-term. All this affects wages, career opportunities and the unemployment rate among young people. Also, it is young people who are recognized by statistical agencies as the poorest and most vulnerable segments of the population (for example, according to Bashkortostan Statistics, child and youth poverty is stated in the Republic of Bashkortostan; students are recognized as the poorest segments of the population).

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, безработица, безработица молодежи, трудовое поведение.

Keywords: youth, labor market, unemployment, youth unemployment, labor behavior.

Безработица была главной проблемой общества на протяжении многих десятилетий. Со времен Великой депрессии начала 1930-х годов ведущие экономисты, такие как Джон М. Кейнс, посвятили свои анализы исследованию причин этой «патологии» и поиску соответствующих политических мер. За последние полвека большое количество литературы было посвящено выявлению ключевых факторов, определяющих изменения показателей рынка труда с течением времени и сохраняющихся различий в показателях рынка труда между странами.

На макроэкономическом уровне безработица – это пустая трата производственных ресурсов, и из-за потери человеческого капитала она также ослабляет долгосрочный рост, а также угрожает социальной сплоченности. С индивидуальной точки зрения, безработица влияет на здоровье людей и снижает их благосостояние. В случае с молодежью безработица является еще более серьезной проблемой, поскольку она не только подрывает человеческий капитал, но и препятствует накоплению опыта работы, оказывая негативное влияние на доход и возможности карьерного роста. В конечном счете, это повышает риск того, что молодые люди будут исключены из рынка труда на длительный срок [2], увеличивая риск появления «потерянного поколения» людей, которые никогда не выйдут на рынок труда [3].

В большинстве стран, говоря о безработице среди молодежи, имеют в виду лиц в возрасте 15-24 лет, хотя иногда рассматриваются и другие возрастные категории.

Теории, касающиеся безработицы среди молодежи, являются частью более широких теорий, объясняющих это явление в целом. Можно выделить, по крайней мере, три крупных группы детерминант безработицы [4]. Первая группа причин включает макроэкономические циклические условия. Связь между уровнем безработицы и ростом ВВП – это так называемый закон Окуня [5].

Вторая группа переменных, которые имеют значение при определении безработицы и показателей рынка труда, включает демографические, индивидуальные, социальные и структурные условия. Демографические переменные относятся не только к составу и естественным перемещениям населения, но и к миграционным потокам. Таким образом, безработица среди молодежи может быть снижена, если молодые люди смогут эмигрировать в другие страны [6]. Индивидуальные детерминанты включают предпочтения работников. Индивидуальные предпочтения, например, объясняют растущее участие женщин на рынке труда. Социальные факторы включают роль семьи, связи с родителями и барьеры для региональной мобильности. Структурные детерминанты относятся к различным переменным, таким как торговая специализация стран, связи между финансовым сектором и реальной экономической деятельностью, степень конкурентоспособности

и так далее. Для многих исследователей наиболее важной переменной является структура промышленности, поскольку экономическая специализация стран влияет на чувствительность безработицы к циклическим условиям [7].

Третья группа переменных включает политику и социальные институты и особенно актуальна, поскольку почти две трети нециклических изменений безработицы с течением времени объясняются изменениями в данных сферах [8]. В дополнение к налогам на рабочую силу, пособиям по безработице, объединению в профсоюзы, законодательству о защите занятости и активной политике на рынке труда, которые влияют на общий уровень безработицы, институциональные переменные, характерные для безработицы среди молодежи, включают минимальную заработную плату и степень, в которой могут быть использованы временные контракты. Общий результат различных исследований заключается в том, что законодательство о защите занятости и правила увольнения влияют на текучесть кадров и продолжительность безработицы больше, чем на уровень безработицы, поэтому такие правила более важны для молодых людей, чем для пожилых. Некоторые другие институты, имеющие отношение к безработице среди молодежи, включают систему образования и процессы перехода от школы к работе [9]. С этой точки зрения, система двойного образования, подобная той, которая была внедрена в Германии, где ученичество играет ключевую роль наряду с формальным образованием, вероятно, является лучшим способом сократить разрыв в трудовом опыте молодежи и улучшить возможности трудоустройства молодых работников [10]. Другой возможной причиной высокого уровня безработицы среди молодежи и низкого качества занятости является несоответствие между приобретенными знаниями через формальное образование и навыки, требуемые рынком труда. Образование является ключевой переменной, было обнаружено, что оно оказывает большее влияние на результаты на рынке труда по мере продолжения рецессии.

Среди молодежи рост безработицы является одной из наиболее серьезных проблем, стоящих перед обществом в современном мире, как в развитых, так и в развивающихся странах. Согласно последнему обзору Глобальных тенденций в сфере занятости молодежи к 2020 году: Технологии и будущее рабочих мест, с 2017 года наблюдается рост числа молодых людей, не занятых в трудовой сфере, а также не получающих образования или навыков. В 2016 году насчитывалось 259 млн молодых людей этой категории. Их число, по оценкам, достигло 267 млн в 2019 году, и, по прогнозам, в 2021 году их число продолжило расти и составило около 273 млн. В процентном выражении также наблюдался

некоторый рост этого показателя: с 21,7% в 2015 году до 22,4% в 2020 году.

В России, согласно данным Росстата, доля безработных среди молодежи от 18-29 лет в 2021 году увеличилась с 14% до 16%, а среди россиян 15-19 лет и вовсе достигла почти 30%. Причина кроется в нежелании работодателей брать сотрудников без опыта или же работодатели предлагают молодым самые низкооплачиваемые и неквалифицированные должности. Однако если бы молодые люди получали несколько лет опыта еще во время учебы в школе, ситуация была бы совершенно иной. Так, по данным Башкортостанстата, всего треть населения республики (33,9%: из них 33,1% молодежи в возрасте 16-29 лет) удовлетворены своей работой. Меньше всего удовлетворенных в возрастной когорте 15-19-летних (17,6%) – тех самых школьников и учащихся, которым, вероятно, предлагают в основном низкооплачиваемую и неквалифицированную работу. Больше всего молодых людей не удовлетворяет профессиональная составляющая работы (17,6%, когда средний показатель по всем возрастным группам – 4,6%), и в целом работа не приносит морального удовлетворения (17,6% 15-19-летних) (табл.) [11].

Таблица

Удовлетворенность работой по возрастным группам, %

	Все респонденты	Возраст			
		15-19	20-24	25-29	30-34
1	2	3	4	5	6
<i>заработок</i>					
вполне удовлетворены	33,9	17,6	41,8	29,4	31,0
не вполне удовлетворены	57,1	82,4	55,9	66,0	56,5
совсем не удовлетворены	9,1	0,0	2,3	4,6	12,5
не определено	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>надежность работы</i>					
вполне удовлетворены	65,1	15,2	50,8	67,0	64,4
не вполне удовлетворены	32,1	84,8	48,4	28,8	33,2
совсем не удовлетворены	2,7	0,0	0,9	4,2	2,4
не определено	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>выполняемые обязанности</i>					
вполне удовлетворены	73,3	68,1	65,7	74,7	71,9
не вполне удовлетворены	25,1	31,9	27,1	23,2	26,0

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
совсем не удовлетворены	1,7	0,0	7,2	2,0	2,1
не определено	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>режим работы</i>					
вполне удовлетворены	78,5	68,1	66,8	79,9	77,8
не вполне удовлетворены	19,4	31,9	33,2	13,0	21,1
совсем не удовлетворены	2,1	0,0	0,0	7,1	1,1
не определено	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>условия труда</i>					
вполне удовлетворены	71,3	71,4	67,0	73,7	69,7
не вполне удовлетворены	25,6	28,6	30,8	20,8	26,0
совсем не удовлетворены	3,0	0,0	2,2	5,5	4,3
не определено	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>расстояние до работы</i>					
вполне удовлетворены	67,2	71,4	55,3	72,4	64,0
не вполне удовлетворены	27,9	28,6	38,1	25,1	26,4
совсем не удовлетворены	4,7	0,0	6,6	2,5	8,7
не определено	0,2	0,0	0,0	0,0	0,9
<i>профессиональная удовлетворенность</i>					
вполне удовлетворены	65,1	15,2	53,2	69,1	56,5
не вполне удовлетворены	28,9	67,2	41,0	25,3	36,6
совсем не удовлетворены	4,6	17,6	3,5	4,4	4,6
не определено	1,5	0,0	2,3	1,2	2,2
<i>моральное удовлетворение</i>					
вполне удовлетворены	73,3	34,9	62,2	69,8	71,9
не вполне удовлетворены	21,4	47,5	29,4	22,7	24,1
совсем не удовлетворены	4,1	17,6	8,4	7,5	2,8
не определено	1,2	0,0	0,0	0,0	1,2

В последние годы государство стало больше внимания уделять вопросам трудоустройства молодежи, так, например, пару лет назад появились льготы для предприятий, трудоустраивающих сотрудников до 30 лет; существуют пилотные программы по «дуальному образованию» [12–13], когда молодой человек учится и параллельно получает

практический опыт на рабочем месте; утвержденная «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года» [14] способна существенно сократить уровень молодежной безработицы; компании стали чаще предлагать стажировки для школьников [15], что является отличным способом посмотреть и познакомиться с профессией, сравнить ожидания и реальность – профориентация прямо на практике.

Этими данными хотим подчеркнуть важность обучения молодых людей навыкам, необходимым для получения достойной работы и занятий, например, предпринимательской деятельности. И, конечно, же более пристальное внимание со стороны политических институтов к вопросу молодежной безработицы и помощи в трудоустройстве молодого поколения.

Список использованной литературы:

1. Список стран по уровню безработицы. URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/> (дата обращения: 29.09.2022)
2. Bell, DNF and Blanchflower, DG. 2011: Young people and the Great Recession. *Oxford Review of Economic Policy* 27(2): 241–267.
3. Scarpetta, S, Sonnet, A and Manfredi, T. 2010: Rising youth unemployment during the crisis: How to prevent negative long-term consequences on a generation? *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, 6, Paris.
4. Marelli, E, Choudhry, MT and Signorelli, M. 2013: Youth and the total unemployment rate: The impact of policies and institutions. *Rivista internazionale di scienze sociali* 121(1): 63–86.
5. Knotek, ES. 2007: How useful is Okun’s Law? *Economic Review, Federal Reserve Bank of Kansas City. Fourth Quarter* 92(4): 73–103.
6. Kelly, E, McGuinness, S, O’Connell, P, Haugh, D and González Pandiella, A. 2014: Transitions in and out of unemployment among young people in the Irish recession. *Comparative Economic Studies* 56(4): 616–634.
7. Hutengs, O and Stadtmann, G. 2014: Youth and gender specific unemployment and Okun’s Law in Scandinavian countries. *Comparative Economic Studies* 56(4): 567–580.
8. OECD. 2006: *Employment outlook*. OECD: Paris.
9. Quintini, G, Martin, JP and Marti, S. 2007: The changing nature of the school-to-work transition process in OECD countries. *Discussion Paper*, 2582, Institute for Study of Labor, IZA: Bonn.
10. Brunello, G, Garibaldi, P and Wasmer, E. 2007: *Education and training in Europe*. Oxford University Press: New York.
11. Комплексное наблюдения условий жизни населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной

статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://bashstat.gks.ru/folder/86298> (дата обращения: 30.05.2022).

12. Опыт дуального обучения в Германии, Казахстане, России // Аккредитация в образовании. URL: https://akvobr.ru/opyt_dualnogo_obucheniya.html (дата обращения: 2.06.2022).

13. Основатели. Выпуск 35. Дуальное образование // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9S8wuL8gFх8> (дата обращения: 2.06.2022).

14. Правительство утвердило долгосрочную программу содействия занятости молодежи до 2030 года // правительство России. URL: <http://government.ru/docs/44122/> (дата обращения: 2.06.2022)

15. Работа для подростков 14-17 лет. URL: <https://ufa.hh.ru/teens> (дата обращения: 2.06.2022).

УДК 316.1

Д.Р. ШАЙХУТДИНОВА

Институт философии РАН, г. Москва, Россия,

e-mail: diana.iphras@gmail.com

Ф.С. ФАЙЗУЛЛИН

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа,

Россия, e-mail: fayzullin.f@gmail.com

КРАУДСОРСИНГ КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

CROWDSOURCING AS A METHOD OF DISCOVERING SOCIAL PHENOMENA

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 от 14.01.2022 г. на 2022 г.

Аннотация. Статья посвящена раскрытию сущности краудсорсинга как метода исследования и регулирования социально-экономических явлений. Под краудсорсингом понимается передача определенных функций кругу лиц без заключения трудового договора по типу субподрядной работы, чтобы задействовать знания, опыт, творческие способности людей для решения различных теоретических и практических задач. Краудсорсинг как определенный социальный институт, складывается из ряда элементов: наличие определенного сообщества («толпы»); главного инициатора – краудсорсера; задания организации с четко сформулированной целью; сети Интернет и форм вознаграждения. На основе взаимосвязанного функционирования указанных составляющих реализуются основные задачи краудсорсинга.

Исходя из выдвинутых идей и предложений, организацией формируется определенное сообщество добровольцев на базе онлайн-ресурса. Это сообщество обрабатывает и обсуждает основные идеи и предложения, в результате которого дается оценка каждой из них и отбираются наиболее перспективные концепты. Окончательный выбор и реализация идеи остается за организацией, сформулировавшей проблему. Определяются основные направления краудсорсинга, реализуемые в настоящее время, его недостатки и противоречия. Обосновывается необходимость создания фундаментальных работ, посвященных краудсорсингу, и практических рекомендаций по повышению эффективности его использования.

Abstract. The paper is dedicated to the analysis of the notion of crowdsourcing as a method of studying and regulating social and economic relationships. In terms of the present investigation crowdsourcing is viewed as a delegation of several functions to a number of people without an employment subcontract in order to engage knowledge, experience, artistic capacity of people into solving different theoretical and practical problems. Crowdsourcing as a special social institute is built up from a range of elements: presence of a certain society (crowd); main figure — crowdsourcer; a task with an accurate goal; the Internet and a reward. On the basis of the interconnected functioning of the mentioned components the main objectives of crowdsourcing are performed. Taking into account the proposed ideas and offers an organisation forms a certain society of volunteers on the ground of an on-line resource. This society handles and discusses the main ideas and proposals and as a result it is provided an assessment of each and viewed the most relevant concepts. The final decision and realization remains to the organization which states the problem. The main streams of modern crowdsourcing are defined as well as their pros and cons. The necessity of creating fundamental works on crowdsourcing and practical recommendations on how to improve its efficiency is substantiated.

Ключевые слова: краудсорсинг, краудфандинг, социально-экономическое управление.

Keywords: crowdsourcing, crowdfunding, socio-economic management.

В результате трансформации всей системы общественных отношений возникла необходимость совершенствования управления дальнейшим развитием страны в новых условиях. В связи с этим актуализировались потребности в более глубоких и масштабных ее исследованиях, требующих расширения и формирования новых методов познания в области социально-экономических, политических и духовно-идеологических явлений и процессов. Одним из таких методов, используемых в анализе общественных явлений в последние годы, стал краудсорсинг. Внедрение краудсорсинга в деятельность различных институтов в настоящее время начало осуществляться в рамках

некоторых федеральных и региональных проектов, бизнес-структур, рекламных организаций. Это не случайно: краудсорсинг один из эффективных методов реализации потенциала общества, используемого в стране недостаточно полно, но от которого зависит обеспечение устойчивого и интенсивного развития общества.

В последние годы краудсорсинг стали не только активно изучаться, но и внедряться в практическую деятельность различных организаций [1, с. 39]. В отечественной литературе пока еще отсутствуют фундаментальные работы, посвященные раскрытию сущности и методологических основ использования краудсорсинга в различных сферах познания и на практике. В связи с этим актуальными стали вопросы об определении сущности этого метода, его места и значения в технологии управления социально-экономическими процессами.

Понятие «краудсорсинг» (crowdsourcing), сформулированное на основе объединения двух английских слов (crowd-толпа и sourcing-подбор, использование ресурсов) введен в литературу совсем недавно – в начале нашего столетия. Краудсорсинг означает передачу определенных функций кругу лиц без заключения трудового договора по типу субподрядной работы, чтобы задействовать их знания, опыт и творческие способности для решения различных теоретических и практических задач. Краудсорсинг как определенный социальный институт складывается из ряда элементов: наличие определенного сообщества («толпы»); главного инициатора – краудсорсера; задания организации с четко сформулированной целью; сети-Интернет и форм вознаграждения. На основе взаимосвязанного функционирования указанных составляющих реализуются основные задачи краудсорсинга. Исходя из выдвинутых идей и предложений организацией формируется определенное сообщество добровольцев на базе онлайн-ресурса. Это сообщество обрабатывает и обсуждает основные идеи и предложения, в результате которого дается оценка каждой из них и отбираются наиболее перспективные концепты. Окончательный выбор и реализация идеи остается за организацией, сформулировавшей проблему.

Краудсорсинг обладает широкими возможностями использования потенциала огромного количества людей для решения задач, которые возникают в ходе изучения решения, реализации различных проблем. Не случайно, что определенные элементы краудсорсинга в той или иной мере использовались и до появления самого термина в самых различных формах опроса населения и привлечения их к обсуждению жизненных проблем. С развитием средств информатизации и с появлением интернета создались большие возможности использования знаний многомиллионной «сетевой толпы» для решения различных научных и практических задач.

Дж. Хау, впервые использовавший термин «краудсорсинг», писал,

что в результате развития технологий, и прежде всего Интернета, обеспечивающего доступ к информации огромного числа пользователей, в современном мире сократился разрыв между специалистами и любителями в различных областях познания. В результате этого различные организации получили возможность использовать таланты «сетевой толпы» для решения своих различного рода задач. При этом он утверждал, что группы любителей, работающих независимо друг от друга над общей задачей, часто достигает более высоких результатов по сравнению с профессионалами [2, с. 5]. Дж. Шуровски в своей книге «Мудрость толпы» доказывал, что решение какой-либо трудной проблемы перед массой заинтересованных в этом людей в результате может оказаться более действенным по сравнению с достижениями небольшого коллектива, имеющего опыт и знания в данной области. По мнению автора, толпа может оказаться действительно умной, если она характеризуется следующими показателями: многообразие, т.е. участники должны быть независимыми друг от друга; децентрализованными социально и пространственно; иметь реальную независимость и возможность выразить свое мнение по анализируемой проблеме [3, с. 162].

В настоящее время в краудсорсинге определился ряд направлений, которые активно развиваются. К ним относятся: вопросы, которые выносятся на публичные голосования; поиск сотрудников и волонтеров, которых можно привлечь к исследованию и определению решение задач; формирование коллектива по участию в разработке идей и создания различных продуктов; сбор средств на запуск и реализацию созданного продукта в жизнь; использование как экспертов определенной профессионально подготовленной группы людей [4, с. 137]. Следует отметить, что основой, определяющей эффективность проектов, которые используют краудсорсинг, являются талантливые люди, жертвующие свое время на обсуждение и решение поставленных задач. Главную роль в этом процессе играет не стремление к зарабатыванию материальных средств, а желание получить морально-духовное удовлетворение от своего участия в решении проблем. Поэтому неслучайно, что участие населения в некоммерческих проектах носят наиболее масштабный характер.

В отечественной литературе, посвященной проблемам краудсорсинга, больше всего анализируется как этот метод используется в сфере бизнеса и определяется эффективность его развития и использования. Изучением этого феномена и его реализация дают основание утверждать, что идет процесс внедрения краудсорсинга во всех основных сферах общественной жизни страны, в том числе в системе государственной власти и некоммерческих организаций. Сейчас уже смело можно назвать успешность реализуемых проектов с использованием метода краудсорсинга начиная от разработки законопроектов до внедрения

элементарных продуктов в повседневной жизни.

Современная практика уже показала достаточную эффективность краудсорсинга. Об этом свидетельствуют такие явления в бизнесе как снижение транзакционных издержек, стимулирования новых инновационных разработок, взаимодействие и расширение круга потребителей, продвижение продуктов и услуг на рынке труда, повышение спроса на продукцию созданной с участием «толпы» и т.д. В некоторых регионах наметились разработки краудсорсинговых проектов, посвященных поддержке и развитию малого и среднего бизнеса, созданию новых высокотехнологичных рабочих мест, привлечению инвестиций в региональную экономику. Одна из первых компаний, которая эффективно использует и в настоящее время в России краудсорсинг – это ПАО «Сбербанк». Достаточно успешно краудсорсинг функционирует в таких организациях и проектах как: «Газпром», «МТС», «Азбука вкуса», «Национальная предпринимательская инициатива по улучшению инвестиционного климата в РФ» и другие.

В настоящее время краудсорсинг используется не только в бизнес структурах. Он интенсивно начал внедряться в систему образования. Так, еще в 2002 году был создан открытый образовательный сервис Массачусетского технологического института стал очень популярным в мире. Сервис такого характера создан и в России под названием «Открытое образование», который обеспечивает значительное количество направлений подготовки, с привлечением преподавателей ведущих университетов, которое ведет к повышению качества учебно-методических разработок, предоставляя открытому образованию возможность доступа к интеллектуальной собственности, что меняет и совершенствует методики преподавания и т.д.

Следует отметить, что краудсорсинг становится более широко используемым методом в научной сфере как при решении исследовательских задач, так и в процессе организации научной деятельности на основе привлечения сторонних специалистов, имеющих определенное отношение к изучаемым вопросам. Во-первых, в науке это крайне важно для обеспечения комплексного и системного подходов для решения поставленных научных задач, которые требуют привлечение на работу специалистов разных отраслей и профессий. Во-вторых, это дает возможность заинтересованным людям принимать участие в решении научно-технических задач, предлагать свои идеи по достижению сформулированных целей. В-третьих, краудсорсинг способствует информированию людей о проблемах, требующих своего решения, и формированию на этой основе сообщества заинтересованных индивидуумов, что делает краудсорсинг фактором производства знаний.

Методы краудсорсинга широко используется в реализации экологических проектов: составление карт, отражающих экологическое

состояние страны и ее регионов; мест разрушения в различных формах экологического баланса, охраняемых природных объектов; государственных парков; мест обитания различных видов флоры и фауны и т.д., которые уже сейчас активно используются на практике. Сегодня можно утверждать, что краудсорсинг создал возможность реализовать крупные проекты, которые охватывают огромные территории нашей страны и ее регионов [5, с. 105].

Современная развитая система коммуникаций создает условия для повышения участия широкого круга населения в процессе управления государством и его регионами, на основе установления обратной связи, которая является одним из важных принципов функционирования краудсорсинга. О роли краудсорсинга в управлении социально-экономической системой в целом, хороший пример дает руководство города Москвы. На платформе Правительства Москвы «Город идей» тридцать восемь проектов, которые охватывают все сферы жизни столицы: экономическую, социальную, культуры, благоустройства, образования, архитектуры, спорта и т.д. Многие проекты уже имеют определенные результаты, свидетельствующие об эффективности реализации краудсорсинга.

Приведенные положительные примеры можно продолжать дальше, но вместе с тем следует отметить некоторые недостатки, имеющиеся в этом методе. Недостатки связаны, во-первых, с тем, что на обработку полученных ответов и предложений требуется огромное количество времени. Во-вторых, возникают трудности в обеспечении логистики и контроля. В-третьих, существуют проблемы с установлением права на интеллектуальную собственность, полученную в ходе сотрудничества. В-четвертых, появление бесполезности – «шума идей», генерируемых пользователями, в результате которых происходит снижение качества конечного продукта. В этой ситуации возникает необходимость продолжения разработки теоретико-методологических основ и практической реализации краудсорсинга.

Следует согласиться с мнением, что «краудсорсинг действительно способен стать методом генерации инновационных идей, достойных эпохи глобализации. Объективные факты говорят за то, что мировые электронные сети делают инновационный ресурс совершенно по-новому управляемым, а краудсорсинг процессом вполне результативным и многообещающим. Ему можно предвещать большое будущее» [6, с. 123].

Вместе с тем следует согласиться с обоснованным мнением о коллективном субъекте познания члена-корреспондента РАН И.Т. Касавина, который утверждает, что «пока еще нет обоснований говорить о принципиально новой ступени развития КСП (Коллективный субъект познания)» [7, с. 178]. Краудсорсинг, безусловно, никогда не заменит реализацию профессиональных научно-исследовательских

программ, осуществляющихся специальными научными учреждениями академического, университетского и отраслевого характера. Его задача как определенного метода познания – оказание помощи научному сообществу в проведении различных исследований.

В связи с этим необходимо разрабатывать теоретико-методологические основы в краудсорсинге и его реализации во всех сферах жизнедеятельности общества, где это можно использовать в целях повышения и облегчения деятельности с учетом этой его особенности.

Список использованной литературы:

1. Лapidус Л.В. Краудсорсинг и краудфандинг. Маркетинговое продвижение проектов, продукции и услуг // Вестник Финансового университета. – 2016. – № 4. – С. 32-41.

2. Хау Дж. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 288 с.

3. Шуровски Дж. Мудрость толпы. – М.: Вильямс, 2007. – 304 с.

4. Шайхутдинова Д.Р., Файзуллин Ф.С. Сущность краудсорсинга как метода исследования социально-экономических явлений // Многонациональный регион: социальные технологии устойчивого развития // Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Уфа: Аэтерна, 2022. – С.136-140.

5. Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. Обеспечение экологического баланса региона // Философ, эколог, поэт по жизни, Э.В. Гирусов. – М: ИКАР, 2021. – С. 105-113.

6. Тегин В.А., Усманов Б.Ф. Краудсорсинг в генерации инновационных идей // Мир транспорта. – 2012. – № 6. – С. 118-123.

7. Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 262 с.

Научное издание

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ**

МАТЕРИАЛЫ
XIV Международной научно-практической конференции
20 ОКТЯБРЯ 2022 ГОДА

Часть II

ПЕЧАТАЕТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

Корректурa, компьютерная верстка Свинухова Ю.Н., Селиванова С.С.
Художественное оформление Елистратов Д.Д.

Отпечатано с готового оригинал-макета
на собственной полиграфической базе ИСЭИ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71
Тел: (8-347) 235-55-33, факс: (8-347) 235-55-44
Заказ № 11. Подписано в печать 31.10.2022 г.
Формат 70x100 1/16. Бумага типа «Снегурочка»
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 14,02. Уч.-изд. л. 16,00.
Тираж 100 экз.